

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

- Лингвистика
- Аспекты изучения
художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика
в историко-теоретическом
аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 2(49) 2023

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 2(49) 2023

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминев** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongolia; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design – M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Карпенко Л.Б.</i> Грамматическая концептуализация пространственности в русском языке (в сравнении с болгарским языком).....	7
<i>Доброва С.И.</i> Концентрический образный параллелизм в фольклорном тексте.....	16
<i>Бровина А.В., Маленко Е.Ю.</i> К вопросу о дефинициях биологического пола, грамматического рода и гендера.....	22
<i>Сабирова А.И.</i> Активное номинативное словообразование в языке поэзии рубежа XX-XXI веков (на примере наименований лица на -щик, -льщик).....	27
<i>Буасаенг Раттананорн</i> О «паремиологическом эссенциуме» русского языка, детерминированном эпохой XXI века.....	32
<i>Ермаков С.А.</i> Современные исследования категории градуальности.....	37
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Воротникова А.Э., Саратова М.В.</i> Особенности хронотопа в романе М. Байера «Летучие собаки».....	43
<i>Петрачкова И.М.</i> Основные тенденции номинации персонажей в драматургическом пространстве Александра Михайловича Галина.....	49
<i>Любарский Р.В.</i> Концепции К. Кастанеды как основополагающий элемент изображения Бога в романе В. Пелевина «Transhumanism INC.».....	57
Лингвокультурология	
<i>Воронова Т.А.</i> Цитатный материал в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык.....	67
<i>Барсукова-Сергеева О.М.</i> Метафорическое употребление наименований родства в советской идеологической риторике.....	71
Межкультурная коммуникация	
<i>Захраи М., Голами Х.</i> Преподавание письменного перевода в форме упражнений студентам, изучающим русский язык в иранских университетах.....	76
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Крынжина М.Д., Дедочева А.А.</i> Медиа в эпоху «постправды»: о понятиях «лженаука», «конспирология» и «фейк».....	84
<i>Трубицина Н.А., Вернигора Р.С.</i> Поликодовость, креолизация, жанровая диффузия: о природе современного журналистского текста.....	90
<i>Карпенко И.И.</i> Содержательные приемы инфотейнмента в работе региональных печатных СМИ.....	95
Язык СМИ	
<i>Алексеев А.Б.</i> Коммуникативные тренды современной политики.....	104
К 80-летию основателя Воронежской ономастической школы профессора Г.Ф. Ковалева	
<i>Ковалев Г.Ф.</i> Зооним как объект изучения литературной ономастики.....	113
<i>Верховых Л.Н.</i> Учитель, человек, ученый: о научной деятельности основателя Воронежской ономастической школы Геннадия Филипповича Ковалева.....	121
<i>Скуридина С.А.</i> Аспекты изучения литературной ономастики: взгляд исследователей Воронежской ономастической школы.....	127
<i>Попов С.А.</i> Топонимические исследования в трудах Воронежской ономастической школы.....	134
События, обзоры, рецензии	
<i>Бугакова Н.Б.</i> Итоги IV Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, ВГТУ, 19-21 апреля 2023 г.).....	142
Правила оформления статей	147

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Karpenko L.B.</i> Grammatical conceptualization of spatiality in Russian (in comparison with Bulgarian)....	7
<i>Dobrova S.I.</i> Concentric figurative parallelism in folklore text.....	16
<i>Brovina A.V., Malenko E.I.U.</i> To the matter of definitions of biological sex and gender.....	22
<i>Sabirova A.I.</i> Active nominative word formation in the language of poetry of the turn of the XX-XXI centuries (on the example of the name of the person on –schik, -lshchik).....	27
<i>Ratannaporn Buasaeng</i> About the “paremiological essentium” of the Russian language, determined by the epoch of the XXI century.....	32
<i>Ermakov S.A.</i> Modern studies of the category of graduality.....	37
Literary text: aspects of study	
<i>Vorotnikova A.E., Saratova M.V.</i> Features of the chronotope in the novel “Flying dogs” by M. Beyer.....	43
<i>Petrachkova I.M.</i> Main trends in the nomination of characters in the drama space of Alexander Mikhailovich Galin.....	49
<i>Lyubarsky R.V.</i> The concepts of C. Castaneda as a fundamental element of the image of God in the novel by V. Pelevin “Transhumanism INC.”.....	57
Language and culture studies	
<i>Voronova T.A.</i> Quotation material in the translations of the novel “Jane Eyre” by Ch. Brontë into Russian language.....	67
<i>Barsoukova-Sergeeva O.M.</i> Metaphorical Usage of Names of Kinship in Soviet ideological rhetoric.....	71
Intercultural communication	
<i>Zahraei M., Gholami H.</i> Teaching written translation in the form of exercises to students studying Russian in Iranian universities.....	76
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Kryzhina M.D., Dedocheva A.A.</i> Media in the post-truth era: the concepts of “pseudoscience”, “conspiracy” and “fake-news”.....	84
<i>Trubitsina N.A., Vernigora R.S.</i> Polycode, creolization, genre diffusion: about the nature of modern journalistic text.....	90
<i>Karpenko I.I.</i> Content techniques of infotainment in the work of regional print media.....	95
Language of mass media	
<i>Alexeyev A.B.</i> Communicative trends of modern politics.....	104
To the 80th anniversary of the founder of the Voronezh Onomastic school, professor G.F. Kovalev	
<i>Kovalev G.F.</i> Zoonym as an object of study of literary onomastics.....	113
<i>Verkhoviykh L.N.</i> Teacher, man, scientist: on the scientific activity of the founder of Voronezh Onomastic school Gennady Filippovich Kovalev.....	121
<i>Skuridina S.A.</i> Aspects of the Study of literary Onomastics: the view of researchers of the Voronezh Onomastic school.....	127
<i>Popov S.A.</i> Toponymic research in the works of the Voronezh Onomastic school.....	134
Events and reviews	
<i>Bugakova N.B.</i> Results of the IV International scientific conference “Linguistic and cultural universals in the world space” (Voronezh, VSTU, April 19-21, 2023).....	142
Layout of the articles	147

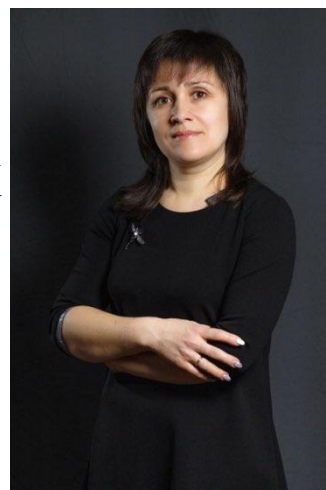
Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок девятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Лингвокультурология», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VI – «Язык СМИ», VII – «К 80-летию основателя Воронежской ономастической школы профессора Г.Ф. Ковалева», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 21 научная работа. Раздел «Лингвистика» включает статьи, выявляющие специфику грамматической концептуализации пространственности в русском языке (в сравнении с болгарским языком) (Л.Б. Карпенко), анализирующие концентрический образный параллелизм в фольклорном тексте (С.И. Доброва), определяющие особенности процессов номинативного словообразования в языке поэзии рубежа XX-XXI веков (на примере наименований лица на -щик, -льщик) (А.И. Сабирова), поднимающие вопрос о «паремиологическом эссенциуме» русского языка, детерминированном эпохой XXI века (Буасаенг Раттананпорн), представляющие современные исследования категории градуальности (С.А. Ермаков). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, выявляющие особенности хронотопа в романе М. Байера «Летучие собаки» (А.Э. Воротникова, М.В. Саратова), исследующие основные тенденции номинации персонажей в драматургическом пространстве Александра Михайловича Галина (И.М. Петрачкова), рассматривающие концепции К. Кастанеды как основополагающий элемент изображения Бога в романе В. Пелевина «Transhumanism INC.» (Р.В. Любарский). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые анализируют цитатный материал в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык (Т.А. Воронова) и выявляют специфику метафорического употребления наименований родства в советской идеологической риторике (О.М. Барсукова-Сергеева.). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлен практический опыт преподавания письменного перевода в форме упражнений студентам, изучающим русский язык в иранских университетах (М. Захраи, Х. Голами). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» анализируются медиа в эпоху «постправды» (М.Д. Крынжина, А.А. Дедочева) и рассматриваются понятия поликодовость, креолизация, жанровая диффузия в современном журналистском тексте (Н.А. Трубицина, Р.С. Вернигора), а также выявляются содержательные приемы инфотейнмента в работе региональных печатных СМИ (И.И. Карпенко). Раздел «Язык СМИ» рассказывает о коммуникативных трендах современной политики (А.Б. Алексеев). В отдельном разделе «К 80-летию основателя Воронежской ономастической школы профессора Г.Ф. Ковалева» объединены статьи учеников Геннадия Филипповича во главе с ним самим, рассматривающие зооним как объект изучения литературной ономастики (Г.Ф. Ковалев), аспекты изучения литературной ономастики (С.А. Скуридина) и топонимические исследования, представленные в трудах Воронежской ономастической школы (С.А. Попов); работа Л.Н. Верховых посвящена научной деятельности основателя Воронежской ономастической школы Геннадия Филипповича Ковалева. В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги IV Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, ВГТУ, 19-21 апреля 2023 г. (Н.Б. Бугакова).

Содержащиеся в выпуске 2(49) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА **LINGUISTICS**

УДК 811.16

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.41.43.001

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
Профессор, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации
Карпенко Л.Б.
Россия, г. Самара,
тел. +78469261301
e-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Samara National Research University named after S.P. Korolev
Doctor of Philology, Full Professor,
Professor at the Department of Russian Language and Mass Communication,
Karpenko L.B.
Russia, Samara,
+78469261301
e-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Л.Б. Карпенко

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В СРАВНЕНИИ С БОЛГАРСКИМ ЯЗЫКОМ)

В статье рассматривается концептуализация пространственности как одна из семантико-грамматических доминант современного русского языка, выявляемая на фоне болгарского языка. Привлекается материал Национального корпуса русского языка и Болгарского национального корпуса, переводных текстов и словарей. В исследовании использованы системный, сопоставительный и функциональный методы, эффективность которых определяется возможностью при комплексном подходе предметно представить категорию пространственности как семантико-грамматическую доминанту русского языка, получающую отражение на разных языковых уровнях и в речи. На словообразовательном уровне русский язык обнаруживает множественность и продуктивность деривационных способов и средств, связанных с выражением предметно-пространственных отношений. На грамматическом уровне особенностью русского языка является строгая системная оформленность пространственных предложно-падежных форм, закономерная сочетаемость падежей и предлогов в составе пространственных конструкций и четкая противопоставленность категориальных значений направления и места. В синтаксисе пространственная доминанта русского языка проявляется в распространенности пространственных детерминантов в предложениях бытийного типа. Показано, что русский язык в совокупности своих выразительных средств фиксирует внимание на пространственной картине мира с максимальной экспликацией и детализацией реальных предметно-пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Проявление этой особенности можно видеть в избыточности употребления единиц пространственной семантики в речи. Выявленные на русском и болгарском материале различия в языковой интерпретации пространственности обусловлены как внеязыковыми, так и собственно языковыми факторами – особенностями системных свойств языков, их лексико-грамматическими ресурсами и типологическими характеристиками. Результаты исследования имеют значение для теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык, пространственность, семантико-грамматическая доминанта, грамматическая концептуализация.

L.B. Karpenko

GRAMMATICAL CONCEPTUALIZATION OF SPATIALITY IN RUSSIAN (IN COMPARISON WITH BULGARIAN)

The article deals with the conceptualization of spatiality as one of the semantic-grammatical dominants of the modern Russian language, revealed against the background of the Bulgarian language. The material of the National Corpus of the Russian language and the Bulgarian National Corpus, translated texts and dictionaries are used. The research uses systemic, comparative and functional methods, the effectiveness of which is determined by the possibility to present the category of spatiality as a semantic-grammatical dominant of the Russian language, which is reflected on

different linguistic levels and in speech. At the word-formation level, the Russian language reveals the multiplicity and productivity of derivational ways and means associated with the expression of object-spatial relations. At the grammatical level, the Russian language is characterized by strict systematic formation of spatial prepositional-propositional forms, regular combination of cases and prepositions in spatial constructions, and clear contrasting categorical meanings of direction and place. In syntax the spatial dominance of the Russian language is manifested in the prevalence of spatial determinants in sentences of genitive type. It is shown that the Russian language in the totality of its expressive means fixes attention to the spatial picture of the world with maximal explication and detailing of real subject-spatial relations contained in a situation. The manifestation of this feature can be seen in the redundant use of units of spatial semantics in speech. The differences in the linguistic interpretation of spatiality revealed in the Russian and Bulgarian materials are caused by both extra-linguistic and linguistic factors - the peculiarities of the systemic properties of the languages, their lexico-grammatical resources and typological characteristics. The results of the study have implications for the theory and practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian, spatiality, semantic-grammatical dominant, grammatical conceptualization.

Естественные языки показывают различия в концептуализации мира. Несмотря на существующие в языках универсалии, представления о мире в них передаются специфично в организации таких функционально-семантических категорий, как пространственность, темпоральность, модальность, квантитативность, определенность и др., и в средствах их выражения. Сопоставительные этнолингвистические и когнитивные исследования выявили в русском языке ряд существенных черт: эмоциональность, неконтролируемость (А. Вежицкая), неопределенность (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева), предел как граница действия (Е.В. Петрухина), которые получили наименование семантических доминант русского языка. Под семантическими доминантами понимаются «фундаментальные идеи, характеризующихся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке» [1, с.1], наиболее значимые аспекты языковой картины мира, базовые концепты. Цель данной статьи - рассмотреть проявления грамматической концептуализации пространственности в русском языке на уровнях словообразования, морфологии и синтаксиса в сравнении с болгарским языком.

Концептуализация – это осмысление и интерпретация реальности, информации в понятийной системе, свойственной данному языку, и оформление этих представлений в средствах разных языковых уровней. Сегодня уже не оспаривается то, что любой язык включает в себе оригинальный взгляд на мир, и особенности его концептуализации, в значительной части универсальные, в каких-то моментах национально специфичны. Лингвистический эффект различий концептуализации состоит в специфике «языкового взгляда», отражающего тот или иной аспект картины мира. Обычно различия языковой концептуализации демонстрируются лексическими средствами. Таковы, например, сопоставительные наблюдения А. Вежицкой о большой употребительности и особой культурной значимости русских лексем *родина*, *правда*, *истина* в сравнении с английскими *homeland* и *truth* и под. [2, с. 8-16]. Проявления своеобразия концептуализации наглядно передают и устойчиво воспроизводимые языковые единицы, в особенности компаративные идиомы и поговорки. Закрепленная в устойчивых выражениях система оценок обусловлена наблюдениями народа, связанными с конкретной средой проживания, окружающим миром, трудовым опытом, о чем свидетельствует сопоставление следующих английских пословиц и фразеологизмов, основанных на морской и островной образности, - *To be all at sea; No man is an island; He drinks like a fish* - и их русских соответствий, построенных на образах лесного и степного мира - *Как в тёмном лесу; Один в поле не воин; Пьет как лошадь*.

Менее очевидны, чем специфика лексико-фразеологических ресурсов, те языковые различия, которые связаны с концептуализацией мира на грамматическом уровне. Грамматические категории являются наиболее обобщенными языковыми знаками аспектов реальности, представление о которых формировалось в практике освоения мира на протяжении длительного времени. Различия в грамматической концептуализации имеют более абстрактный, а потому менее наглядный характер, однако именно в грамматических средствах своеобразие «языкового взгляда» зафиксировано наиболее последовательно. Р. Якобсон, связывавший свою концепцию грамматического значения с работами Ф. Боаса, комментируя работу американского антрополога, подчеркивает важную идею Ф. Боаса об обязательности и последовательности выражения грамматических категорий в языке: грамматика не только выделяет и классифицирует различные аспекты опыта и изучает их выражение в языке, она определяет, какие аспекты того или иного опыта *должны* быть выражены. Ссылаясь на Боаса, Р. Якобсон подчеркивает: «Грамматические значения данного языка направляют внимание говорящего

коллектива в определенную сторону и благодаря своему обязательному принудительному характеру оказывают влияние на поэзию, верования и даже на философское мышление; при этом, однако, они нисколько не мешают языкам приспосабливаться к нуждам, порождаемым развитием знания» [3, с.233-234].

Семантико-грамматические доминанты, как и собственно семантические, также представляют собой концепты, но более абстрактные, заключенные в семантико-грамматических категориях и соотношенные с определенными средствами выражения в парадигмах грамматических средств. Различие языковых доминант во многом связано с своеобразием грамматического оформления имени и глагола: имя существительное называет компоненты ситуации и передает через лексические и грамматические значения их предметно-пространственную семантику. Глагол лексически и грамматически выражает идею процессуальности и оценку ситуации по реальности/ирреальности, временной локализации, характеру протекания процесса, достоверности/недостоверности и т.д. Актуализация в восприятии носителей языка предметно-пространственного или процессуального содержания отражается в усилении или ослаблении грамматического потенциала именной и глагольной систем, что наблюдается в истории сравниваемых русского и болгарского языков. Современный русский язык акцентирует в системе именного склонения предметно-пространственную семантику, а современный болгарский, утративший именное склонение и развивший разветвленную модально-временную систему, – семантику процессуальности и модальнооценочную семантику.

С семиотической точки зрения два основных типа восприятия внеязыковой действительности, отраженных в языках, охарактеризовал Ю.С. Степанов в книге «В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства»: «Субъект, т.е. имя вещи, естественнее всего мыслится в терминах пространства, протяженности, тогда как предмет – в терминах деятельности. Вот эти различия я склонен считать первичными. Они соответствуют и двум основным типам восприятия внеязыковой действительности – пространственному и временному. И наконец, последние находятся в причинной связи с двумя фундаментальными свойствами самой материи – пространством и временем...» [4, с. 23]. Рассуждения об отражении в грамматических категориях восприятия основных онтологических категориях пространства и времени были выражены и Б.А. Успенским: «Если специфические глагольные категории имеют первичную временную семантику, выражая отношения во времени, то такая специфическая именная категория, как падеж, имеет первичную пространственную семантику, выражая отношения в пространстве. Грамматическое противопоставление имени и глагола соответствует, таким образом, различению пространства и времени как основных категорий нашего познания. Действительно, имена в принципе ассоциируются с объектами, глаголы — с процессами: предполагается, что объекты находятся в (трехмерном) пространстве, тогда как процессы протекают (осуществляются) во времени. Таким образом, грамматическое различие между именем и глаголом имеет, по-видимому, эпистемологические корни. Представляется значительным то обстоятельство, что это различие обнаруживается в большинстве языков (хотя и не является универсальным явлением)» [5, с.47]. Пронаблюдаем далее эти грамматические различия при сравнении русского и болгарского языков.

Современный русский язык фиксирует заостренное внимание на характеристике таких категориальных для него пространственных значений, как место действия, направление к ориентиру и от ориентира, трасса, которые совокупно обозначают термином «пространственность». Широкое распространение пространственного типа детерминации как «особенность этнокогнитивной специфики русского языка, свидетельствующей об ориентации его на пространственно-предметный аспект мира» была отмечена Н.Д. Арутюновой в связи с анализом экзистенциальных предложений [6, с.791]. По нашим наблюдениям, концептуализация идеи пространственности охватывает не только бытийный тип предложений, но всю систему русского языка, она получает выражение на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях, проявляется в бытовой речи носителей языка и в индивидуально-авторских художественных картинах мира. Следовательно, о пространственности можно говорить как еще об одной семантико-грамматической доминанте русского языка, закрепление которой, очевидно, обусловлено той значительной ролью, которую играет реальное физическое пространство в жизни его носителей.

Не только пространственность подробно детерминируется языковыми средствами разных уровней (ср. высказывание *Мы выходили из дому и спускались с горы на равнину, туда, где разливалась и ширилась река*, в котором задействованы средства морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического уровней), но данная понятийная категория служит основой для оформления иных, более абстрактных, сфер (временной, причинной, целевой, сферы

восприятия, характеристики ментальной деятельности человека и др.). Время действия выражается моделями конструкций на основе пространственных предлогов (*с зимы, до зимы, к зиме, в зиму, перед зимой...*), цель может передаваться моделями, подобными по структуре директивным конструкциям (*готовиться к свадьбе, ехать на свадьбу*), причина – предложно-именными конструкциями с предлогами удаления: *с горя, из ревности, от ревности, из-за ревности*; отношения условия и уступки могут передавать конструкции с предлогом *при* с исходным значением близости (*при хорошей погоде, при всех достоинствах* и под, а образ действия – конструкции с предлогом *в* (в волнении, в тревоге),

Русский язык располагает богатой системой средств выражения пространственной семантики, представленных на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях.

I. На лексическом уровне средствами выражения пространственности служат подсистемы единиц разных частей речи (*простор, просторный, просторно, простираться; ширь, широта, широкий, широко, шириться* и под.). Среди знаменательных частей речи в выражении пространственных отношений не участвуют только числительные. Из служебных частей речи в них активно задействованы предлоги, передающие типы пространственного соположения объектов (*антенна на доме / в доме, за домом* и т.п.). Со стороны семантики лексические средства представлены словами определенных тематических групп – существительными, обозначающими стороны объектов, измерения (*верх, низ, бок; высота, длина, ширина*) и разнообразные пространственные объекты, включая человека, его конституцию и духовный мир (*пространство, равнина, поле, площадь, дом, сердце* и т.д.); глаголы движения и перемещения (*выехать, приехать, доехать, уехать* и т.д.); прилагательные и наречия, передающие признаки направления и пространственного измерения (*верхний, высокий, нижний, боковой, дальний, широкий; близко, внутри, вне, далеко, рядом; вверх, ввысь, вдаль, вниз, вишь, сверху, снизу, спереди, сзади*; местоимения, указывающие на пространственные признаки (*этот – тот*).

II. Системной организацией характеризуются также и словообразовательные средства пространственной семантики. Деривационная система русского языка содержит целый ряд моделей образования имен существительных, прилагательных, наречий и глаголов, специализированных в выражении пространственности. В корпусе словообразовательных типов имени существительного представлены ряды субстантивных моделей с семантикой места обитания человека или животных, места сосредоточения какой-либо деятельности человека: с суффиксом -овье: *верховье, гнездовье, зимовье, низовье*; с суффиксом -ище: *городище, зимовище, убежище; гнездовище, логовище, токовище*; отглагольных существительных, образованных с суффиксом -бище: *гульбище, кладбище, лежбище, настбище, стойбище, стрельбище, сходбище*; отглагольных существительных, образованных с суффиксом -лище: *вместилище, жилище, училище, хранилище, чистилище; стойлище* и под.; отыменных существительных, образованных конфиксальным способом с пространственными приставками и суффиксом -је: *заволжье, загорье, заречье, зауралье, подгорье, подмосковье, предуралье* и многие другие. Отдельную группу образуют отвлеченные существительные со значением протяженности и неограниченности пространства и действия, образованные суффиксально-префиксальным способом с приставками без-/бес- и суффиксом -ость: *безбрежность, безграничность, бесконечность, беспредельность, беспрепятственность*.

В корпусе словообразовательных типов имени прилагательного к пространственным относятся модели: отыменных прилагательных со значением неограниченного признака, образованных суффиксальным способом от соответствующих имен существительных: *безбрежный, беспредельный, бесконечный, безграничный* и др.; отглагольных прилагательных неограниченного признака, образованных суффиксально-префиксальным способом с приставкой *не* и суффиксами -н и -им: *необъятный, неохватный, необозримый*.

В корпусе словообразовательных типов наречий это модели: отыменных пространственных наречий, образованных из форм родительного падежа с предлогами *до, из, с*: *донизу, доверху, издали, сверху, снизу, сбоку*; отыменных наречий, образованных из форм винительного падежа с предлогами *в* и *на*: *вбок, вверх, вниз, вдаль, вишь, набок, наверх* и др.; отыменных наречий, образованных из форм предложного падежа с предлогами *в* и *на*: *вверху, внизу, вблизи, вдали, наверху* и др.;

В корпусе словообразовательных типов глагола это модель образования глаголов приставочным способом от глаголов движения с использованием приставок пространственной семантики: *ввести, вывести, довести, завести, отвести, перевести, привести, провести, увести; ввезти, вывезти,*

довезти, завезти, отвезти, перевезти, привезти, провезти, увезти; вогнать, выгнать, догнать, загнать, отогнать, перегнать, пригнать, прогнать, угнать и т.д.; модель образования глаголов со значением движения в разные стороны, образованных конфиксальным способом с использованием конфиксов *раз-... -сь, раз-... -ся/ рас-... -ся*: *разойтись, разбежаться, раздвинуться, разъехаться, раскатиться, разлететься, разнестись, распространиться, расступиться, растечься*, а также их видовые корреляты несовершенного вида; модель образования глаголов со значением движения в одну точку, образованных конфиксальным способом с использованием конфиксов *со-... -сь, с-... -ся*: *сойтись, сбежаться, съехаться, слететься*, а также их видовые корреляты несовершенного вида.

В современном болгарском языке ряд перечисленных словообразовательных моделей не имеет параллелей: не представлена модель с суффиксом *-овье* – вместо соответствующих дериватов используется описательный способ передачи места: *надолу по течению*, отсутствуют конфиксальные модели образования глаголов. Лексически ограничены субстантивные модели с суффиксами *-ище, -бище* – *лище*; модель образования отвлеченных существительных с приставкой *без-* и суффиксом *-ост* (*безграничность, безкрайность*), а также модель отглагольных прилагательных (*необятен*).

III. В грамматическом строе русского языка также имеются системно организованные парадигмы средств, специализированных в выражении пространственных отношений. Это придаточные предложения со значением места и предложно-падежные формы.

Основным средством выражения пространственных отношений служат предложно-падежные формы. По нашим наблюдениям, в выборке параллельных художественных и переводных текстов, насчитывающей 9 000 примеров, они передают пространственные отношения в русском тексте в 90, 4 % случаев, в болгарском – в 78.93 % [7, с.20-21]. При сходстве наиболее употребительных предлогов предложно-именные подсистемы современных русского и болгарского языков характеризуются значительным своеобразием. Они различаются прежде всего грамматическими потенциями своих единиц и вследствие этого различными свойствами системной организации. Русские предложно-падежные формы с пространственным значением имеют строгую, закономерную организацию, которая заключается в следующем.

Падеж, не маркированный в выражении пространственности определенного типа, сочетается в предложно-падежных формах с сильными, маркированными, предлогами. Так, сама форма родительного падежа не указывает на тип локальности, ей обозначается ориентир, по соотношению с которым определяются пространственные отношения. Конкретный тип локальности маркируется предлогами:

с, из, из-за, из-под, от – при выражении разных аспектов значения удаления от ориентира: *он поднялся с сугроба; ель возвышалась из сугроба; из-за сугроба выбежал зверь; из-под сугроба торчала еловая ветка; он шел от сугроба к сугробу;*

вдоль, мимо, вокруг, около, возле, вблизи, у – при выражении разных аспектов значения нахождения или движения вблизи ориентира: *машина ехала вдоль проспекта; машина проехала мимо площади; машина проехала вокруг площади; машина остановилась около (возле, вблизи, у) площади;*

до – при выражении значения достижения ориентира как предела движения: *машина доехала до площади.*

И наоборот: слабый предлог, не маркированный в выражении определенного типа пространственного значения, сочетается в предложно-падежных формах с сильным (маркированным) падежом. Слабыми в выражении пространственности можно считать предлоги *в* и *на*, которые могут использоваться при выражении значений как направления (куда?), так и места (где?). На конкретный тип этих пространственных отношений указывают падежи – винительный и предложный: *приехал в город, приехал на площадь; жил в городе, жил на площади.*

Таким образом, в любой пространственной предложно-падежной форме современного русского языка есть по крайней мере один маркированный член: *в страну – в стране – до страны – из страны, около страны*. В целом же любая предложно-падежная пространственная конструкция русского языка является автосемантической, т.е. самодостаточной грамматической единицей, способной в отрыве от контекста обозначать, в выражении какого из трех типов категориальных пространственных отношений куда? – где? – откуда? она участвует.

В системе морфологических средств основные пространственные предложно-именные конструкции русского языка образуют симметричную парадигматически организованную систему моделей специализированных в выражении трех типов категориальных пространственных отношений: места действия, направления перемещения от ориентира, направления перемещения к ориентире. Не во всех индоевропейских, и даже славянских, языках имена дифференцируют эти

очевидные для носителей русского языка значения. Ср. формы при выражении направления и места: русские *в страну* – *в стране*, *в город* – *в городе* и болгарские *в страна* – *в страна*, *в град* – *в град*. Как во французском языке, где предложно-именная конструкция *a conduit en ville* может передавать значения и места и направления – *ехал в городе* – *ехал в город*, в болгарском языке вследствие аналитизма имени предложно-именная конструкция в отрыве от контекста не дифференцирует эти различия, ср., например:

Бил, казват, в Америка, в град Мадисон – «был где?» (Калчев. При извора на живота). – *Всички са ходили в Америка и все в този град Мадисон* – «ездили куда?» (Калчев. При извора на живота); *Човекът седеше на високия бряг* – «сидел где?» (Вежинов. Втората рота). – *Двата се изкачиха на брега* – «поднялись куда?» (Вежинов. Втората рота).

Маркированность пространственной грамматической семантики в предложно-падежных формах русского языка обуславливает тяготение таких структур к фразеологизации, их самодостаточность или обязательную сочетаемость с управляющими глаголами, ср.: *под боком*, *под ногами*, *под носом*, *под рукой*, *под спудом*, *за глаза*, *через силу*; *приходить на ум*, *приходить в голову*, *заглянуть в душу*, *крутиться в голове*, *валиться из рук*. Пространственная модель как универсальная используется, по нашим наблюдениям, во всех метафорических типах, выявленных В.Н. Телия [8, с.142–146], лежащих в основе идиом русского языка: идентифицирующем (*бок о бок*, *под боком*, *под рукой*, *под носом*, *не за горами* и др.); концептуальном (*на уме*, *приходить на ум*, *приходить в голову*, *крутится в голове*, *уйти в мысли*); образном (*идти в атаку*, *отсиживаться в закутках* и т.д.) типов. Среди фразеологизмов, получивших распространение в последние десятилетия, многие имеют пространственную структуру: *в красной/зеленой зоне*, *за бугром*, *на линии соприкосновения*, *сидеть в бункере*, *выйти на плато*, *не сходить / не сворачивать с пути / с социальной дистанции*, *подняться на самый верх*, *уйти в кусты*, *уйти в окопы*, *выйти из окопов* и т.д. Примечательно отражение в фразеологическом материале различий в тяготении языков к предметно-пространственной или временной, событийной, семантике: если в русском языке отмечается активность фразеологизмов пространственных моделей, в болгарском материале в случаях расхождений находит выражение характер протекания действия. Ср. примеры, взятые из *Русско-болгарского фразеологического словаря* под редакцией С. Влахова (1980) [9]: *быть за бортом* – *изхвърлен съм*; *взлететь на воздух* – *да бъда взривен*; *взять с места* – *тръгна*, *петегля рязко*, *изведнъж*; *сдвинуть с места* – *размърдам някого*; *сдвинуться с места* – *размърдам се*; *как в воду опущенный* – *както попарен* и т.п.

IV. В синтаксисе пространственная доминанта русского языка проявляется в распространенности пространственных детерминантов в предложениях бытийного типа.

Формальный пространственный детерминант регулярно употребляется при описании состояния среды, в высказываниях о погоде, временах года (*На дворе холод и дождь*; *На дворе стояли уже по вечерам заморозки*; *На дворе уже бродила осень*; *На дворе декабрь*). Пространственный маркер *на дворе* используется также в предложениях, характеризующих тенденции развития общества, приметы времени: *Это наши дети — и их нужно учить и выучить, какая бы ни стояла на дворе образовательная политика*; *Хочется сделать огромный шаг, На дворе кризис рационализма и всеобщее стремление к магическому*; *На дворе пусть и холодная, но война*; *Уже не важно, какое там на дворе тысячелетие*; *Вот и двухтысячный год на дворе*; *Полдень века стоит на дворе*; *Но теперь на дворе век Интернета*; *На дворе двадцать первый век*.

Для соответствующих высказываний в болгарском языке употребление пространственных маркеров не характерно: *А работата става през хиляда деветстотин трийсет и седма. Това е двадесет и първият век. Обаче сега е епохата на Интернет. Сега живеем в дигитална епоха*.

Исследование параллельных русского и болгарского подкорпусов Национального корпуса русского языка показывает, что соотношение таких примеров с выраженной идеей пространства в русском тексте и нулевым выражением в болгарском может достигать в отдельных выборках 30 – 33 % случаев. Можно проследить, в каких случаях наблюдается такое соотношение. Рассмотрим на примере маркера *на дворе* болгарские соответствия русским высказываниям [10, 11].

Частые расхождения фиксируются в случаях, когда русское выражение *на дворе* метонимически обозначает среду вне жилища на открытом воздухе, на природе, как место сезонных, погодных, температурных, световых, звуковых иных состояний и место проявления времени: *И правильно, ду-мал Максим Иванович, на дворе июнь, тепло...* (Рыбаков. Дети Арбата). – *Прави са, мислеше си Максим Иванович, юни е, топло...* (Пер. Петрова); *Подписал приказ – шесть часов и за ворота вы-*

гнать... *А на дворе* – ноябрь (Солженицын. Один день Ивана Денисовича).– *Подписа заповед – шест часа и да ме няма...* Пък беше ноември (Пер. Райчева); *На дворе* у нас все было тихо, в доме княгини было темно (Лермонтов. Герой нашего времени).– *У нас всичко беше тихо, в къщата на княгинята беше тъмно* (Пер. Радески); *На дворе* стемнело, и гости удалились (Тургенев. Накануне).– *Стъмни се и гостите си отидоха* (Пер. Константинова); *Год на дворе* одна тысяча девятьсот тридцать седьмой (Суворов. Контроль). *А работата става през хиляда деветстотин трийсет и седма* (Пер. Мисиркова).

В русских бытийных предложениях со значением общего указания на наличие/отсутствие чего-либо и в предложениях характеристики формальными фразеологизованными маркерами пространственной семантики служат предложно-падежные формы *на свете, в мире*. Весьма часто болгарские переводчики их опускают: *Все в мире* начинается с организации (Суворов. Контроль).– *Всичко започва от организацията* (Пер. Мисиркова); *...иного хода жизни нет и не будет в мире* (Айтматов. Плаха). –... *друг ход на живота няма и не може да има* (Пер. Златановой); *А то дело, что он на мечках первый в мире* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Трудно быть богом).– *Интересува ни, защото с мечка по-добър от него няма* (Пер. Владимирова); *...мечтать ведь можно обо всем на свете...* (Айтматов. Плаха).–... *да си мечтае, човек може за какво ли не...* (Пер. Златановой); *...горы стояли в цепенеющей и отстранившейся ото всего на свете* тылой тишине (Айтматов. Плаха).–... *планините стояха смълчани сред вцепеняващата и безразлична ледена тишина* (Пер. Златановой); *Нельзя жить на свете с фамилией «Сивуха»!* (Акунин. Ф.М.) – *Човек не може да живее с фамилията име „Сивуха“!* (Пер. Бранц); *Забудь все на свете. Помни: главное для тебя – цветы* (Суворов. Контроль). – *Забрави всичко друго. Помни: най-важното за теб са цветята* (Пер. Мисиркова).

Параллельно с русскими пространственными обстоятельственными конструкциями в болгарском тексте часто используются структуры с субъектной, временной или определительной семантикой: *В голове* мутнело (Приставкин. Ночевала тучка золотая).–*Главата* ти се размъташе (Пер. Петрова). *В ушах* шумит, *в голове* шумит, как будто от хмеля (Гоголь. Страшная месть). *Ушите* му шумят, *главата* му шуми като от пиянство (Пер. Константинова); *Сижу на лавочке, в коленках* пусто, *в голове* пусто, *в душе* пусто, знай себе глотаю крепкое как воду (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Пикник на обочине). *Седя на пейката с омекнали колена, с празна глава, с празна душа и гълтам ли, гълтам алкохола като вода* (Пер. Асадурова); *Алекси ... застава с празна глава пред прозореца* (Вежинов. Белият гущер). *Алекси...остановился у окна. В голове* было пусто (Пер. Лихачевой).

V. Характерной особенностью русской речи является максимальная экспликация пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Проявление этой особенности можно видеть в избыточности употребления единиц пространственной семантики в речи. В предложениях событийной семантики подверглись фразеологизации формальные пространственные конструкции *сдвинуться с места, сесть на место, подняться с места, отправиться в дорогу /в путь, оглядеться по сторонам* и под. Показательны побудительные реплики типа: *Поддай сюда! Пойди сюда (отсюда, вон, прочь)! Положи (сядь) на место! Садись за стол!* и под. В них регулярно используются маркеры, определяющие предметно-пространственную ситуацию речевого акта. Данная закономерность действует в русской речи как тенденции, но в этом и состоит специфика правил речи.

Регулярность употребления избыточных единиц пространственной семантики в русскоязычном дискурсе можно видеть при сравнении параллельных оригинальных и переводных текстов. Для сравнения ниже приведены фрагменты из повести болгарского прозаика К. Калчева «При извора на живота» и его перевода на русский язык, выполненного Н. Гленом. В переводном тексте выделены избыточные по сравнению с болгарским оригиналом пространственные маркеры *с места, к нам, в воздухе: Като лежах и се унасях в мечти по обрат си, изведнъж чувам – някой хлопа на вратата. Скочих като ужилен и погледнах. Напътната врата стоеше кметът и чукаше с бастуна си...Аз стоя вцепенен по средата на моравата и не смея да помръдна. Защо иде?... Той извади от джоба си една хартийка, отвори я и я размахна: «Телеграма...»* (К. Калчев. При извора на живота).

Так я лежал, размышлявший о брате, и вдруг слышу – стучат в ворота. Я вскопчил как ужаленный. Вижу – у ворот стоит староста и колотит своей палкой... Я застыл посреди лужайки и не смею двинуться с места. Зачем он к нам идет?... Он вытаскивает из кармана бумажку, разворачивает ее и размахивает в воздухе: «Телеграмма...» (Пер. Глена).

В целом такие примеры «перевеса» в использовании единиц пространственной семантики в русском тексте по сравнению с болгарским составляют около 5% случаев от общего числа их употребления.

VI. Концептуализация пространственности как семантико-грамматической доминанты русского языка служит организующей схемой оформления мысли, своеобразной матрицей, формирующей и отражающей взгляд на мир. Эта пространственная матрица проявляется не только в речевой практике носителей русского языка, но и в индивидуально-авторских картинах мира, получая своеобразное освещение в разных художественных парадигмах.

Пространственная изобразительность становится и характерной чертой реалистической поэзии И. Бунина. Наиболее распространенные языковые маркеры пространства в лирике И. Бунина связаны с реалистичными образами полей, далей, степей, простора. Самые частотные среди них – *в полях, над полями, за полями, в поля, на поля*. Другие частотные пространственные лексемы: *степь, межа, долина, равнина, пустыня*; пространственные наречия: *кругом, вокруг, всюду, вверху, внизу*; указания на стороны света – *на севере, на юг, на восток, с востока, на западе*. В зрелом творчестве И. Бунин активно использует в качестве средств создания художественной образности грамматические ресурсы предложно-падежных форм. В стихотворении «Ту звезду, что качалась в темной воде...» мотив невозвратности к прежнему миру усилен семикратным повторением предлога *в* с предложным падежом (*в воде, в саду, в пруде, в небесах, в юности*) и с винительным (*в селенье, в дом*): *Ту звезду, что качалась в темной воде / Под кривою ракитой в загложием саду, – / Огонек, до рассвета мерцавший в пруде, / Я теперь в небесах никогда не найду. / В то селенье, где шли молодые года, / В старый дом, где я первые песни слогал, / Где я счастья и радости в юности ждал, / Я теперь не вернусь никогда, никогда* [12; т.1, с.76].

Идея пространства получает религиозно-философское осмысление и концептуализацию в поэзии символистов. В поэтическом языке акмеиста О. Мандельштама само слово *пространство* используется как одно из ключевых: *Нам ли, брошенным в пространстве, / Обреченным умереть, / О прекрасном постоянстве / И о верности жалеть* [13, с.104]; *И с христианских гор в пространстве изумленном, / Как Палестины нить, нисходит благодать* [13, с.104]. В конструктивистских окказионализмах поэта-авангардиста В. Хлебникова к идее пространства присоединяется значение времени: *В пору, когда в вырей / Времирей умчались стаи...; Умночий сияний межзвездных, / Низлетев, / Мне подал разверзстую книгу / Досмертных писем; домирное дебло мирами зацвело, стая легких времирей* [14]. Любые поэтические картины пространства находят необходимые выразительные средства в богатой палитре лексических, словообразовательных и грамматических ресурсов русского языка.

В своих системах языки отражают когнитивную оценку реальности, но в них могут доминировать разные аспекты оценки. В совокупности своих выразительных средств современный русский язык по сравнению с болгарским характеризуется более высокой степенью вербализации пространственных отношений, более детальной их выраженностью в тексте. Он фиксирует внимание на пространственной картине мира с максимальной экспликацией предметно-пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Пространственная доминанта русского языка охватывает всю его систему. Она проявляется в словообразовании в распространенности пространственных деривационных моделей, в морфологии в закономерном характере объединения падежей и предлогов в составе предложно-падежных форм, в синтаксисе – в парадигматической организации обстоятельств по категориальным пространственным значениям, в распространенности бытийных предложений с пространственными детерминантами. Рассматриваемая семантико-грамматическая доминанта проявляется в избыточности употребления единиц пространственной семантики в речи. Выявленные на русском и болгарском материале различия языковой интерпретации пространственности объясняются как внеязыковыми, так и собственно языковыми факторами – особенностями системных свойств языков, их типологическими характеристиками. Знание специфики способов выражения пространственных отношений как одного из важнейших типов связей между предметами и явлениями в реальной действительности является необходимым условием активного овладения языком.

Библиографический список

1. Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской). [Электронный ресурс]. URL: https://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_3_dominantnie_cherti.pdf (доступ: 6.03. 2023).
2. Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2(4). М., 2002. С. 6-34

3. Якобсон Р. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С.231- 238.
4. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
5. Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011. 344 с.
6. Арутюнова Н.Д. Человек и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с
7. Карпенко Л.Б. Способы выражения локальности в русском и болгарском языках. Съпоставително езикознание, 1984, №1. С. 20–28.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Влахов С. Русско-болгарский фразеологический словарь. М.: Русский язык; София: Наука и искусство. 1980. 582 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskorpora.ru> (доступ: 6.03. 2023).
11. Български национален корпус [Электронный ресурс]. URL: <http://www.search.dcl.bas.bg> (доступ: 11.02. 2022).
12. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т.1. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. 235 с.
13. Мандельштам О.Э. Сочинения в 2-х т. Т.1. М.: Художественная литература. 1990. 640 с.
14. Велимир Хлебников. Полное собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения 1904-1916. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://traumlibrary.ru/book/hlebnikov-ss06-01/hlebnikov-ss0601.html#s003014>. (доступ: 6.03. 2023).

References

1. Petrukhina E.V. Dominant features of the Russian language picture of the world (in comparison with Czech). URL: https://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_3_dominantnie_cherti.pdf (access: 28.12.2022).
2. Vezhbitskaya A. Russian cultural scripts and their reflection in language // Russian language in scientific coverage. № 2(4). Moscow, 2002. Pp. 6-34
3. Jakobson R. Boas views on grammatical meaning // Selected works. Moscow: Progress, 1985. Pp.231- 238.
4. Stepanov Y. S. In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art. Moscow: Nauka, 1985. 335 p.
5. Uspenskiy B.A. Ego Loquens: Language and communicative space. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2011. 344 p.
6. Arutyunova N.D. Man and the world of man. Moscow: Languages of Russian culture, 1999. 896 p.
7. Karpenko L.B. Ways of expressing locality in Russian and Bulgarian. S'postavitelno ezikoznanie, 1984, No. 1. Pp. 20-28.
8. Teliya V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: School "Languages of Russian culture", 1996. 288 p.
9. Vlahov S. Russian-Bulgarian phraseological dictionary. Moscow: Russian Language; Sofia: Nauka i izkustvo. 1980. 582 p.
10. National Corpus of the Russian language [Electronic resource] URL: <http://www.ruskorpora.ru> (access: 28.12.2022).
11. Bulgarian National Corpus [Electronic resource] URL: <http://www.search.dcl.bas.bg> (access: 11.2. 2022).
12. Bunin I.A. Collected Works: In 9 vols. Vol.1. Moscow: Art Literature, 1965. 235 p.
13. Mandelstam O. E. Collected Works in 2 vols. Volume 1. Moscow: Art Literature. 1990. 640 p.
14. Velimir Khlebnikov. Complete Works of Collected Works. T. 1. Poems 1904-1916. Moscow: IMLI RAS, Heritage, 2000. [Electronic resource] URL: <https://traumlibrary.ru/book/hlebnikov-ss06-01/hlebnikov-ss0601.html#s003014>. (access: 28.12.2022).

УДК 82-398.5

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.16.11.002

Воронежский государственный педагогический университет Voronezh State Pedagogical University

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Theory, History and Methods of the Russian Language and Literature Teaching Department
Доброва С.И. Dobrova S.I.

Россия, г. Воронеж, тел. +7 951-560-39-25
e-mail: svetdobr@mail.ru

Russia, Voronezh, tel. +7 951-560-39-25
e-mail: svetdobr@mail.ru

С.И. Доброва

КОНЦЕНТРИЧЕСКИЙ ОБРАЗНЫЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена комплексному исследованию концентрического образного параллелизма на материале текстов различных фольклорных жанров: обрядовых и необрядовых песен, исторических песен, причитаний, баллад, заговоров и заклинаний, пословиц и поговорок, былин, частушек, загадок, примет, быличек и бывальщин, сказок и др. Впервые выявлены идентификационные маркеры, критерии классификации, разработана типология разновидностей, отражающая три основных этапа эволюции исследуемой структурно-семантической модификации приема, определены разнотипные мировоззренческие и функциональные назначения инициальных, медиальных и финальных образов цепи, семиотический и эволюционно-генетический статусы, жанровая специфика приема. Анализ материала исследования позволяет утверждать, что интенсивность проявления идентификационных маркеров составляет основу типологизации концентрического образного параллелизма. Три этапа развития приема характеризуются обязательным наличием маркера изменения объема содержания и показателя иерархической значимости параллельных образов и различаются характером матриц структурообразования приема. Исследование эволюции композиционного принципа концентрического образного параллелизма осуществлено с применением метода анализа тема-рематических прогрессий как матриц структурообразования приема. Абстрактные модели связного текста как способы его развития применяются в качестве инструмента изучения внутренней динамики фольклорного текста. Первый этап характеризуется формированием канонических моделей с полным набором идентификационных маркеров концентрического образного параллелизма, второй этап отличается образованием неканонических моделей с редуцированным набором идентификационных маркеров концентрического образного параллелизма, третий этап представлен неканоническими псевдомоделями концентрического образного параллелизма и отражает угасание исследуемой структурно-семантической модификации. Эволюция приема выявляет функциональное назначение инициальных, медиальных и финальных компонентов образного ряда.

Ключевые слова: язык фольклора, образный параллелизм, концентрический образный параллелизм, тема-рематические прогрессии, абстрактные модели связного текста, матрицы структурообразования образного параллелизма, эволюция художественных форм фольклора.

S.I. Dobrova

CONCENTRIC FIGURATIVE PARALLELISM IN FOLKLORE TEXT

This article is dedicated to a complex research for concentric figurative parallelism of macro and microcosms on the material of texts of different folklore genres: ritual and non ritual songs, folk songs, laments, ballads, conspiracies and spells, proverbs and sayings, bylinas, ditties, riddles, omens, bylichkas and byvalshchinas, fairy tales and others. Identification markers, classification criteria were the first to detect; the typology of varieties reflecting three main stages of evolution of the studied structural-semantic modification of the reception was developed, the heterogeneous materialization and functional purposes of the initial, medial and final images, semiotic and the evolutionary-genetic statuses, the genre specification of the reception were determined. The analysis of the research material allows to state that

the intensity of the manifestation of the identificational markers forms the basis of the typology of the concentric figurative parallelism. Three stages of the reception development are characterized by the obligatory presence of the changing volume context's marker and the marker of the hierarchical significance of figurative images and are distinguished by the character of the matrices of reception structurization. The research of the evolution of the compositional principle of the concentric figurative parallelism is accomplished by the analysis method application of theme-rheme progression as the matrices of the structure formation of reception. Abstract coherent text models as ways of its development used as a tool for studying the inner dynamics of the folklore text. The first stage is characterised by the canonical model's formation with a full set of the identificational markers of the concentric figurative parallelism; the second stage differs in the uncanonical model with a reduced set of the identificational markers of the concentric figurative parallelism; the third stage presented by the uncanonical pseudo-models of concentric figurative centric figurative parallelism and reflects the extinction of studied structural-semantic modification. The evolution of reception detects the functional purpose of initiative, medial and final components of figurative series.

Key words: folklore language, figurative parallelism, concentric figurative parallelism, thematic-rhetorical progressions, abstract coherent text models, structure formation matrices of figurative parallelism, evolution of artistic forms of folklore.

Концепт пути и способы его репрезентации в языке и культуре были подвергнуты многоаспектному анализу в работах Т.А. Агапкиной, И.Ф. Амроян, В.П. Аникина, Е.Б. Артеменко, А.К. Байбурина, В.В. Иванова, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, И.П. Черноусовой [1-10] и др. ученых. Т.А. Агапкина определяет путь субъекта к сакральному центру как ряд последовательно сужающихся и иерархически упорядоченных природных и культурных локусов, организованных по принципу концентрических кругов, в конце пути находится сакральный персонаж [1, с. 35]. Развитие идеи представления концепта пути и организации пространства по принципу локализации локализатора [5, с. 47] в виде образного ряда «вложенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов, моделирующих центральный для всех этих локусов объект» [6, с. 128; 9, с. 16; 4, с. 162], с учетом макро- и микрокосмической природы этих образов послужило теоретической основой квалификации в фольклорном тексте особой модификации образного параллелизма, которую обозначим термином концентрический образный параллелизм.

Концентрический образный параллелизм как формализованная структурно-семантическая модификация образного параллелизма макро- и микромиров [11] проявляется в репрезентации типизированных пространственных и/или социальных отношений с помощью соположения-сопоставления разных по содержательной и иерархической емкости макро- и микрокосмических образов параллельных миров в порядке сужения или расширения объема их содержания с целью организации гетерогенного мироустройства и концентрации фокуса внимания на наиболее значимом образе.

Концентрический образный параллелизм впервые квалифицирован и подвергнут комплексному анализу на материале текстов различных фольклорных жанров: обрядовой и необрядовой песни, заговоров и заклинаний, пословиц и поговорок, былин, частушек, загадок, примет, быличек и бывальщин, сказок и др., что определяет актуальность работы. Материалом исследования послужила авторская коллекция аккумулированных сплошной выборкой из устно-поэтических произведений конструкций образных параллелизмов, извлеченных из авторитетных собраний М.К. Азадовского, Т.А. Агапкиной, В.П. Аникина, Л.А. Астафьевой, А.М. Астаховой, А.Н. Афанасьева, Е.В. Барсова, А.Ф. Гильфердинга, В.И. Даля, П.В. Киреевского, С.Г. Лазутина, Л.Н. Майкова, В.Н. Мансикки, Б.Н. Путилова, Т.Ф. Пуховой, Н.И. Савушкиной, Д.Н. Садовникова, Ф.М. Селиванова, А.Н. Стрижева, А.Л. Топоркова, В.И. Чернышева и др.

Подобные построения зафиксированы в диалектной, разговорной и литературной речи [12, с. 110; 13, с. 156]. Их свойство акцентировать внимание на заключительном компоненте использовано народными мастерами с целью актуализации центрального образа фольклорного произведения.

Концентрический образный параллелизм имеет идентификационные маркеры, по которым квалифицируется в фольклорном тексте: прием ступенчатого сужения макро- и микрокосмических образов [14] в границах ассоциативно-цепочной связи картин [15] организован на основе тематической прогрессии с последовательной тематизацией [18]; эволюция приема обуславливает привлечение в качестве матриц структурообразования других абстрактных моделей и псевдомodelей связного текста [16; 17; 18], организованных на основе разнообразных видов повторов [18; 19].

Концентрический параллелизм типологизирован по ряду критериев.

По характеру мировоплощений образов выявлен концентрический параллелизм образов макро- и микрокосма: в сказке *«тридевятъ земель, тридесятое царство, подсолнечное государство – яблоныя, яблоки – старый/молодой»*: «...слышно, что за тридевятъ земель в тридесятом царстве, в под-

солнечном государстве есть живая и мертвая вода и яблонь, на которой растут такие яблоки, что и старому можно от них сделаться молодым» [20, с. 337-338, № 563]; гетерогенных образов макромиров: в загадке *«столб – двенадцать гнезд – четыре яйца – семь зародышей» «Стоит столб до небес, / На нем двенадцать гнезд, / В каждом гнезде / По четыре яйца, / В каждом яйце / По семи зародышей. – Год»* [21, с. № 2007]; гетерогенных образов микромиров: в причитании без повтора *«девушка – головушка – волюшка»*: *«А четвертая градиночка / На меня, на красну девушку, / На мою буйну головушку, / На мою бажёну волюшку»* [22, с. 239].

По количественным показателям звеньев выявлены модификации с количеством образов от двух до семи (преимущественно четыре – пять): в былине *«корабль – избушка – кровать – перина/подушки/одеяло – добрый молодец»*: *«На корабле избушка изукрашена, / В избушке не проста кровать, а слоновых костей, / Слоновых костей, зубья рыбьего. / На кровати перина шелковая. / Две подушечки хрушеной камка, / Одеяло на ней соболие, / Под одеялом лежит добрый молодец»* [23, с. 63]; в заговоре *«море окиян – камень – рябины – колыбел(ь) – младенец»*: *«Есть святое море окиян, на море окияне есть б(елой) камень, на белом камениес(ть) две рябины, две кудрявы(е), есть между двумя рябинами кудрявыми золота колыбел(ь), в золотой колыбели лежат младенец, грызет его грыз(ь)...»* [24, № 90].

По направлению векторов изменения объема содержания образов зафиксированы модификации с его расширением или сужением. В соответствии с изменением содержательного и иерархического объема образов концентрического параллелизма выявлены модификации с двумя разнонаправленными векторами движения. В заговорах путь в сакральный центр состоит из двух частей и включает два вектора движения, которые дифференцируются по характеру репрезентируемого пространства – своего на основе расширения и чужого на основе сужения концентрических кругов. Пространственный медиальный ориентир (*восточная сторона*) входит в два образных ряда *«изба, двери – двор, ворота – поле – восточная сторона – престол – Пресвятая Богородица»*: *«Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами. Выйду я в чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточную сторону. На той восточной стороне стоит престол Господен. На том престоле Господнем сидит Пресвятая Мати Божья Богородица»* [25, № 1].

Интенсивность проявления идентификационных маркеров составляет основу типологизации концентрического образного параллелизма, отражающую три основных этапа его развития, которые характеризуются обязательным наличием маркера изменения объема содержания и показателя иерархической значимости параллельных образов и различаются характером матриц структурообразования приема. Исследование реализации композиционного принципа концентрического образного параллелизма осуществлено с применением метода анализа тема-рематических прогрессий как матриц структурообразования приема. Абстрактные модели и псевдомодели связного текста как способы его развития используются в качестве инструмента изучения внутренней динамики фольклорного текста.

Первый этап характеризуется формированием канонических моделей с полным набором идентификационных маркеров приема. Матрицей структурообразования концентрического образного параллелизма служит тема-рематическая прогрессия с последовательной тематизацией, организующая *«последовательную тематизацию ремы предшествующего предложения, которая становится темой последующего. Особенность модели состоит в том, что глубинная рематическая природа последующих тем выражает глубинную сущность параллелизма образов макро- и микромиров, части которого восходят к единой гипертеме»* [18, с. 8; 26]. Механизмом реализации последовательной тематизации служат цепные повторы [27; 13]: в песне *«море – корабль – челнок – вдова» «Я была лебедушка на синем море, / На синем море плывет корабль; / В этом кораблике муравь челночок; / В муравом челночке вдовушка живёт...»* [28, № 1506].

Сопоставляемые в границах приема образы эволюционируют, выстраиваются в соответствии с их содержательной и иерархической емкостью в горизонтальном, вертикальном или горизонтально-вертикальном направлениях: в заговоре с горизонтальным вектором движения *«море – камень – церковь – престол – бабушка Соломония»*: *«...у Окиана моря, на крутом берегу лежит Латырь камень, на Латыре камне церковь соборная, в церкви соборной злат престол, на злате престоле сидит бабушка Соломония...»* [25, № 61]; в балладе с вертикальным вектором движения *«туча-гром – дождь – речка – лодочка – два разбойничка – неволя»*: *«Из-за лесу из-за гор подымалась туча-гром, / подымалась туча-гром со частым мелким дождем, / А со этого дожджа быстра речка протекла. / Как по*

этой ли по речке легка лодочка пловет, / А во этой ли во лодке два разбойничка сидят! / Два разбойничка сидят, про неволю говорят...» [29, с. 369-370, № 337]; в загадке с привлечением образов православных святых, христианских обрядов и репрезентантов нравственных понятий с горизонтально-вертикальным вектором движения «мост – древо – роса – Великий пост, Пасха»: «Стоит мостъ / На семь верстъ, / На мосту древо, / На древе роса, / Всему граду краса. – Великий постъ и пасха» [21, с. 258, № 2081и].

Второй этап представлен неканоническими моделями с редуцированным набором идентификационных маркеров концентрического образного параллелизма: с цепным повтором одного медиального натурфактного, артефактного или микрокосмического образа и со свободой локализации микрокосмического образа в границах приема: в быличках «гора – колесо – двор – Иван Васильевич»: «...Однажды возвращаемся мы с ребятами домой из клуба, а с горы катится белое колесо. Закатилось оно во двор к Ивану Васильевичу. На следующий день он умер» [30, 37-38, № 64]; «улица – человек – лошадь – ее ноздри – огонь»: «Вечером Анна Тихоновна пошла от подруг той же улицей, и ей навстречу побежала из ниоткуда лошадь, а из ее ноздрей огонь пышет» [30, с. 38, № 66].

Третий этап представлен неканоническими псевдомоделями концентрического образного параллелизма, в которых отсутствует цепной повтор, что свидетельствует об угасании исследуемой структурно-семантической модификации. Механизмом компенсации служит привлечение в качестве матриц структурообразования концентрического образного параллелизма моделей и псевдомodelей других тема-рематических прогрессий: в причитаниях со сквозной темой (*ручьи вешины*) «пески – гробовая доска – полотенечка – матушка» «Съ горъ катитесь ручьи вешины, / Вы розмойте пески желтыи, / Поднимите – гробову доску, / Вы откройте – полотенечка; / Дайте разъ зглянуть горюище, / На родитель мою матушку!» [31, с. 68]; с производными темами без повторов «земля – гробовая доска – батюшка»: «Высыпайся, мать-сыра земля, / Открывайся, гробовая доска, / Покажи детям родимым, / Покажи-ка малолетним / Хоть кормильца има ведь батюшка» [22, с. 167]; в конструкциях с расщепленной темой (*три ластушки*) социальная иерархия выстраивается посредством концентрически организованного макрокосмического образного ряда, отражающего разную интенсивность проявления горя у персонажей «река – ручей – роса : матушка – жена – сестра» «Прилетали к телу, к телу да три ластушки: / Как и первая-то ластушка – его родная матушка, / А другая ластушка – его молода жена, / Уж как третья-то ластушка – его родная сестра. / Уж как мать-то плачет, плачет, как река льется, / А жена-то плачет, плачет, что ручей бежит, / А сестра-то плачет, плачет, как роса росит» [28, № 1933]. Псевдомodelи концентрического образного параллелизма редуцируются до двухкомпонентного состава: в частушке «гора – дуб» // «чужая сторона – кровинка» «На высокой на горе / Зеленый дуб качается. / На чужой на стороне / Кровинка наскучается» [32, № 1542]; в колыдках «дом – хозяин, хозяйюшка, детушки» // «рай – пан» // «ад – дьявол» // «мед – пчелочка» // «мед – оладышки» «Как хозяин во дому, будто пан во раю; / Как хозяйюшка во дому, будто пчелочка во меду; / Малы детушки во дому, как оладышки во меду... / Если колыдовщиков не впускали, они подхватывали совсем другое: «Хозяин во дому, что дьявол во аду» и т. д.» [33].

Исследование динамики концептуальных и языковых основ концентрического образного параллелизма в фольклорном тексте выявляет разносубстанциональный характер мировоплощений макрокосмических (пространственных – природных, артефактных, сверхъестественных) и микрокосмических (в том числе соматических) образов и функциональное назначение инициальных, медиальных и финальных компонентов образного ряда. Инициальные образы цепи программируют последующие ее звенья: определяют содержание сопоставляемых образов и направление вектора пространственных ориентиров. Медиальные образы выполняют функцию связи между разными векторами развития образного ряда и являются маркерами этапов эволюции приема. Финальные образы являются наиболее значимыми и раскрывают жанровую интенцию исследуемой модификации приема.

Библиографический список

1. Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.
2. Агапкина Т.А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) // Заговорный текст. Генезис и структура. М., Индрик, 2005. С. 247-291.
3. Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. 296 с.
4. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 240 с.

5. Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 174 с.
6. Байбурин А.К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 123-130.
7. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: древний период. М.: Наука, 1965. 248 с.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Лениздат, 1986. 415 с.
9. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 3-58.
10. Черноусова И.П. Фольклорно-языковая картина мира в призма лингвокультурных кодов (на материале русских волшебных сказок и былин): монография. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 151 с.
11. Доброва С.И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия: монография. Воронеж: ВГПУ, 2004. 175 с.
12. Мельниченко Г.Г. Хрестоматия по русской диалектологии. М.: Просвещение, 1984. 192 с.
13. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 397 с.
14. Соколов Б.М. Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 39-40.
15. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высшая школа, 1989. 207 с.
16. Daneš F. Zur linguistischen Analyse der Textstruktur // Textlinguistik. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1978. S. 185-192.
17. Москальская О.П. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
18. Доброва С.И. Абстрактные модели связного текста как матрицы структурообразования образного параллелизма макро- и микромиров в фольклорном тексте [Электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 2 (38). URL: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.7> (дата обращения: 05.05.2023). DOI: 10.18454/RULB.2023.38.7
19. Доброва С.И. К вопросу о типологии позиционных, концентрирующих и цепных повторов в фольклорном тексте (на материале частушки) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (278). С. 169-175.
20. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 томах. М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1957. Т. I. 515 с.; 1957. Т. II. 510 с.; 1958. Т. III. 562 с.
21. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. / Составил Д. Садовников. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.
22. Русские плачи Карелии / под ред. проф. М.К. Азадовского. Петрозаводск: ГИЗ Карело-Финской ССР, 1940. 321 с.
23. Былины Печоры и Зимнего берега: (новые записи) / изд. подгот. А.М. Астахова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. 608 с.
24. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. М.: Издательство «Индрик», 2010. 832 с.
25. Русские заговоры / Сост. предисл. и примеч. Н.И. Савушкина. М.: Пресса, 1993. 368 с.
26. Доброва С.И. Эволюция семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма в фольклорном тексте [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. 2 (45). С. 94-113. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4435/ (дата обращения: 05.05.23).
27. Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж: Издательство ВГУ, 1977. 160 с.
28. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия / Под ред. Акад. В.Ф. Миллера и проф. М.Н. Сперанского. М.: О-во любителей рос. словесности при Моск. Ун-те, 1911-1929. Вып. I-II. Вып. II, ч. 1: Песни необрядовые. М., 1917. 125 с. Вып. II, ч. 2: Песни необрядовые. М., 1929. 389 с.
29. Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышева; вступ. ст. Н.П. Андреева. М. Советский писатель, 1936. 504 с.
30. Былички и бывальщины Воронежского края / Составитель Пухова Т.Ф. Воронеж: ВГУ, 2008. 384 с.
31. Барсов Е.В. Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Ч. 1: (Плачи похоронные, надгробные и надмогильные). М.: Тип. «Современные известия», 1872. – 327 с.
32. Частушки / Сост-е, подг. текстов, предисловие и комментарии Л.А. Астафьевой. М.: Современник, 1987. 492 с.
33. Стрижев А.Н. Календарь русской природы. М.: Московский рабочий, 1972. 272 с.

References

1. Agapkina T.A. East Slavic therapeutic conspiracies in comparative coverage: Plot and image of the world. М.: Indrik, 2010. 824 p.

2. Agapkina T.A. Plot composition of East Slavic conspiracies (motif of the mythological center) // Conspiracy text. Genesis and structure. M., Indrik, 2005. Pp. 247-291.
3. Amroyan I.F. Repetitions in the structure of folklore texts (on the material of Russian, Bulgarian and Czech fabulous and spell texts). M.: State Republican Center of Russian Folklore, 2005. 296 p.
4. Anikin V.P. Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore. M.: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1957. 240 p.
5. Artemenko E.B. Principles of folk song text formation. Monograph. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1988. 174 p.
6. Baiburin A.K. East Slavic divination related to the choice of a place for a new home // Folklore and ethnography. Connections of folklore with ancient ideas and rituals. L.: Nauka, 1977. Pp. 123-130.
7. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavic language modeling semiotic systems: the ancient period. M.: Nauka, 1965. 248 p.
8. Propp V.Ya. Historical Roots of the Wonder Tale. L.: Lenizdat, 1986. 415 p.
9. Toporov V.N. On numerical models in archaic texts // Text Structure. M.: Nauka, 1980. Pp. 3-58.
10. Chernousova I.P. Folklore-linguistic picture of the world in the prism of linguocultural codes (based on the material of Russian fairy tales and epics): monograph. Lipetsk: LSPU named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 2022. 151 p.
11. Dobrova S.I. The evolution of artistic forms of folklore in the light of the dynamics of people's perception of the world: monograph. Voronezh: VGPU, 2004. 175 p.
12. Melnichenko G.G. Chrestomathy on Russian dialectology. M.: Enlightenment, 1984. 192 p.
13. Lapteva O.A. Russian colloquial syntax. M.: Nauka, 1976. 397 p.
14. Sokolov B.M. Excursions into the field of poetics of Russian folklore // Fictional folklore, M., 1926. Vol. 1. Pp. 39-40.
15. Lazutin S.G. Poetics of Russian folklore. M.: Higher School, 1989. 207 p.
16. Daneš F. On linguistic analysis of text structure // Textlinguistics. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1978. Pp. 185-192.
17. Moskalskaya O.P. Grammar of the text. M.: Higher School, 1981. 183 p.
18. Dobrova, S.I. Abstract models of coherent text as a matrix of structure formation of figurative parallelism of macro- and microworlds in folklore text [Electronic resource]. // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 2 (38). URL: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.7> (date of application: 05.05.2023). DOI: 10.18454/RULB.2023.38.7
19. Dobrova S.I. On the issue of positional, concentrating and chain repetitions in a folklore text (on material of chastushka) // Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2018. № 1 (278). Pp. 169-175.
20. Folk Russian fairy tales by A.N. Afanasyev: in 3 vol. M.: Goslitizdat [Leningr. department], 1957. Vol. I. 515 p.; 1957. Vol. II. 510 p.; 1958. Vol. III. 562 p.
21. Riddles of the Russian people: A collection of riddles, questions, parables and tasks. / Compiled by D. Sadovnikov. M.: Modern writer, 1995. 400 p.
22. Russian lamentations of Karelia / ed. by prof. M.K. Azadovsky. Petrozavodsk: GIZ of the Karelo-Finnish SSR, 1940. 321 p.
23. Bylinas of Pechora and the Winter Coast: (new entries) / ed. by A.M. Astakhova. M.-L.: The USSR Academy of Sciences Publishing House, Leningr. department, 1961. 608 p.
24. Russian conspiracies from handwritten sources of the XVII – first half of the XIX century / Compilation, preparation of texts, articles and comments by A.L. Toporkova. M.: Indrik Publishing House, 2010. 832 p.
25. Russian conspiracies / Comp. Preface and note by N.I. Savushkina. M.: Press, 1993. 368 p.
26. Dobrova S.I. Evolution of semiotic basis of figurative parallelism of the macro- and microcosm in folklore texts [Electronic resource] // Theory of Language and Intercultural Communication. 2022. № 2 (45). Pp. 94-113. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4435/ (date of application: 08.05.2023).
27. Artemenko E.B. The syntactic structure of the Russian folk lyrical song in the aspect of its artistic organization. Voronezh: VSU Publishing House, 1977. 160 p.
28. Songs collected by P.V. Kireevsky. New series / ed. by acad. V.F. Miller and prof. M.N. Speransky. M.: Society of Lovers of Russian Literature at Moscow State Univ., 1911-1929. Vol. I-II. Vol. I: Ritual songs. M., 1911. 356 p. Vol. II., part 1: Non-ritual songs. M., 1917. 125 p. Vol. II., part 2: Non-ritual songs. M., 1929. 389 p.
29. Russian ballad. Preface, ed. and note by V.I. Chernyshev; introduction by N.P. Andreeva. M. Soviet writer, 1936. 504 p.
- Bylichki and byvalshchiny of Voronezh Region / Puhova T.F. (ed). Voronezh: VSU, 2008. 384 p.
31. Laments of the Northern Region / collected by E.V. Barsov. Pt.1: (Funeral lamentations, tombstones and tombstones). M.: Modern News, 1872. 327 p.
32. Chastushki / Ed., preparation of texts, preface and comments by L.A. Astafieva. M.: Sovremennik, 1987. 492 p.
33. Strizhev A.N. Calendar of Russian nature. M.: Moscow Worker, 1972. 272 p.

УДК 811.11-112

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.40.83.003

*Югорский государственный университет
кандидат филологических наук
доцент высшей школы гуманитарных наук
Бровина А.В.
Россия, Ханты-Мансийск,
тел. +79519814488
e-mail: a_brovina@mail.ru*

*Ugra State University
Ph.D. in Philology
Associate Professor of Higher School of Humanities
Brovina A.V.
Russia, Khanty-Mansiysk,
tel. +79519814488
e-mail: a_brovina@mail.ru*

*Югорский государственный университет
студент
Маленко Е. Ю.
Россия, Ханты-Мансийск,
тел. +79527225188
e-mail: malenko.liza@mail.ru*

*Ugra State University
student
Malenko E.IU.
Russia, Khanty-Mansiysk,
tel. +79527225188
e-mail: malenko.liza@mail.ru*

А.В. Бровина, Е.Ю. Маленко

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИЯХ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛА, ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА И ГЕНДЕРА

Настоящая статья посвящена проблеме разграничения определений «пол», «род» и «гендер». Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что в современном языке существует неоднозначное толкование данных понятий, что не всегда соответствует русскому пониманию аналогичных понятий и вызывает устойчивый исследовательский интерес. На протяжении многих веков язык является неисчерпаемым источником исследования ученых. Язык, или вербальное общение, считается одним из важнейших средств коммуникации наряду с невербальным общением. С помощью речи люди передают информацию, изучают и анализируют, размышляют и повествуют. Невозможно представить современную цивилизацию без языка. В мире существует множество разных языков, ни для кого не секрет, что в одном и том же языке есть и сходства и различия. Целью данной работы является исследование дефиниций пола, рода и гендера, влияющих на различия языка мужчин и женщин. Авторами представлены характеристики данных определений, их отличия с точки зрения современных гендерных исследований. В ходе исследования выяснилось, что термины «пол» и «гендер» употребляются синонимично, в то время как данные понятия необходимо разграничивать. Их различие состоит в том, что «биологический пол» есть совокупность анатомических и репродуктивных характеристик одного из двух разрядов живых существ (мужчин и женщин), а гендер – это «социальный пол» или социальный статус, присвоенный человеку того или иного пола, это т.н. модель поведения, которая может варьироваться от общества к обществу. В статье также отмечено, что термин «гендер» используется для разграничения «биологического» и «социокультурного» в человеке, чтобы подчеркнуть, что его поведение определяется не заданными природой характеристиками, а социальным взаимодействием.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, грамматический род, биологический пол, язык мужчин, язык женщин.

A.V. Brovina, E.Iu. Malenko

TO THE MATTER OF DEFINITIONS OF BIOLOGICAL SEX AND GENDER

This article is devoted to the problem of distinguishing the definitions of sex, grammatical and 'social' gender. The relevance of this problem is due to the fact that in the modern language there is an ambiguous interpretation of these concepts, which does not always correspond to the Russian understanding of similar concepts and causes sustained research interest. For many centuries, language has been an inexhaustible source of scientific research. Language, or verbal communication, is considered one of the most important means of communication along with non-verbal com-

munication. With the help of speech, people transmit information, study and analyze, reflect and narrate. It is impossible to imagine a modern civilization without a language. There are many different languages in the world; it's no secret that there are similarities and differences within the same language. The purpose of the research work is to study the definitions of sex, grammatical and 'social' gender that affect the differences in the way men and women speak. The authors carry out the characteristics of these definitions, their differences from the point of view of modern gender studies. The study revealed that the terms "sex" and "gender" are used synonymously, while these concepts need to be differentiated. Their difference is that the "biological sex" is a set of anatomical and reproductive characteristics of one of the two categories of living beings (men and women), and gender is the "social gender" or social status assigned to a person of one or another sex, this is the so-called behavior model, which can vary from society to society. The article also notes that the term "gender" is used to distinguish between "biological" and "socio-cultural" in a person in order to emphasize that his behavior is determined not by the characteristics set by nature, but by social interaction.

Keywords: gender, gender linguistics, grammatical gender, biological sex, language of men, language of women.

Классической отправной точкой научного исследования языка с древних времен было выяснение вопроса о том, представляет ли язык реальность или создает ее. Дискуссия по философии языка о том, какую роль играет язык в триедином комплексе «субъект-реальность-мышление», продолжается и по сей день. Исследователи придерживаются различных точек зрения о том, как мир, реальность и мышление соотносятся друг с другом. Так, в номиналистической концепции язык – это средство фиксации, запоминания и передачи безмолвных мыслей; в рационалистической концепции язык – это знак понятий, мыслей и идей, а в гуманистической концепции язык – это постижение реальности. Вопрос о связи языка, общества, культуры и идентичности является предметом не только лингвистической философии или лингвистических дисциплин, но и центральным вопросом социально-политической организации и порядка, поскольку язык выступает средством не только общения, но и построения исторически специфических, социальных и культурных межличностных отношений и, следовательно, гендерных взаимодействий.

В 2015 году австрийский и канадский бизнесмен и политик Фрэнк Стронак (англ. Frank Stronach) во время эфира на радио Вены (<https://wien.orf.at/>) в передаче «Sommergespräche/Летние беседы» высказал тезис: «Женщины – такие же люди, как и мы / „Frauen sind auch Menschen wie wir“» [1], чем вызвал большой диссонанс в обществе. Тот факт, что это заявление было сделано высокопоставленным политиком, свидетельствует о наличии гендерных разногласий в обществе. Разделение на женский и мужской пол, гендерно-типичное поведение или распределение ролей особенно характерно для повседневной жизни, в которой люди воспринимают и представляют свой пол. Такой подход напрямую отражается в языке. На речь и речевое поведение могут влиять различные параметры, например, возраст, социальный статус, окружение, ситуация и пол. Пол можно рассматривать не только как биологический, но и как социальный параметр, поскольку он тесно связан с равенством между мужчиной и женщиной. Влияние гендера в языке изучает один из разделов лингвистики – гендерная лингвистика. Согласно исследованию Вернера Вейта, «Гендерная лингвистика – это направление в социолингвистике, которое изучает зависимость языка от социального пола» [2, с. 156]. Таким образом, гендерная лингвистика занимается выявлением отличий языка мужчин и женщин. Кроме дискуссий в современной науке о разделении мужского и женского языка, можно обозначить проблему существующего неоднозначного толкования понятий *пол*, *род* и *гендер*. Считаем необходимым четко разграничить определения данных терминов.

Биологический пол – это первое, что человек замечает в другом человеке. Анатомические, физиологические и генетические характеристики, отличающие мужской организм от женского, идентифицируют отличие мужчины от женщины, являются естественным признаком половых различий.

Этимология слова «род» восходит к латинскому «genus» и имеет значения «происхождение, род, пол, способ». Понимание рода как одной из категорий грамматики уходит своими корнями в древнеиндоевропейские языки и служит для образования системы синтаксического согласования языковых единиц. Термины «мужской» род и «женский» род возникли уже в античный период, когда началось осмысление категорий биологического пола и грамматического рода. С. Ромейн пишет, что в V веке Протагор разделял существительные в древнегреческом языке на две группы, которые назвал «мужской» и «женский» род. Он был настолько убежден, что именно пол лежит в основе классификации, что утверждал: слово «*peleks/шлем*» не должно относиться к женскому роду и должно поменять свой грамматический род на мужской [3, с. 67]. Следует отметить, что категория рода присутствует не во всех языках, но в основных европейских языках существует, многие языки различаются по лексикализации рода. Например, в русском и немецком языках есть две похожие лексические формы для мужского рода «*Lehrer/учитель*» или «*Freund/друг*» и женского рода «*Lehrerin/учительница*» или «*Freundin/подруга*», в то время как в английском языке есть только одна лексическая форма для обоих родов «*teacher/учитель/учительница*» или «*friend/друг/подруга*» [4, с. 61].

Три грамматических рода немецкого языка выражаются через употребление артикля. Артикль «der» обозначает мужской род, например «der Mann/мужчина». Артикль «die» обозначает женский род, например «die Frau/женщина», а артикль «das» обозначает средний род, например, «das Kind/ребенок» или «das Mädchen/девочка». Из представленных примеров видно, что артикль, представляющий грамматический мужской, женский или средний род, не обязательно представляет соответствующий биологический пол.

Вопрос о взаимосвязи грамматического рода и пола в настоящее время является дискуссионным. Терминологически род имеет три значения: 1) естественный/биологический пол (англ. «sex»); 2) грамматический род (лат. «genus»); 3) социальный гендер (англ. «gender»). Термин «гендер» является относительно новым, он возник в англоязычной философской и социологической литературе в конце 60-х годов 20 века, где исконно обозначал грамматическую категорию рода. Согласно Оксфордскому словарю английского языка 19-го века, гендер относится к определенному различию между классами. «Первоначально он отражал социально-философский пафос обоснования и утверждения идеи о природной и социокультурной составляющей в современной модели человека, предполагая и некоторый параллелизм этих составляющих» [5, с. 8]. Сегодня термин используется в гендерных исследованиях и обозначает социальный пол и гендерную культуру, которые кардинально отличаются от биологического пола и грамматического рода, прежде всего, в разделении ролей между полами в области общественного труда, ролей в семье и т.д. Кроме того, новизна термина является причиной различий в его толковании и применении наряду с термином «гендер» терминов «пол», «секс», «род», что не всегда соответствует русскому пониманию аналогичных понятий. Несмотря на свою новизну, термин был признан многими отечественными авторами, и, тем не менее, в русском языке можно чаще встретить его дериваты: «гендерный аспект», «гендерные отношения», «гендерные исследования». Это объясняется некоторой путаницей, вызванной самим термином «гендер», которой может соответствовать ряд причин, описанных А.В. Кирилиной:

- значительная часть трудов, посвященных полоролевой дифференциации общества и связанных с ней процессами, написана до возникновения термина «гендер» и оперирует понятиями sex, sexus, sexuality даже в тех случаях, когда речь идет о социальных аспектах взаимодействия полов;

- термин «гендер» возник в англоязычном пространстве и является английским омонимом грамматической категории рода, что в ряде случаев приводит к неясностям именно в лингвистическом описании;

- ряд исследователей придерживается старых понятий, пользуясь терминами sex bias, sex role, sex difference и т.д., включая, однако, в свои рассуждения положения о социальной и культурной значимости пола. Во многих англоязычных трудах оба понятия используются параллельно. Особенно это касается трудов, время создания которых совпало с возникновением понятия «гендер». Все это свидетельствует о затруднительности последовательного разграничения обсуждаемых терминов;

- для определения «гендера» имеются и сложности, связанные с переводом иноязычных работ на русский язык. Так, в немецком языке наряду с понятием Gender используются немецкие номинации Geschlecht, das soziale Geschlecht. Некоторая путаница возникает и в русском языке, особенно при переводе термина «секс» в значении «пол» (как, например, он применяется в переводе трудов М. Фуко);

- при выборе терминологии имеет значение также концептуальная позиция автора. Так, представители биодетерминистского направления, настаивающие на физиологически и психически обусловленной дифференциации когнитивных различий и языковой способности мужчин и женщин, применяют традиционное обозначение пола, хотя и в их работах встречается понятие «гендер»;

- в отечественном научном дискурсе понятие «гендер» находит широкое применение. Однако некоторые авторы предлагают пользоваться терминами, включающими слово «пол»: социальный (социокультурный) пол, половой диморфизм, полоролевая дифференциация, биосоциальные (биокультурные) характеристики человека. Последние подчеркивают двойственный характер пола, его природную и культурную составляющие [6, с. 9-10].

Наглядным примером может служить немецкая лексема «das Mädchen/девочка», которая представляет женский естественный пол и социальный гендер, в то время как грамматический род является средним (артикль «das»). Лексема «das Kind/ребенок» имеет четкое представление о среднем грамматическом роде, но естественный пол и социальный гендер остаются неизвестными без дополнительной информации (ребенок девочка или мальчик). Лексемы «die Frau/женщина» и «der Mann/мужчина» всегда имеют один и тот же естественный пол, социальный гендер и грамматический род – женский и мужской, соответственно. Наряду с немецким или русским языком, имеющим три категории рода, существуют также языки с двумя категориями родами, например, французский или шведский, или более номинальными категориями рода, как, например, африканские языки банту, в которых насчитывается до двадцати номинальных классов. Ориента-

ция на пол формирует номинальные классы по-разному, например, в некоторых южноамериканских языках проводится разделение на человеческое и нечеловеческое. Однако критерии, по которым в языке определяется род как таковой, четко не определены. Род отличается друг от друга не только лексической формой, но и тем, как и каким образом говорят мужчины и женщины. Исследования показали, что мужчины и женщины используют разные формы самовыражения. Для женщин характерен совместный, в большей степени основанный на сотрудничестве, стиль разговора, в то время как мужчины используют доминирующий и определяющий стиль разговора. Такое деление не является строго фиксированным, поскольку трудно определить стиль разговора мужчин и женщин, хотя можно выделить несколько черт, в большей степени характерных для женщин или мужчин. Темы для разговоров, которые выбирают женщины, чаще всего отличаются от тех, которые выбирают мужчины. Женщины больше ориентируют свои разговоры на повседневную жизнь (дети, покупки, семья и т.д.), в то время как мужчины больше ориентированы на такие темы, как карьера, спорт, техника [2, с. 156].

Выдающийся лингвист О. Есперсен исследовал особенности женской языковой компетенции. Согласно мнению ученого, женский язык отличается от мужского языка использованием лексики, стиля и синтаксиса. По его словам, женщины используют меньше грубых и непристойных выражений и предпочитают использовать более тонкие, скрытые и зашифрованные обозначения, они более склонны к эвфемизмам и менее к ругательствам. Он обращает внимание на то, что языковое поведение женщин более консервативно и менее открыто для нововведений, что иллюстрируется на примере сообществ эмигрантов и иных изолированных групп, где сохраняется родной язык и одновременно усваивается новый. При этом женщины чаще остаются монолингвальными, а мужчины быстрее усваивают новый язык. Женщины чаще используют незаконченные предложения или многоточия, что говорит о фрагментарности мышления. Кроме того, у женщин словарный запас меньше, чем у мужчин. Мужчины предпочитают использовать гипотаксис, в то время как женщины чаще используют паратаксис [2, с. 157].

Исследование О. Есперсена достаточно полно для того времени описывает вопрос о влиянии гендерного фактора на язык. В последующие годы его воззрения были подвергнуты критике в связи с тем, что выводы были основаны на личных наблюдениях, многие из которых не были достаточно обоснованы.

В начале 1950-х годов сексологи Джон Мани и Джон Хэмпсон исследовали разницу между биологическим и социокультурным полом. В 1970-х годах феминистки настаивали на том, что мужчины, как и женщины, должны подчиняться социальным ограничениям, обусловленным биологическим полом. Было проведено разделение между биологическим и социальным полом. С 1980-х годов термин «гендер» стал использоваться социальными науками для обозначения социального пола, и только в 20 веке социальные науки начали изучать основные социальные законы, которые, как и прежде, подчиняли естественный порядок гендерным различиям. В основе этнометодологического подхода лежит исследование, проведенное Г. Гарфинкелем в 1967 году [7]. В рамках так называемого «Исследования Агнес» Г. Гарфинкель вместе с терапевтом сопровождал пациентку-женщину во время операции по смене пола и наблюдал за происходящими изменениями. В данном исследовании описано, как повседневные действия могут формировать гендерную структуру. Процесс гендерного становления, гендерной идентичности получил название «doing gender». В 1987 году ученые Д. Циммерманн и К. Уэст, опираясь на исследование Гарфинкеля, определили гендер как адаптацию, основанную на социальных нормах и ценностях. «Люди пытаются приспособить свое поведение к этим гендерным нормам, и соблюдение гендерных норм усиливает соответствие гендерным ролям» [7]. Исследовательница А. Ляйтнер отмечает, что при адаптации к гендерным нормам «человек не является жертвой, а сам участвует в процессе социализации» [8]. Это означает, что гендер – это не что-то данное, а скорее нечто, что создается путем повседневных размышлений и действий. Язык играет центральную роль в этом процессе. Эти факторы порождают рефлексивный процесс, который постоянно в зависимости от социального контекста и взаимодействия перестраивает социальный гендер. Таким образом, термин *гендер* по своему значению не связан с чем-то врожденным, скорее, характеризует поведение индивида в процессе жизнедеятельности.

Язык оказывает важное влияние на наше мышление, отражая социальные нормы, ценности и принципы власти, которые имеют особое значение для общества. Исторически мир принимал мужской пол как стандарт, подкрепленный языком (ср. точки зрения Р. Лакоффа (1975) и Д. Пула (1646)). Согласно этой позиции, культура и язык следуют мужским принципам, а пол рассматривается как результат редуктивного биологического подхода. Биологический пол определяется анатомическими и репродуктивными характеристиками мужчин и женщин, которые формируются в утробе матери и не могут быть изменены позднее без медицинской интервенции. Таким образом, физически изменить биологический пол невозможно.

Наряду с биологическим полом есть также грамматический род. Категория грамматического рода, напротив, не может быть универсально связана с биологическим признаком. Особый интерес исследовате-

лей вызывает гендерная лингвистика. Под гендером понимается конструирование и манифестация свойств культурного, социального и психологического порядка, которые используются членами сообщества с целью воссоздания себя и восприятия других как представителей групп мужчин или женщин. Гендерный подход основан на концепции о том, что важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а культурное и социальное значение, которое этим различиям придает общество. Люди могут идентифицировать себя как мужчину, женщину или иначе, независимо от своего биологического пола. Гендерная самоидентификация – это комплексный и многогранный процесс, включающий в себя социальные, психологические и культурные аспекты. Это может происходить в разном возрасте и может быть обусловлено различными причинами, такими как внутреннее ощущение своего пола, социальные факторы, желание изменить свою внешность или выражение гендерной самоидентификации через одежду и поведение. Можно изменить свою гендерную самоидентификацию, но физически изменить биологический пол возможно только с помощью медицинского вмешательства. Социальные роли, статусы и другие аспекты жизни мужчин и женщин являются фундаментальными элементами гендерных исследований.

Библиографический список

1. Выступление Ф. Стронак на радио Вены. Режим доступа. URL: <https://www.vol.at/stronach-beim-sommergesprach-frauen-sind-menschen-wie-wir/4411199> (дата обращения: 05.02.2023).
2. Veith Werner H. Soziolinguistik, Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2005. 278 S.
3. Romaine S. Communicating Gender. Mahwah . N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 409 p.
4. Trudgill Peter. Sociolinguistics An introduction to language and society, New York, Penguin books, 2000. 240 p.
5. Анков А.А., Вепрева И.Т. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 400 с.
6. Кирилина А.В. Гендер и язык/Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
7. Исследование Г. Гарфинкеля (1967). Режим доступа. URL: <https://www.gender-glossar.de/post/agnes-studie> (дата обращения: 05.02.2023).
8. Исследование А. Ляйтнер (2005). Режим доступа. URL: <https://www.ihs.ac.at/publications/soc/rs70.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).
9. Бурукина О.А. Гендерные особенности культурных кодов: проблемы перевода // Культура и цивилизация. 2019. Том 9 № 6А. С. 22-32.

References

- 1.Speech by F. Stronach on Radio Vienna. Access mode. URL: <https://www.vol.at/stronach-beim-sommergesprach-frauen-sind-menschen-wie-wir/4411199> (accessed: 05.02.2023).
- 2.Veith Werner H. (2005) Soziolinguistik, Tübingen, Gunter Narr Verlag. 278 S.
- 3.Romaine S. (1999) Communicating Gender. Mahwah – N. J.: Lawrence Erlbaum Associates. 409 p.
- 4.Trudgill Peter. (2000) Sociolinguistics An introduction to language and society, New York, Penguin books. 240 p.
- 5.Ankov A.A., Vepreva I.T. Gender aspects of language, consciousness and communication: a collective monograph. M.: Publishing House YASK, 2022. 400 p.
- 6.Kirilina A.V. Gender and language/Moscow State Linguistic University; Gender Research Laboratory. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. 624 p.
- 7.Research by G. Garfinkel (1967). Access mode. URL: <https://www.gender-glossar.de/post/agnes-studie> , (accessed: 05.02.2023).
- 8.Research by A. Leitner (2005). Access mode. URL: <https://www.ihs.ac.at/publications/soc/rs70.pdf>, (accessed: 05.02.2023).
- 9.Burukina O.A. Gender features of cultural codes: problems of translation // Culture and civilization. 2019 Volume 9 No. 6A. pp. 22-32.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.74.55.004

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Аспирант кафедры русского языка и мето-
дики его преподавания
Сабирова А.И.
Россия, г. Казань,
тел. 89377702767
e-mail: salina_1995@mail.ru*

*Kazan (Volga Region) Federal University,
The chair of Russian language
and methods of its teaching
Postgraduate student
Sabirova A.I.
Russia, Kazan,
tel. 89377702767
e-mail: salina_1995@mail.ru*

А.И. Сабирова

АКТИВНОЕ НОМИНАТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА НА -ЩИК, -ЛЫЩИК)

Изучение номинативной деривации занимает важнейшее место как в теоретическом, так и практическом осмыслении словообразовательных категорий. В статье анализируются имена лиц с формантами -щик/ -лыщик, проявляющие активность в языке современной поэзии. Актуальность исследования обусловлена тем, что научные работы, посвященные изучению поэзии рубежа XX-XXI веков, являются преимущественно литературоведческими. Однако исследований, посвященных вопросам словотворчества и реализации выразительного потенциала языка поэзии рубежа XX-XXI веков, не так много. Целью данного исследования является изучение словообразовательной категории лица на примере производных слов с формантами -щик/ -лыщик и описание некоторых наиболее ярких словообразовательных процессов в поэтических текстах современных мастеров слова. Исследование проводится на материале художественных текстов Давида Самойлова, Сергея Гандлевского, Михаила Айзенберга, Виктора Сосноры. Для подтверждения выявленных закономерностей было исследовано 887 поэтических произведений, проанализировано 110 производных nomina agentis. Основой исследования послужили структурно-системный подход к явлениям словообразования и диалектическое единство синхронного и диахронного аспектов их анализа. В результате исследования было определено, что дериваты со значением лица в поэтических текстах рубежа веков используются не только для номинации субъектов профессиональной и непрофессиональной деятельности, но и характеризуются выраженной коннотативностью, образностью и оценочностью. Производные субстантивы nomina agentis приобретают в поэтическом дискурсе новые смысловые оттенки и приращения, что позволяет говорить об актуализации и активизации словообразовательных и выразительных возможностей языка. Дериваты nomina agentis выполняют в поэтическом тексте номинативную, стилистическую, экспрессивную функции, участвуют в организации текстового пространства.

Ключевые слова: современная поэзия, номинативное словообразование, поэтический текст, наименования лиц, язык поэзии.

A.I. Sabirova

ACTIVE NOMINATIVE WORD FORMATION IN THE LANGUAGE OF POETRY OF THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE NAMES OF THE PERSON ON -SCHIK, -LSHCHIK)

The study of nominative derivation occupies an important place in both theoretical and practical understanding of word-formation categories. The article analyzes the names of persons with the formants -shchik/ -lyshchik, which are active in the language of modern poetry. The relevance of the study is due to the fact that scientific works devoted to the study of poetry at the turn of the 20th-21st centuries are predominantly literary studies. However, there are not so many studies devoted to the issues of word creation and the realization of the expressive potential of the language of poetry at the turn of the 20th-21st centuries. The purpose of this study is to study the word-formation category of a person using the example of derivative words with the formants -shchik/ -lyshchik and to describe some of the most striking word-formation processes in the poetic texts of modern masters of the word. The study is conducted on the material of literary texts by David Samoilov, Sergei Gandlevsky, Mikhail Aizenberg, Viktor Sosnora. To confirm the revealed patterns, 887 poetic works were studied, 110 derivatives of nomina agentis were analyzed. The basis of the study was the struc-

tural-systemic approach to the phenomena of word formation and the dialectical unity of the synchronous and diachronic aspects of their analysis. As a result of the study, it was determined that derivatives with the meaning of a person in poetic texts of the turn of the century are used not only to nominate subjects of professional and non-professional activities, but are also characterized by pronounced connotation, imagery and evaluativeness. Derivative substantives *nomina agentis* acquire new semantic nuances and increments in poetic discourse, which allows us to speak about the actualization and activation of the word-formation and expressive possibilities of the language. Derivatives of *nomina agentis* perform nominative, stylistic, expressive functions in a poetic text, participate in the organization of text space.

Keywords: modern poetry, nominative word formation, poetic text, names of persons, the language of poetry.

Номинативное словообразование представляет собой обширный класс семантически насыщенных и стилистически востребованных единиц. Актуальными продолжают оставаться ономазиологические исследования производных наименований [1], [2], [3], [4] и др.

Как известно, собственно номинативное словообразование направлено на создание именований для реалий окружающего нас мира.

Категория имен деятеля, традиционно называемая *nomina agentis*, занимает важнейшее место в системе номинативной деривации.

И.В. Ерофеева отмечает, что в производных именах со значением лица отражается своеобразие в лексико-семантическом освоении мира, обусловленное спецификой познавательной и практической деятельности человека [5, с. 24].

В творчестве современных поэтов можно обнаружить разнообразные производные образования со значением лица. Особую продуктивность при этом проявляют слова на **-щик** и **-льщик**. По характеру производящей основы данные дериваты можно разделить на две группы: **отглагольные**: *взальщик, доильщик, посудомойщик, закройщик, взломщик, бунтовщик, рисовальщик, погонщик, зачинщик, поставщик, гранильщик* (В. Соснора) *закройщик, рисовальщик, точильщик, спорщик, сменщик* (М. Айзенберг) *вышивальщик, пряильщик, погонщик, пыльщик, бунтовщик, притворщик, подавальщик, лудильщик, паяльщик, точильщик* (Д. Самойлов), **отсубстантивные**: *постановщик* (В. Соснора), *кладовщик* (С. Гандлевский), *фейерверкщик* (М. Айзенберг).

Произведенный анализ поэтических текстов рубежа веков позволяет сделать вывод, что по тематическим основаниям в них выделяются класс наименований лиц по профессии (их большинство) и класс производных наименований лиц по различным непрофессиональным действиям (например, *бунтовщик, обманщик, зачинщик, спорщик* и т.д.). Кроме того, количественно-статистический анализ номинаций позволяет говорить об актуализации отглагольных образований в поэтических текстах рубежа веков, слова же группы *nomina actoris* (отсубстантивные имена лиц, обозначающие активное воздействие на предмет) встречаются в художественных текстах гораздо реже.

В поэтических текстах рубежа веков можно обнаружить метафорические перифразы, в которых производящей основой выступают лексемы со значением лица по роду деятельности:

Вы **взломщик** *касс* и крестный крыс отец
Все рты мертвы, тюремны миллионы
Но из Имен в Двадцатом Веке – кто?
«За Сталина!» – Вторая мировая
Генералиссимус! Из вен и цифр
всех убиенных воинов – строка та.
(В. Соснора «Мартовские иды») [6]

Как нуль, **посудомойщик** *Мироздания*,
В светящейся нейтринной пелене <...>
И убежит, как бешеный, за ширмы
Закройщик *глин* и прочих унифор...
(В. Соснора «Я не хочу на карту звёздной ночи...») [Там же].

В произведении «Мартовские иды» словосочетание **взломщик касс** вместе с выражением **крыс отец** в результате переосмысления значения придаёт деривату индивидуально-авторское отношение к объекту поэтического текста – образу И.В. Сталина. Сочетание указанного производного **взломщик** с другими экспрессивными немотивированными лексемами со значением лица – **рты** и **крыс отец** –

создаёт контекстуально синонимический ряд образований. Образования с нейтральным суффиксом -щик выполняют в предложенных стихотворениях стилистическую и экспрессивную функции, передавая тем самым авторскую интенцию.

В поэтических текстах современных авторов можно встретить и лексемы с ныне непроемлемым формантом **-льщик**. Данные дериваты либо обозначают безобъектное действие – *нырятьщик, махальщик, купальщик, чистильщик, вязальщик, доильщик, рисовальщик, точильщик, лудильщик, грабельщик, метельщик, паяльщик*, либо указывают на устойчивые связи слов, например, платить по счетам – *плательщик*, удить рыбу – *удильщик*

Разогнав **удильщиков** курящих,
хохот гонит мелкую волну,
и следит испуганный **нырятьщик**,
как русалка ползает по дну

(М. Айзенберг. «Однодумы с белыми сачками...») [Там же]

Вздор и глупости!

Плательщик-жилецы

При ближайшем рассмотрении – не жильцы.

(С. Гандлевский. «Мама чашки убирает со стола...») [Там же]

Интересно рассмотреть сложное производное **плательщик-жилецы** (авторское ударение сохранено), образованное семантическим способом словообразования. Данное слово позволяет Сергею Гандлевскому создать образ «маленького человека», погрязшего в неустроенном быту, через обыгрывание толкования номинации **жилец** ← *жить*, совмещая и сближая при этом разные словарные значения: «тот, кто занимает жилое помещение по найму. <...> *Не жилец (разг.) - о человеке, к-рый долго не проживет....» [7, с. 194].

Среди наименований лица подобные сложные производные, порождаемые субъективным авторским замыслом, можно встретить и в стихотворениях других поэтов, например в поэзии Виктора Сосноры (*король-обманщик*) и Михаила Айзенберга (*перекупщики-карманники*). «В лирике рубежа XX-XXI веков широко используются возможности экспрессивного словообразования. Экспрессивное производное всегда появляется в языке автора с определенной целью, и, как правило, эта цель четко продиктована необходимостью выразить чувства, эмоции и отношения, передать нужную информацию» [8, с. 29].

Экспрессивное звучание в поэтических текстах рубежа веков имеют перифразы с формантом **-льщик**:

И я, босой, дождинками дышу.
Я – только **рисовальщик слов**
Вот тут корова, – нет молекул молока
собака, – не укусит за меня...

Мадонна, – полюбила бы, но как?

(В. Соснора «Дождь») [6]

Дирижёр – рукотворец музыки,
Пишущий её палочкой в воздухе.
Скрипачи – **прядильщики мелодий**.
Виолончелисты – **вышивальщики нот**,
Пальцем поддевающие толстую нить.

(Д. Самойлов «Оркестр») [Там же]

Кроме того, в стихотворении В. Сосноры актуализируется паронимическая аттракция анафорического типа – **молекул молока**, общее корневое начало сближает слова семантически и контекстуально, создавая тем самым «эффект обманутого ожидания» [9, с. 84]. А в произведении Д. Самойлова, помимо рассматриваемых единиц, мы обнаруживаем целый ряд имён лиц с различными суффиксами: окказиональное **рукотворец** ← *творить руками* и узуальные **скрипачи** ← *скрипка*, **виолончелисты** ← *виолончель*. В данном стихотворении производные субстантивы на -льщик высту-

пают в качестве текстоориентированных языковых средств, влияющих на содержание, стиль поэтического текста и отражающих настроение, мировосприятие лирического героя.

Как видно из перечисленных выше производных, можно говорить о делении единиц на наименования по профессии, специальности и дериваты непрофессионального характера – *нырлящик*, *купальщик*. Особую группу составляют неофициальные наименования лиц по действию, связанному с его работой – *махальщик*, *удильщик*, *чистильщик* и др.

Представленный словообразовательный тип с формантом **-льщик** определяется авторами «Русской грамматики» 1980 года продуктивным в профессиональной терминологии и разговорной речи [10, с. 145]. Т.Ф. Ефремова в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» 1996 года также отмечает словообразовательную активность данного форманта [11, с. 255]. Описывая же динамические процессы в современном русском словообразовании, можно смело констатировать, что словоформы на **-льщик** в значении лица по профессии, мотивированные глаголами несовершенного вида характеризуются скорее единичностью употребления, нежели продуктивностью. Данное явление можно связать с утратой значимости профессий, наименования которых образовывались с помощью данного морфа, например, *разделяльщик*, *носильщик* и т.п. Однако в поэтическом словообразовании всё же можно отметить активность употребления номинаций *nomina agentis* с данным формантом. Хотя, конечно, и среди этих дериватов есть утратившие свою актуализацию в значении профессии.

В перечисленных выше номинациях показательна тесная связь с глагольными основами несовершенного вида. Любопытно рассмотреть стихотворение «Двор» Давида Самойлова, где в рамках одной строфы даются мотивированные и мотивирующие слова. В данном стихотворении имена со значением лица не только формально организуют поэтический текст, но и семантически структурируют его смысловые пласты:

Стекольщики стеклили,
Лудильщики лудили,
Паяльщики паяли,
Точильщики точили [6].

В отличие от производных *лудильщик*, *паяльщик*, *точильщик*, в слове *стекольщик* не выделяется формант **-льщик**, членимость слова следующая: корень *стекол-*, суффикс **-щик**, нулевая флексия. Анализируя стихотворение «Двор», в деривате *стекольщик* можно предположить троякую мотивированность: *стекольщик* – «тот, кто занимается вставкой *стекла*», «работник *стеклольной* промышленности», помимо данных словарных значений поэт приводит авторский вариант соотносительности с нетиповой мотивирующей основой – *стекли-ть*.

Как мы видим, повторяющиеся аффиксы не всегда являются одинаковыми формантами и выполняют одну и ту же словообразовательную функцию, кроме того, зачастую они указывают на разную соотносительность и членимость.

Таким образом, в современной поэзии рубежа XX-XXI веков можно проследить активизацию имен лиц на **-щик**, **-льщик**, образованных от глагольных основ, что связано не только с появлением новых профессий и развитием сферы непрофессионального деятеля, но и с желанием авторов эстетически переосмыслить зачастую невыразительные производные, добавить экспрессивности и показать семантическую и формальную многомерность дериватов.

Анализ поэтического языка позволил раскрыть словообразовательные и выразительные возможности языка поэзии рубежа XX-XXI веков на примере наименований лиц с формантами **-щик**, **-льщик**, сделать вывод о неиссякаемых ресурсах поэтического языка. Среди, казалось бы, общепринятых слов достаточно часто в текстах изучаемых поэтов встречаются необычные единицы языка. Эти дериваты точно вписываются в структуру произведения и придают особую авторскую окраску знакомым словам.

Библиографический список

1. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Москва: КомКнига, 2005. 224 с.
2. Косова В.А. Словообразование в системе номинативной деривации русского языка // Казанская наука. 2013. № 10. С.157-159.

3. Фатхутдинова В.Г. Номинативная деривация в сфере русских имен прилагательных // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 511-515.
4. Калугина Т.В. Этапы и перспективы развития ономазиологии в XXI веке // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. статей в 2-х т. Том 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 327-332.
5. Ерофеева И.В. Роль словообразования в организации смыслового пространства языка летописных сводов // Филологические науки. № 2. М.: Типография МГУ, 2010. С. 22-34.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 03.06.2022).
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.
8. Сабирова А.И. Экспрессивное словообразование в поэтическом языке Олега Чухонцева и Натальи Горбаневской // Филология и культура. 2022. №3 (69). С. 26-30
9. Якобсон Р.О. Вопросы поэтики: Постскрипт к одноименной книге // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 80-132.
10. Русская грамматика (РГ 1980) / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2005. Т. I. 784 с.
11. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. 638 с.

References

1. Zemskaya E. A. Word formation as an activity. Moscow, 2005. 224 p.
2. Kosova V.A. Word formation in the system of nominative derivation of the Russian language // Kazan Science. 2013. Vol.10. P.157-159.
3. Fatkhutdinova V.G. Nominative derivation in the sphere of Russian adjectives // Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia. 2016. Vol.5. P. 511-515.
4. Kalugina T.V. Stages and prospects of onomasiology development in the XXI century // Russian language in the multicultural world: collection of scientific articles in 2 vol. Vol. 1. Simferopol, 2019. P. 327-332.
5. Erofeeva I.V. The role of word formation in the organization of the semantic space of the language of chronicles // Philological sciences. No.2. Moscow State University, 2010. P. 22-34.
6. National Corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (date of application: 06.09.2022).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow, 2007. 944 p.
8. Sabirova A.I. Expressive word formation in the poetic language of Oleg Chukhontsev and Natalia Gorbanevskaya // Philology and Culture. 2022. Vol.3 (69). P. 26-30.
9. Jakobson R.O. Questions of poetics: a postscript to the book of the same name // Jakobson R.O. Works on Poetics. Moscow, 1987. P. 80-132.
10. Russian grammar (RG 1980) / Chief editor N. Y. Shvedova. Moscow, 2005. T. I. 784 p.
11. Efremova T.F. Explanatory dictionary of word-forming units of the Russian language. Moscow, 1996. 638 p.

УДК 81.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.85.72.005

*Воронежский государственный педагогический университет
Аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы
Буасаенг Раттанаторн
Россия, г. Воронеж, тел.: +7 962– 964-52-18
e-mail: rbuasaeng@yahoo.com*

*Voronezh State Pedagogical University
Postgraduate student of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department
Buasaeng Rattanaorn
Russia, Voronezh, tel.: +7 962– 964-52-18
e-mail: rbuasaeng@yahoo.com*

Раттанаторн Буасаенг

О «ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ЭССЕНЦИУМЕ» РУССКОГО ЯЗЫКА, ДЕТЕРМИНИРОВАННОМ ЭПОХОЙ XXI ВЕКА

Настоящая статья посвящена описанию особенностей функционирования наиболее актуальных паремий с антропонимическим компонентом, составляющих значительный пласт «паремиологического эссенциума» русского языка XXI века. Подобные единицы хорошо известны всем или почти всем носителям языка, отличаются высокой частотностью употребления и территориально, социально и функционально-стилистической неограниченностью. Антропонимические компоненты в исследуемых нами паремиях чаще всего представлены русскими мужскими и/или женскими именами, которые используются в полной или сокращенной форме, в том числе с различными субъективно-оценочными суффиксами. Особую паремийную группу формируют имена российских исторических деятелей или имена, связанные с какими-либо событиями российской истории; канонические (церковные) имена, или имена русских святых. Личные имена в паремиях могут применяться для номинаций предметов народного быта, архитектурных сооружений и пр. Установлено, что настоящее время в семантике и структурной организации «паремиологического эссенциума» происходят активные трансформационные процессы, возникающие как реакция на перемены, произошедшие в экономической, политической и духовной жизни российского народа в XXI веке. Основное направление преобразований пословиц и поговорок связано с заменой компонента стандартного состава паремии новым компонентом и с расширением их состава за счет введения в структуру дополнительных компонентов. Отражением динамики паремий в настоящее время является их вариативность, которая может отражаться в языковой экономике или в развертывании. Сделан вывод о том, что процесс трансформирования традиционных паремий в современную эпоху имеет прагматическую направленность, позволяя выявить глубинные свойства порождающей его языковой личности.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, «паремиологический эссенциум», антропоним, антропонимический компонент, личное имя.

Ratannaporn Buasaeng

ABOUT THE "PAREMIOLOGICAL ESSENTIUM" OF THE RUSSIAN LANGUAGE, DETERMINED BY THE EPOCH OF THE XXI CENTURY

This article is devoted to the description of the functioning features of the most relevant paremias with an anthroponymic component, which make up a significant layer of the "paremiological essentium" of the Russian language of the XXI century. Such units are well known to all or almost all native speakers of the language, they are characterized by a high frequency of use and territorial, social, functional and stylistic unlimited. The anthroponymic components in the paremias we study are most often represented by Russian male and/or female names, which are used in full or abbreviated form, including with various subjective-evaluative suffixes. A special paremia group is formed by the names of Russian historical figures or names associated with any events of Russian history; canonical (church) names, or the names of Russian saints. Personal names in paremias can be used for nominations of household items, architectural structures, etc. It is established that active transformational processes are currently taking place in the semantics and structural organization of the "paremiological essentium", arising as a reaction to the changes that have occurred in the economic, political and spiritual life of the Russian people in the XXI century. The main direction of transformations of proverbs and sayings is connected with the replacement of the component of the standard composi-

tion of the paremia with a new component and with the expansion of their composition by introducing additional components into the structure. A reflection of the dynamics of paroemias at the present time is their variability, which can be reflected in the language economy or in the deployment. The conclusion is made that the process of transformation of traditional paroemias in the modern era has a pragmatic orientation, allowing to reveal the deep properties of the linguistic personality that generates it.

Key words: paremia, proverb, saying, "paremiological essentium", anthroponym, anthroponymic component, personal name.

В современной отечественной лингвистике существует немало трудов, посвящённых изучению паремиологического фонда русского языка в функционально-синтаксическом, лексическо-стилистическом, лингвокультурологическом, прагматическом и др. аспектах (см., напр., работы М.А. Бредиса, Е.Е. Иванова, М.Ю. Котовой, О.В. Ломакиной, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбовой, Г.Г. Матвеевой, Г.Л. Пермякова, М.А. Кульковой, Л.Б. Савенковой, Л.Б. Кацубы, З.К. Тарланова, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семененко, Г.А. Заварзиной, Т.А. Шайхуллина, Г.М. Шипициной, М.А. Черкасского и др.). По мнению исследователей, объём паремиологического фонда русского языка можно дифференцировать на две группы единиц – «максимум» (актуальный фонд общенародного языка) и «эссенциум» (обязательный фонд, известный всем или почти всем носителям языка, отличающийся высокой частотностью употребления, территориально, социально, функционально-стилистически не ограниченный) [1, с.54]. Внутри «паремиологического эссенциума», как правило, выделяется множество пословичных единиц, которое можно квалифицировать как «паремиологический минимум» общенародного языка, количественно ограниченный языковым материалом, «функционально актуальным в тот или иной (в том числе – новейший) период развития языка, а также качественно (содержательно) детерминированный экстралингвистическими факторами (культурными приоритетами эпохи, разнообразными социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм в обществе и т. п.)» [2, с.51].

Важную часть «паремиологического эссенциума» составляют пословицы и поговорки, в которых содержится антропонимический компонент, как известно, являющийся индикацией индивидуальности и уникальности человека.

Известно, что имя собственное вне паремиологического контекста традиционно осуществляет функцию указания благодаря своему смыслу, «точнее, если и только если имеется объект, удовлетворяющий смыслу имени: именование всегда предполагает описание объекта, к которому относится имя» [3, с.122-123], обладает определённой символикой звуков и создаёт определённый тон (ср.: «То, как имя воспринимается на слух и какие при этом вызывает ассоциации, важнее семантики имени, которая в большинстве случаев практически не учитывается» [4, с.330]). В процессе коммуникации антропоним «всегда соотнесен с конкретно-чувственным представлением о его носителе» [5, с.61]. Однако в структуре русской паремии оно оказывается семантически редуцированным и демонстрирует «отсутствие связи с понятием и единичным конкретным объектом» [6, с.32], поскольку даёт информацию о типизированных особенностях человека.

Антропонимические компоненты в исследуемых нами паремиях могут быть представлены:

1) русскими мужскими и/или женскими именами, которые используются не только в полной форме (*Филипп, Богдан, Селифан, Акулина, Вавила* и др.), но в сокращённых вариантах (*Ерёма, Фома, Емеля* и др.), в том числе с различными субъективно-оценочными суффиксами (*Филька, Филюха, Ванюшка, Кузька, Вахрюша* и т. д.). Безусловно, сокращённые варианты имен собственных в русских паремиях обладают ярко выраженной экспрессивно-стилистической окраской. Так, в пословице «*Дурному Ванюшке везде камушки*» явно сочувственно рисуется образ недалёкого и неудачливого человека, чему в немалой степени способствует удачно подобранная форма имени.

Имя Филипп, в древнегреческом языке означавшее «любящий лошадей», в русских пословицах функционировало в вариантах *Филя, Филька, Филюха* и использовалось для обозначения простака, неудачника и простофили: «*У Фили тили да Филю и побили*», «*Филипп ко всему привык*», «*Обули Филю в чёртовы лапти*», «*Спит Филька без подстилки*» и др. Следует подчеркнуть, что появление неодобрительных референтных коннотаций в представленных антропонимах было обусловлено их идеофоническими особенностями (наличие редкого звука ф); ср.: *Филя, Фекла, Фома, Фёфёла, Фофан*; ср. также: *Агафон, Пентюх* из *Пентелей < Пантелей*), ст.-русс. *Олух* и др.), а также паронимическими соответствиями с другими антропонимами («*Мели Емеля – твоя неделя*»: *Емеля* – болтун, языком мелет) [7, с.56].

Ср. функционирование традиционных паремий в современных публицистических контекстах: «*Ты ему про Ерёму, а он тебе про Фому*». *Минтруд как производитель вранья*»; «*Ты им про Фому,*

они тебе про Ерёму»: Небензя заявил, что Запад не интересуется правда о «деле Скрипаля»; «У вас все юристы так отвечают: спрашиваешь про Фому, а тебе про Ерему»; «Фома и Ерема огребают от Суркова...»; Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. В сентябре 2014-го в Красном Куте по подозрению во взяточничестве задержали трех чиновников районной администрации» и др.

2) имена российских исторических деятелей или имена, связанные с какими-либо событиями российской истории (Минин, Мазепа, Малюта Скуратов и др.), наделены особой экспрессией. Так, напр., поговорка «*Бородка Минина, а совесть глиняна*» («У Климана совесть глиняна, а бородища Минина») содержит не только нравственную оценку человека, но и информацию о видном историческом деятеле Кузьме Минине, выражение отношения к нему простого народа. Некоторые из исторических деятелей резко получили отрицательную оценку в народе: Малюта Скуратов – злодей, мучитель; Мазепа – предатель [8, с. 218].

3) канонические (церковные) имена, или имена русских святых, присутствующие в русских пословицах, выражают отношение народа к первоначальному значению христианского имени: «*По бою Авраам, а по делам Хам*». Часть выражений связана с представлениями народа о том или ином святом («*Что у волка в зубах, то Егорий дал*»).

Народные названия церковных праздников включаются в паремии-приметы («*На Ивана Купала кого побьют — пропало!*») - на игрищах и при других шалостях [8, с. 219] и могут приобретать переносные значения («*У него то Саввы, то Варвары*»). Как видно, имена в паремиях подобного типа выступают как вторичные антропонимы (метонимии), заменяющие название того или иного календарного дня. «личные канонические имена фигурируют почти в полутора тысячах пословиц и поговорок из всех, включенных в сборник В.И. Даля» [9, с. 405].

4) антропонимы для номинирования артефактов. Так, в народных выражениях имена собственные могут обозначать предметы народного быта («*Полюби Андреевну (соху), будешь с хлебом*»), архитектурные сооружения («*Кабы не кабы, так бы Ивана Великого в бутылку спрятал*»).

Одним из векторов развития «паремиологического эссенциума» современного русского языка являются трансформационные процессы составляющих его единиц.

По наблюдениям многих исследователей, в последнее время стали гораздо активнее использоваться те трансформированные структуры, которые возникли «как реакция на важные и необратимые перемены, произошедшие в экономической, политической, духовной жизни нации» [10]. Ср.: «...активизация национального паремийного фонда во многом связана и с тем, что он отражает кризисные явления в обществе» [11]. Как показал анализ материала, в трансформах-паремиях отражаются новые темы, не свойственные традиционной русской пословицной картине мира: коррумпированность политических деятелей («*Грелся Максим возле осин, или как мэр «добро» давал. Мэр Киши Максим Переверзев в четверг был задержан сотрудниками УБЭП Одесского ГУ МВД по подозрению в получении взятки в размере 2000 долларов...*»), избыточный вес («*Хороша Амалия, да широка талия*»), секс («*Хороша Женя, да лежит без движенья*», «*Если вас зовут Евгений — в жёстком сексе просто гений*») и проблемы гендерной идентичности («*Хороша Марина, да полом — мужчина*», «*Хороша Антонина, да по паспорту мужчина*»), наркомания («*Если гора не идёт к Магомеду, то травки было недостаточно*»), зависимость от интернета и разного рода гаджетов («*Простоват наш Еремей — его ж айфон его умней*») и пр.

Среди наиболее частотных преобразований пословиц и поговорок можно выделить прежде всего замену компонента стандартного состава паремии новым компонентом:

а) одно личное имя → другое личное имя («*Вот тебе, бабушка, и Павлов день*», «*Вот тебе, бабушка, и Зурабов день*», «*Вот тебе, бабушка, и Рабиндранат Тагор*»),

б) нарицательное существительное → личное имя («*Шарон в поле воин*»; «*Не так страшен Трамп, как его малюют*», «*Шкура неубитого Саддама*», «*Горбачев Михалкова не слаще*», «*Снова Греф попутал*», «*Как с Гуса вода*» [12].

Кроме того, встречаются и более сложные случаи трансформаций паремий, связанные с расширением ее состава за счет введения в структуру дополнительных компонентов, напр., имени собственного и количественно-именного сочетания «*Обещанного Чубайсом 15 лет ждут*»; ср. также: «*Какой-нибудь артист сыграл злодея (или стерву) — с него, как с Жириновского вода!*». Ср. также: «*Вот тебе, силиконовая бабушка, и Зурабов день!*»

Отражением динамики паремий в настоящее время, на наш взгляд, является их вариативность («*Хороша Агнесса, но по-русски не бельмеса. Хороша Лариса, но на лицо, что крыса. Хороша Маша,*

да не наша. Хороша Ядвига, да, жаль баба со сдвигом. Хороша Ольга, да не выпью столько). Особым аспектом проблемы вариантности, восходящей к лингвистической теории А.А. Потебни о свертывании текста, является исследование процесса взаимодействия пословиц и поговорок, которое может проявляться в языковой экономии или в развертывании поговорки в пословицы, эксплицирования первой во вторую [10, с.13; 13], ср.: «История про Макара, который разогнал Правительство РФ».

Безусловно, видоизмененные паремии, как и все нестандартные формы языка, экспрессивнее исходных, они более «гибко» приспосабливаются к условиям контекста [12]. Употребление подобных единиц обусловлено личностным выбором, языковой избирательностью индивидуума, однако в процессе коммуникации легко воспроизводится исходная форма паремии, которая легко узнается субъектами общения.

Соглашаясь с мнением паремиологов о признании «паремиологического эссенциума» заповедной частью образного и экспрессивного национального языкового фонда [Мокиенко, 2010, с.14], считаем чрезвычайно важным рекомендовать его в качестве важного лингвострановедческого материала для иностранцев, желающих изучать русский язык и понять особенности российской культуры, а также использовать в практике школьного и вузовского преподавания русского языка. Вместе с тем употребление трансформированных паремий, как правило, имеет прагматическую направленность, выявляет глубинные свойства языковой личности, обусловленные целями, мотивами, ситуационными интенциями. Процесс преобразования показывает, что современные люди хорошо знакомы с традиционными пословицами и более того – они творчески подходят к созданию инновационных коммуникативных единиц.

Библиографический список

1. Паремиология без границ: монография /под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. Москва: РУДН, 2020. 244 с.
2. Иванов Е.Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд// Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. Москва: ЛЕНАНД, 2015. С. 48-66.
3. Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.286 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М.: Наука, 1963.
5. Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. Сер. «Гуманитар. науки». Вып. 4. С. 59–64.
6. Суперанская А.В. Аппеллятив-онома // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1918. С. 5-33.
7. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка// Вопросы языкознания. 2003. №2. С.55 - 72.
8. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: ННН, 1997. 616 с.
9. Бабаева Л.В. Имена собственные в пословицах и поговорках // Ономастика Поволжья. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 402-406.
10. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты)// Мир русского слова. 2010. №3. С.6-20.
11. Миронова Г., Купцевич Е. Паремийный фонд национального языка как отражение кризисных явлений в обществе // Parémie národů slovanských. Ostrava, 2007. S. 45-62
12. Цонева Л. Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе: моногр. ВеликоТырново: изд-во «ИВиС», 2017. 196 с.
13. Заварзина Г.А., Раттанпорн Б. Паремиологическое пространство современного русского языка (на материале пословиц и поговорок с антропонимическим компонентом) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 2 (291). 2021. С. 178-182.

References

1. Paremiology without borders: monograph / ed. M. A. Bredis, O. V. Lomakina. Moscow: RUDN University, 2020. 244 p.
2. Ivanov E.E. Paremiological minimum and basic paremiological fund // Paremiology in discourse: General and applied questions of paremiology. The proverb in discourse and in the text. Proverb and language picture of the world. Moscow: LENAND, 2015. 48-66 pp.

3. Pavilenis R.I. The problem of meaning: A modern logical-philosophical analysis of language. M.: Thought, 1983. 286 p.
4. Boduen de Kurtene I.A. Selected works on general linguistics: In 2 vols. M.: Science, 1963.
5. Ruth M. E. Anthroponyms: reflections on semantics // Izv. Ural. state university. 2001. Vol. 20. Ser. "Humanist. Sciences". Iss. 4. 59-64 pp.
6. Superanskaya A.V. Appellative-onoma // Common noun and proper name. M.: Science, 1918. 5-33 pp.
7. Otin E.S. Connotative onyms and their derivatives in the historical and etymological dictionary of the Russian language // Questions of linguistics. 2003. Vol. 2. 55-72 pp.
8. Dal V.I. Proverbs and sayings of the Russian people. M.: NNN, 1997. 616 p.
9. Babaeva L.V. Proper names in proverbs and sayings // Onomastics of the Volga region. Ufa: Publishing house of BSPU, 2006. 402-406 pp.
10. Mokienko V.M. Modern paremiology (linguistic aspects) // The world of the Russian word. 2010. Vol. 3. 6-20 pp.
11. Mironova G., Kupcevic E. Paremia fund of the national language as a reflection of crisis phenomena in society // Parémie národů slovanských. Ostrava, 2007. 45-62 pp.
12. Tsoneva L. Names and people. Key names in media discourse: monograph. Veliko Tarnovo: IViS publishing house, 2017. 196 p.
13. Zavarzina G.A., Rattanaporn B. Paremiological space of the modern Russian language (on the basis of proverbs and sayings with an anthroponymic component) // Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University. 2021. Vol. 2 (291). 178-182 pp.

УДК 81-119

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.89.91.006

*Воронежский государственный
лесотехнический университет
им. Г.Ф. Морозова
Кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры
иностраных языков,
Ермаков С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(903)850-46-93
e-mail: sergey-ermakov.1811@mail.ru*

*Voronezh State University of Forestry and Technolo-
gies Named after G.F. Morozov
lecturer at the department of foreign languages
PhD
Ermakov S.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(903)850-46-93
e-mail: sergey-ermakov.1811@mail.ru*

С.А. Ермаков

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ГРАДУАЛЬНОСТИ

Данная статья представляет собой краткий обзор работ, посвященных категории градуальности, которые были выполнены за последние 35 лет. Неослабевающий интерес ученых и исследователей к градуальности как к лингвистическому феномену связан прежде всего с тем, что она позволяет отражать языковую картину мира в её динамике, постоянном изменении и развитии. Градуальность является одной из основополагающих онтологических категорий и представляет собой способность человеческого сознания соотносить и сравнивать явления, действия и предметы окружающей действительности. Градуальность тесно связана с другими понятийными категориями, в первую очередь такими, как количество, качество, оценка и интенсивность. Пронизывая почти все уровни языка, градуальность на каждом из них проявляет свои специфические свойства. Несмотря на большое количество научных работ, посвященных категории градуальности, многие вопросы данной тематики остаются все еще открытыми и недостаточно изученными. Это открывает большой потенциал для будущих исследований. В настоящее время остаются актуальными вопросы, касающиеся изучения непосредственно самой категории градуальности, определения конкретных границ категории в языке и понятийной сфере, четкого определения ее статуса в области количественно-качественных отношений, разработки терминологического аппарата и др. Выбор понимания и трактовки исследуемого явления, его концепция играют немаловажную роль в решении указанных задач. Представленные в статье научные работы выполнены в рамках разных направлений и подходов, и отражают разнообразные концепции категории градуальности в лингвистике. Статья написана на английском языке.

Ключевые слова: градуальность, шкала градации, значение слова, признак, количественный и качественный компоненты.

S.A. Ermakov

MODERN STUDIES OF THE CATEGORY OF GRADUALITY

This article is a brief overview of the works devoted to the category of graduality that have been performed over the past 35 years. The permanent interest of scientists and researchers in the category of graduality as a linguistic phenomenon is primarily due to the fact that it enables to reflect the linguistic picture of the world in its dynamics, constant change and development. Graduality is one of the fundamental ontological categories and represents the ability of human consciousness to correlate and compare phenomena, actions and objects of the surrounding reality. Graduality is closely related to other conceptual categories, primarily such as quantity, quality, evaluation and intensity. Permeating almost all levels of the language, the graduality shows its specific properties on each of them. Despite the large number of scientific papers devoted to the category of graduality, many issues of this subject are still open and insufficiently studied. This opens up great potential for future research. Currently, there are still relevant issues related to the study of the category of gradality itself, the definition of specific boundaries of the category in the language and conceptual sphere, a clear definition of its status in the field of quantitative and qualitative relations, the development of terminological apparatus, etc. The choice of understanding and interpretation of the phenomenon under study, its concept play an important role in solving these problems. The scientific studies presented in the article are carried out within the framework of different directions and approaches, and reflect various concepts of the category of graduality in linguistics. The article is written in the English language.

Key words: graduality, gradation scale, word meaning, trait, quantitative and qualitative components.

This article is an accurate summary of the studies on the category of graduality that have been carried out over the past 35 years. Most of these studies are based on the material of the Russian language.

Graduality, as the ability of human consciousness to correlate and compare phenomena, actions and objects of the surrounding reality, is the object of attention of many scholars. The category of graduality represents the interrelation between the categories of quality and quantity, which allows us to express in language graded relations involving an increase or decrease in the degree of manifestation of the trait.

Despite the fact that the mention of the category of graduality dates back to the beginning of the ancient era, a thorough theoretical study of this phenomenon has occurred only from the middle of the XX century.

In 1944 an American linguist Edward Sapir published his work «Gradation, a study in semantics» which became an important event in the field of studying of the category of graduality. The author tried to explain the role of grading in language and in the process of comparing and correlating the qualitative and quantitative properties of a trait. It was an attempt to consider the graded relations taking into account psychological, logical and linguistic conditions, as well as to identify key concepts, namely the norm (or reference point), the gradation scale and its poles. The scientist defined gradation as «a psychological process preceding measurement and counting» [1, p. 41].

Since publication of Sapir's work scientists have undertaken lots of scientific research in this area and a large number of articles and studies have been issued.

So, Yury Vorotnikov in his PhD thesis «The functional and grammatical sphere of the gradation of a trait in the modern Russian language» (1987) formulates the definition of graduality as a logical-and-semantic category: «The essence of which is to reflect the ability of a qualitative trait to act in a given carrier to a certain degree of manifestation relative to another carrier or the norm of this trait, as well as to be in a state of transition from one degree of manifestation to another» [2, p.20]. The scientist assumes that the need to organize speech units in a certain system forms the basis of the category of graduality.

Marina Mezenina in her study «Graduality in the paradigmatics of lexis of the German language» (1991) classifies graduality as a semantic category and comes to the conclusion that «quality gradation is understood as quantitative modifications of the quality in its carrier, which are established by comparison with a certain standard» [3, p. 4]. The scientist distinguishes between qualitative and quantitative components in the content of lexical units, where the qualitative component is the core of the lexical meaning of the word, and the quantitative component complements the qualitative one, indicating the intensity, the degree of manifestation of quality. Also, the author presents different types of gradation scales depending on the subject and object of grading.

In Marina Bondarenko's PhD thesis «Graduality as a property of lexis and a basis for building a lexical paradigm (based on the material of the French language)» (2001) the category of graduality is characterized as «a complex formation, where the mandatory components are the category of comparability and the category of intensity, and the optional ones- additional nuances represented by a connotative, emotional-evaluative or stylistic component» [4, p. 27]. The researcher concludes that on the basis of the qualitative component, lexemes are combined into paradigms, including graded ones: «It is the ratio of the qualitative trait to the norm that represents the essence of the category of graduality in any language» [4, p. 47]. Much attention is also paid to the analysis of the gradation scale from the point of view of its structural organization. Its main components and their descriptions are highlighted, as well as the scalar organization of the graded lexis.

A detailed and original approach to the study and interpretation of the phenomenon of graduality is demonstrated by the philologist Andrey Shcherbakov in his dissertation work «Gradation as a stylistic phenomenon of the modern Russian literary language» (2004). According to Andrey Shcherbakov, the category of graduality should be presented as a logical category, which has its own stylistic manifestation — a technique of gradation, consisting of a number of verbal components and built on a deviation from the norm of speech. On the results of the conducted research the author defines linguistic gradation as «the attitude of the speaking subject to the object of speech which are expressed by means at several levels (word-formation, lexical, morphological, syntactic, stylistic)» [5, p. 21]. The scientist also devotes considerable attention in his study to the issues of the relationship of graduality with the phenomena of synonymy and antonymy, as well as to the category of expressiveness and its components – emotionality, appreciation, intensity and imagery. The gradation scale is built taking into account two factors: the object-logical (denotative) assessment and the emotional (connotative) assessment which are based on the connection of the connotative and denotative components with the philosophical categories of quality and quantity.

It is very important to note Svetlana Kolesnikova's PhD and Doctoral dissertations «Graded relations in modern Russian» (1993) and «Category of graduality in modern Russian» (1999) which make an important contribution

to the study of the category of graduality. The complex analysis given in her research characterizes the category of graduality as a lexical-grammatical category that «conveys the meaning of the increase and decrease in the degree of a trait, acting in words in different linguistic ways» [6, p. 64].

In subsequent works, Svetlana Kolesnikova concludes that graduality is a separate category with its own methods and means of expression. According to her opinion, graduality should be presented in the form of a functional-semantic field, where the core and the periphery are distinguished. The core is represented by the norm, whereas quantitative modifications of the trait go to the periphery, and the more modifications deviate from the norm, the further away from the core they are located. Svetlana Kolesnikova carries out work on the identification of word classes allowing gradation, examines the multi-level means of expressing the semantics of graduality (lexical, word formation and syntactic constructions), and also identifies the models of construction of the gradation scale. The results of detailed studies are reflected in her monographs «Graduality: links and systemic relations in the Russian language» (2012) and «Graduality: links and relations in the system of the Russian language» (2016).

Obviously, Svetlana Kolesnikova's studies have become a kind of incentive for researchers to continue studying the category of graduality and to consider little-studied issues of this topic.

The results of one of these studies are presented in Elena Beloglazova's PhD thesis «Graded function of multi-level linguistic means in formation of the dictum content of the sentence» (2003) (S. Kolesnikova's direction). In the study, the category of gradality appears as a functional-semantic category. In the course of a thorough analysis of extensive linguistic material extracted from the works of classical and modern Russian literature Elena Beloglazova comes to a number of theoretically significant conclusions regarding the presence in the modern Russian language of a large number of modus-dictum constructions with graded and evaluative meanings. To form these modus-dictum constructions speakers have to use a whole complex of multi-level means: word-formation, lexical, morphological and syntactic.

Natalia Rogozhina's PhD thesis «Indicators of graduality *как, какой* in the structure of a simple sentence» (2005) (S. Kolesnikova's direction) is also carried out within the framework of the functional approach to the study of linguistic phenomena. In this study the category of graduality is considered at the semantic level of the language, the representatives of which are lexemes *как* and *какой* endowed with a certain semantic structure. According to Natalia Rogozhina these lexemes «realize a graded function in the sentence structure and play an important role in expressing the category of gradality in the Russian language» [7, p. 4].

Natalia Nesterova's PhD thesis «Graduality in complex sentences with attributive-excretory subordinates» (2005) is devoted to the study of the semantics of graduality at the syntactic level. Natalia Nesterova shares Svetlana Kolesnikova's opinion on the status of the category of graduality, as it is «a functional-semantic category, realized in the activity of thinking and speech by multilevel linguistic means» [8, p. 9]. In the course of her study, Natalia Nesterova makes a number of important conclusions, for example:, the conclusion that under gradation is meant the ability of a trait to be in the language to varying degrees; the means of negation are used as additional means that contribute to the manifestation of graded semantics; the emotional and expressive components of semantics are indissolubly connected with the graded meaning of the studied sentences and form an inseparable whole with it, etc.

It is also necessary to give the names of other works that have appeared during this period and are devoted to the study of graduality.

Natalia Fedyaeva's scientific research «Linguistic image of the average person in the aspect of cognitive categories of duality, graduality, evaluation, norm (based on lexical and textual material of the modern Russian language)» (2003) explores the theory of graduality in such a phenomenon as the image of an average person. The subject of this research is the generalized image of the average person embodied in a variety of typed semantic interpretations as a fragment of the Russian language picture of the world.

Pavlina Bereznitskaya's PhD thesis «Typology and structure of graded fields in Russian language» (2004) gives a systemic and functional description of the properties and semantic links of lexical and morphological linguistic units forming graded fields in Russian language. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time it gives a complete structural and functional description of the graded relations and means of their expression in the Russian language identifies a system of graded fields and develops their typology.

Ukrainian linguist Tatiana Podufalova, in her scientific study «Cognitive-semantic and functional features of gradation in the Russian language» (2007), qualifies gradality as a cognitive-semantic category which is based on the fact that its speech realization reflects the cognitive (mental) activity of a person. The author defines gradality as «the property of a trait to undergo gradation, that is, to change its ability and be fixed at a certain moment of change» [9, p. 7].

Irina Nazarova's PhD thesis «Adverbs as a means of representing the category of graduality in modern English» (2009) is the first research which explores graduality on the material of modern English. The work is carried out in the current of cognitive linguistics which makes it possible to approach the problem of graduality from a new

angle, to show the multidimensionality of the category of graduality and reveal the specificity of this category in English language.

Galina Kireeva turns to the consideration of individual parts of speech as indicators of graduality in her PhD thesis «Interjection as an indicator of graduality in the modern Russian language» (2010) (S. Kolesnikova's direction). According to Galina Kireeva, interjection as an indicator of graduality performs various functions peculiar to this group of words, enhancing the meaning of individual words and sentences as a whole.

Zoya Dolgikh examines the dynamic properties of linguistic means and methods of graded meanings in her scientific research «Operational means and methods of graded meanings (on the material of the Portuguese language)» (2020). The author analyzes the gradation processes using a combination of different approaches such as cognitive-discursive, operational and systemic-structural. The scientist visualizes the phenomenon of graduality not only in the form of a functional-and-semantic field, but also in the form of specially modeled gradation scales and diagrams.

During the period under review, researchers have also explored the graduality on the material of phraseological units of the Russian language.

Thus, Natalia Gorshkova's PhD thesis «Phraseological units with graded semantics in modern Russian language» (2004) (S. Kolesnikova's direction) is dedicated to the study of the semantic structure of phraseological units with graded meaning. It is for the first time in the history of Russian idiomatics that phraseological units with graded semantics are comprehensively described; their complex analysis is carried out taking into account paradigmatics and syntagmatics. In the course of the study, N. Gorshkova develops her definition of phraseology with graded semantics: these are «stable and reproducible units endowed with a holistic meaning, in the structure of which the presence of gradoseme is mandatory» [10, p. 5].

Another study, where the problem of graduality is analyzed on the material of phraseological units of the Russian language, is Natalia Prekina's PhD thesis «Graded semantics of Russian proverbs» (2006) (S. Kolesnikova's direction). Natalia Prekina describes in detail the lexical means of creating graduality in proverbs and the derivational ways of its expression, emphasizing that graduality is an indicator of quantitative differences in the semantics of proverbial constructions. The author thoroughly examines the theoretical justification the status and content of the category of graduality, its difference from adjacent linguistic categories and proposes a semantic classification of phraseological units with a graded trait. Like other researchers Natalia Prekina notes that the category of graduality is close to the categories of evaluation, quantity and intensity.

Kazakh linguist Saule Temirkanova gives the description of the theory and practice of the creation of new generation educational dictionaries which are based on the principle of graduality in her scientific research «A principle of graduality in lexicography» (2007). Saule Temirkhanova notes the absence of special works devoted to the problem of graduality in lexicography, with the exception of individual papers. The scientist believes that only the creation of a series of educational dictionaries based on the principle of graduality will contribute to the realization of the goals and objectives of teaching the Russian language.

Sergey Ermakov (author of this article) also pays special attention to the problem of graduality in lexicography in his PhD thesis «Gradual oppositions in the lexical-semantic group «Names of persons by the command of professional skill» (on the material of the Russian, English and French languages)» (2022). One of the practical results of this study is the creation of dictionaries of synonyms and antonyms. The lexical meaning of the word in the offered dictionaries is represented in the form of semantic traits and the lexicographic fixation of synonymous and antonymous oppositions is implemented on the basis of a graded semantic trait.

Also, over the period under consideration, scientists have made attempts to explore the category of graduality on the material of other languages of the peoples of the Russian Federation.

As a result Ekaterina Devyatkina's PhD thesis «Category of graduality in modern Mordovian languages: based on the material of the adjectives» (2009) is the first work on the study of the category of graduality based on the material of the languages of the Finno-Ugric group: Erzya-Mordovian and Moksha-Mordovian. The study is conducted in accordance with the functional approach to language research. The category of graduality acts as a functional-semantic category expressing the degree of manifestation of a trait, quality and property in a particular subject or phenomenon. The scientist explores the ways of expressing the category of graduality in their totality as components of the functional-semantic field of this category, attempts to identify the features of the functioning of lexical, word-formation, analytical, syntactic ways of expressing graduality.

The category of graduality has been studied in the works performed within the framework of comparative linguistics, based on the material of languages belonging to different language families. For example, Marina Zubayraeva's PhD thesis «Gradation of a qualitative trait: on the material of the Chechen and English languages»

(2008) studies the gradation of a qualitative trait on the material of various language families: Caucasian language family and Indo-European language family. The author emphasizes: «The category of graduality has the property of universality: characterizing objects, signs, actions, it actively manifests itself in the semantic structure of nouns, adjectives, adverbs, verbs, phraseological units» [11, p. 3]

Having examined the list of works devoted to modern concepts of the category of gradualness in linguistics, we would like to emphasize the scale and complexity of this phenomenon.

In this regard, we can note the existence of various approaches to the interpretation of the category of graduality in scientific circles, in particular: lexico-semantic (E. Sapir, M. Mezenina), complex (M. Bondarenko), logical (A. Shcherbakov), lexico-grammatical (S. Kolesnikova), cognitive-semantic (T. Podufalov), logical-semantic (Yu. Vorotnikov, Z. Dolgikh), etc.

In addition, we can indicate various linguistic aspects that scientists consider as an object of study through the prism of graded relations: belonging to a certain lexico-grammatical class of words (I. Nazarova, E. Devyatkina), phraseological units (N. Gorshkova, S. Tkachenko), the expressive phenomenon of the modern Russian literary language (A. Shcherbakov), discursive graded features (T. Podufalova), dynamic properties of means and linguistic methods of gradation (Z. Dolgikh).

Such a broad interpretation of the category of graduality is explained by its universality, since, connecting and penetrating all language levels, graduality manifests its specific properties at each of them.

Taking into account the above, we propose to adopt the following definition of graduality – this is a lexical-semantic category, which displays the property of a semantic trait of a word to express in its meaning a discrete degree of manifestation (from minimum to maximum) with the help of certain semantic indicators, which can be established by comparison with the norm, or with another degree of manifestation.

Also, this article is an expression of gratitude to all researchers and scientists who have participated in the studies of the category of graduality.

Библиографический список

1. Сепир, Э. Градуирование. Семантическое исследование / Э. Сепир. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 40–78.
2. Воротников Ю.Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Ю. Л. Воротников. М., 1987. 214 с.
3. Мезенина М.В. Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка: автореф. дисс. ... к-та филол. наук. М., 1991. 16 с.
4. Бондаренко М.В. Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы (на материале французского языка): дисс. ... к-та филол. наук. Воронеж, 2001. 138 с.
5. Щербаков А.В. Градация как стилистическое явление современного русского литературного языка: дисс. ... к-та филол. наук. Кемерово, 2004. 229 с.
6. Колесникова, С.М. Градационные отношения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 253с.
7. Рогожина Н.В. Показатели градуальности *как, какой* в структуре простого предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.
8. Колесникова С.М. Категория градуальности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 425 с.
9. Подуфалова Т.В. Когнитивно-семантические и функциональные особенности градации в русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Харьков, 2007. 29 с.
10. Горшкова Н.Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке: автореф дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
11. Зубайраева М.У. Градационность качественного признака: на материале чеченского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Грозный, 2008. 23 с.

References

1. Sapir, E. Grading, a study in semantics / E. Sapir. New in Foreign Linguistics. Moscow, 1985. Iss. 16. Linguistic pragmatics. P. 40–78.
2. Vorotnikov Y.L. The functional and grammatical sphere of the gradation of a trait in the modern Russian language: thesis ... PhD in Philology. Moscow, 1987. 214 p.
3. Mezenina M.V. Graduality in the paradigmatics of lexis of the German language: abstract. thesis ... PhD in Philology. Moscow, 1991. 16 p.
4. Bondarenko M.V. Graduality as a property of lexis and a basis for building a lexical paradigm (based on the material of the French language): thesis ... PhD in Philology. Voronezh, 2001. 138 p.

5. Shcherbakov A.V. Gradation as a stylistic phenomenon of the modern Russian literary language: thesis ... PhD in Philology. Kemerovo, 2004. 229 p.
6. Kolesnikova S.M. Graded relations in the modern Russian language: thesis ... PhD in Philology. Moscow, 1993. 253 p.
7. Rogozhina N.V. Indicators of gradality *как, какой* in the structure of a simple sentence: abstract... PhD in Philology. Moscow, 2005. 20 p.
8. Kolesnikova S.M. The category of gradality in modern Russian: thesis ... PhD in Philology. Moscow, 1999. 425 p.
9. Podufalova T.V. Cognitive-and-semantic and functional features of gradation in the Russian language: abstract. dis. ... cand. filol. sciences. Kharkov, 2007. 29 p.
10. Gorshkova N.N. Phraseological units with graded semantics in modern Russian: abstract... PhD in Philology. Moscow, 2004. 20 p.
11. Zubayraeva M.U. Gradation of a qualitative trait: on the material of the Chechen and English languages: abstract... PhD in Philology. Grozny, 2008. 23 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 821.112.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.48.39.007

Воронежский государственный педагогический университет

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей

Воротникова А.Э.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(910)243-08-24

e-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

Воронежский государственный университет

магистрант 2 курса филологического факультета

Саратова М.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)418-39-51

e-mail: hae.haeh@yandex.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Doctor of Philology, Docent, Professor of the
Department of French Language and Foreign
Languages for Non-linguistic Specialities
Vorotnikova A.E.*

Russia, Voronezh, +7(910)243-08-24

e-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

Voronezh State University

2nd year master's student of the faculty of philology

Saratova M.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(920)418-39-51

e-mail: hae.haeh@yandex.ru

А.Э. Воротникова, М.В. Саратова

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ М. БАЙЕРА «ЛЕТУЧИЕ СОБАКИ»

Статья посвящена исследованию пространственно-временных конфигураций в романе немецкого писателя М. Байера «Летучие собаки». В качестве основных характеристик хронотопа выделяются его полифункциональность и многослойность, обусловленная спецификой нарративной структуры произведения. Смена повествовательных перспектив двух главных героев — акустика Германа Карнау и дочери министра пропаганды Германии Геббельса Хельги — способствует выявлению противоположных, конкурирующих и в то же время диалогических, дополняющих друг друга представлений о малой (индивидуальной, семейной) и большой истории Германии периода Третьего рейха. Образы протагонистов раскрываются сквозь призму хронотопа, в особенности перцептуального, перемещенного в сферу индивидуального сознания, отмеченного влиянием воображения, памяти, психологических комплексов. При этом отмечаются возможные несовпадения перцептуального и реального хронотопов. Наряду с индивидуально-психологическим и историческим аспектами образов пространства и времени, исследуется их символически-обобщающий и метафорический потенциал. Пристальное внимание уделяется хронотопам, вписанным в национально-культурную традицию, в частности романтическую, а также развенчанию стереотипных пространственно-временных представлений в немецкой модели действительности, испытывающей мощное воздействие нацистской идеологии и пропаганды. Значимая для немцев проблема исторической памяти, вины и наказания получает новый ракурс рассмотрения благодаря введению в художественную ткань романа образов звукозаписывающих средств, создающих еще одну разновидность хронотопа. Делается вывод о невозможности реконструировать пространство памяти при помощи технических инстанций, затемняющих и искажающих образ прошлого, наполняющих его мортальной семантикой и превращающих его в подобие акустического кладбища.

Ключевые слова: хронотоп, повествование, точка зрения, символ, метафора, акустика, технические средства, память.

A.E. Vorotnikova, M.V. Saratova

FEATURES OF THE CHRONOTOPE IN THE NOVEL "FLYING DOGS" BY M. BEYER

The article is devoted to the study of space-time configurations in the novel "Flying Dogs" by the German writer M. Beyer. The main characteristics of the chronotope are its polyfunctionality and multilayering, due to the specifics of

the narrative structure of the work. The change of narrative perspectives of the two main characters — the acoustic Hermann Karnau and the daughter of the German Propaganda Minister Goebbels Helga — helps to identify opposing, competing and at the same time dialogical, complementary ideas about the small (individual, family) and large history of Germany during the Third Reich. The images of the protagonists are revealed through the prism of the chronotope, especially the perceptual one, moved into the sphere of individual consciousness, marked by the influence of imagination, memory, psychological complexes. At the same time, possible discrepancies between the perceptual and real chronotopes are noted. Along with the individual psychological and historical aspects of the images of space and time, their symbolically generalizing and metaphorical potential is investigated. Close attention is paid to the chronotopes inscribed in the national cultural tradition, in particular the romantic one, as well as to the debunking of stereotypical space-time representations in the German model of reality, which is under the powerful influence of Nazi ideology and propaganda. The problem of historical memory, guilt and punishment, which is significant for the Germans, receives a new perspective of consideration thanks to the introduction into the artistic fabric of Beyer's novel images of sound recording devices that create another kind of chronotope. It is concluded that it is impossible to reconstruct the memory space with the help of technical means that obscure and distort the image of the past, filling it with mortal semantics and turning it into a kind of acoustic cemetery.

Keywords: chronotope, narrative, point of view, symbol, metaphor, acoustics, technical means, memory.

Хронотоп в романе Марселя Байера «Летучие собаки» (1995) — ценностно-мировоззренческий и идеологически нагруженный феномен, сюжетообразующая, характерологическая и символическая категория. Пространственно-временные отношения в произведении немецкого писателя отличает многослойность — особенность, обусловленная сложностью повествовательной структуры. Два голоса — акустика Германа Карнау и старшей дочери министра пропаганды Германии Геббельса Хельги — звучат поочередно, воссоздавая события, происходящие в фашистской Германии с октября 1940 года по май 1945 года. В седьмой главе действие переносится в Дрезден 1992 года, где в подвалах городского дома престарелых обнаруживают архив звукозаписей, к созданию которого оказывается причастным Карнау, в прошлом попутчик нацистов, а затем и соучастник их преступлений, в настоящем ничем не приметный охранник, продолжающий и после войны участвовать в садистских опытах над людьми. Объективированное повествование от третьего лица, ведущееся в обезличенно-деловом тоне и содержащее сведения о страшной находке и допрос Карнау, прерывается рассказом последнего об увиденном им ночном кошмаре, а также о сохраненных им звукозаписях, запечатлевших последние дни жизни детей Геббельсов в бункере Гитлера. В предпоследней восьмой главе вновь звучит голос Хельги, погибшей еще в мае 1945 года и как будто вновь воскресшей благодаря пластинке Карнау, который, как явствует из заключительной девятой главы, проводит собственное расследование произошедшего, в действительности же пытается скрыть совершенное, по-видимому, им самим убийство шестерых детей министра пропаганды. Кроме того, в финальный рассказ акустика инкорпорировано заключение патологоанатома, проводившего вскрытие тела Хельги.

Итак, автор довольно свободно манипулирует категориями времени и пространства, обнаруживая их относительный характер. Столкновение различных пространственно-временных конфигураций в рамках романного текста (хронотопов детей—взрослых, Хельги—Карнау, фронта—тыла, власти—народа и т. п.) — основа диалогического освещения конкурирующих представлений о действительности, противоборствующих идеологических систем и моделей бытия, а также залог их последующего диалектического синтеза и реконструкции целостной картины мира.

В рассказах диегетических нарраторов Карнау и Хельги, ведущихся в настоящем времени и от первого лица, события малой истории псевдоученого-экспериментатора и семьи Геббельсов и большой истории Германии наделяются актуальным характером, представляются как непосредственно наблюдаемые.

Обращает на себя внимание темп развития действия и повествования о нем в «Летучих собаках». Неспешен полнящийся мельчайшими подробностями повседневности рассказ Хельги о жизни ее семьи, еще не охваченной лихорадкой бегства от приближающегося поражения. Здесь еще вполне хватает времени для спокойных прогулок, посещения зоопарка, чтения сказок братьев Гримм, игр, приема гостей, путешествий в поезде и на машине, ожидания фотосъемки. Слова «скучаешь» [1, с. 55], «наскучило» [1, с. 77], «скучно» [1, с. 121, 134, 246] неоднократно возникают в детском рассказе, психологически точно передавая восприятие времени ребенком как бесконечной длительности. Возрастная специфика отличает также событийность в представлении Хельги и ее младших сестер и брата. Незначительные, с точки зрения взрослых, происшествия, например потеря старой и потрепанной куклы Хайде, переживаются детьми как особо важные.

Несовпадение демонстрируют также перцептуальное и реальное пространства [2, с. 16], или перцептивная точка зрения как призма интроспективного представления сознания и пространственная точка зрения [3, с. 125–127], что обусловлено, помимо прочего, особым ценностным статусом акустического восприятия внешней действительности в романе. Так, Хельге, случайно подслушавшей жуткие стоны с пластинки господина Карнау, его жилище начинает казаться камерой пыток. Девочка, чутко улавливающая обертоны голосов других людей и, в том числе, их молчание, учится распознавать фальшь в словах и поступках взрослых, становясь «детектором лжи» в большом аудиальном мире.

Внешняя динамика не характерна и для повествовательной манеры Карнау, склонного к рефлексии по поводу увиденного, внимательного к знакам окружающей реальности, способным активизировать ассоциативную память героя. Образ глухонемых, принимающих участие в подготовке торжественного мероприятия на стадионе, возрождает эпизод с преследованием летучей мыши однокурсниками Германа. Пытающийся скрыть свое истинное «я», протагонист сравнивает и себя самого с глухонемым: «К себе самому я отношусь, как к глухонемому: тут просто-напросто нечего сказать. <...> Ничем не примечательное прошлое, со мной никогда ничего не случилось, в моей памяти нет ничего такого, о чем можно было бы рассказать» [1, с. 17].

Однако, вопреки позиционированию себя в качестве маленького человека, Карнау постепенно раскрывается перед читателем как закомплексованный трус, аморальный карьерист и, наконец, нацистский преступник, «коллекционирующий» предсмертные стоны раненых солдат, совершающий донос на французского подпольщика в Эльзасе, проводящий опыты над заключенными концлагерей. Воспоминания протагониста о своем прошлом позволяют реконструировать его путь от статиста в драме фашистских злодеяний до одного из ее главных действующих лиц.

Когда поражение Германии в войне становится грозной и непреложной реальностью, время драматически уплотняется, сгущается, запускается счетчик дней, часов, минут. Несколько размытое представление Карнау о времени на поверхности земли сменяется в бункере его строгим членением на отрезки — континуальность оборачивается дискретностью. Индивидуальная судьба все больше втягивается в движение истории страны и народа. Ученый говорит уже не о себе, а о «пациенте» [1, с. 215 и др.] — Гитлере, становясь хроникером последних дней вождя и его приближенных, в том числе членов семьи Геббельсов. Если в период относительно мирного существования время повествования (*die Erzählzeit*), как правило, превосходит по своей протяженности время рассказываемой истории (*die erzählte Zeit*), то по мере приближения к развязке соотношение меняется на противоположное. Возникает ощущение нарастающего напряжения, мерный ритм эпохи, находящийся прежде под полным контролем нацистов, сбивается, становится неровным, слышится судорожное дыхание и тревожное биение сердец немцев, охваченных паникой перед лицом стремительно надвигающейся расплаты.

Наряду с индивидуально-психологическим и историческим аспектами образа времени, не менее важна его символическая семантика. Лейтмотивным в произведении становится концептуально значимое для понимания личности Карнау и его судьбы противопоставление дня и ночи. Образ маньяка-лжеученого ассоциируется с тенью, мраком, ночью. Большинство эпизодов, где появляется герой, связаны с любимым им темным временем суток. Не случаен и постоянно всплывающий в произведении лейтмотивный образ летучих собак, которые очаровывают мальчика Германа своей принадлежностью далекому от обыденной суеты экзотическому миру: «...на картинке — африканский пейзаж: обглоданное дерево чернеет на фоне пылающего заката, а на дереве — гроздь черных летучих собак, висящих вниз головой. Несколько зверьков кружат в воздухе; ведомые ароматом цветущих ночью растений, они готовы направиться к своему лакомому дереву. Ночные животные. Ночь. Увертюра мира, в котором нет места боевому кличу и физическим упражнениям: явись сюда, темная ночь, укрой меня своей сенью» [1, с. 18–19]. В образе Карнау, в значительной степени типичном для фашиста, парадоксально уживаются фанатик, хладнокровный садист и поэт, эстет. Лирическая струя, неожиданно проникающая в его довольно бесстрастный и фактографически-сухой рассказ, актуализирует немецкий романтический дискурс, посвященный ночи как особому культурному и духовному феномену. К ночной тематике обращены «Гимны к ночи» Новалиса, «Ночные этюды» Э. Т. А. Гофмана, «Флорентийские ночи» Г. Гейне, «Ночная песнь» Ф. Геббеля, «Ночные пьесы» Р. Шумана, «Ночная песнь странника» И. В. Гете, аллюзивная отсылка к которой дается в «Летучих собаках».

В.В. Ванслов отмечает амбивалентность образа ночи в немецком романтизме: с одной стороны, он «символизирует мрачный характер бытия», служит выражением «темного колорита мира», созвучен «безысходным, пессимистическим переживаниям»; с другой стороны, «является укрытием от не-

приглядной жизни дня», «вуалирует противоречия мира, вносит в него недостающую гармонию» [4, с. 93]. Г.-Д. Гелферт акцентирует в трактовке ночи психоаналитический аспект: в любви немцев к темному времени суток обнаруживается подспудная тяга к защищенности, стремление вернуться в надежное укрытие, идеальным воплощением которого служит материнское чрево [5, S. 29], ассоциирующееся в свою очередь с земными недрами и вечным покоем небытия. С гелфертским видением ночи в немецкой национальной модели мира смыкается интерпретация характера Карнау, предлагаемая И. С. Рогановой: главный герой «воспринимает созданный им ночной мир как убежище, подобное тому, в каком он находился до рождения, приют, дающий ощущение надежности» [6, с. 123].

«Романтизация» фигуры Карнау — «знатока тени» [1, с. 124], непонятого гения, «высокомерного интеллектуала», тяготящегося человеческим обществом, чувствующего себя комфортно только в одиночестве, служит средством ниспровержения стереотипов национального сознания, одним из которых является образ выдающейся личности, будь то фюрер, ученый или художник. Слова Томаса Манна: «Где высокомерие интеллекта сочетается с душевной косностью и несвободой, там появляется черт» [7, с. 308], — вполне применимы к личности героя Байера. Символическим атрибутом темной стороны его души, необузданной жестокости, звериных инстинктов становятся хозяева ночи — летучие собаки. После того, как занавес темноты опускается на землю, Карнау, уподобляясь любимым зверькам, препарирует черепа животных и многократно прослушивает записанные на пластинку «крики, рыдания, стоны» [1, с. 65]. Мрачные локусы скотобойни, операционной, фронта, госпиталя, концлагеря, с которыми тесно связан герой, отмечены знаками боли, страданий и смерти. Неопрятное, лишенное домашнего уюта и женской заботы жилье «господина» Карнау Хельга называет «дырой» [1, с. 46], вполне соответствующей мизантропическому, отшельническому образу жизни учёного.

Дневное бытие акустика ничем не отличает его от соседей-обывателей: он гуляет с детьми, стоит в очереди в магазине электротоваров, едет в трамвае до дома и т. п. Сохранять видимость приличного бюргерского поведения Карнау удается благодаря его эскапистской практике погружения в автономное пространство, где он предается своим мизантропическим фантазиям: только за один день герой трижды испытывает порыв совершить убийство.

Не случайно образы летучих собак, с которыми псевдоученый связывает идею использования ультразвука, являются неотъемлемым элементом морального пространства: в мифопоэтических представлениях эти враждебные дневному свету животные относятся к разряду хтонических существ, тесно связанных с потусторонней сферой. Однако в своей реальной земной ипостаси летучие собаки страдают и гибнут, разделяя участь людей. Бункер Гитлера, в котором проводят свои последние дни герои, становится аналогом подвала, где содержат летучих собак, завезенных когда-то в Германию с Мадагаскара. Испытывающее боль тело животного или человека — еще один значимый романтический топос, коррелирующий с телом-топосом изуродованной войной земли, которую Карнау наблюдает во время посещения фронта.

Перебивка повествовательных планов позволяет воплотить принцип антитетичного единства в представлении пространства и времени. Третья глава заканчивается кощунственным возгласом восторга Карнау, упивающегося процессом записи голосов умирающих солдат: «Какая панорама!» [1, с. 119]. Четвертая глава открывается точно такими же словами, но уже вложенными в уста Хельги, любящейся горным ландшафтом. Прием подхвата не только создает резкий контраст между кошмарами фронтовой реальности и радостями тыловой жизни, но и упраздняет хронотопические границы, создавая ощущение всеохватности надвигающейся национальной катастрофы.

В преддверии краха Германии глубоко фальшивым выглядит растиражированный открыто-китчевый образ любимого родного края, который мать Хельги пытается в очередной раз воспроизвести на групповом детском фото, сделанном на фоне альпийского пейзажа. Девальвации в романе подлежат и такие традиционно немецкие ценности, как дом и семья. Хельга отмечает полумрак и холод, царящие в детской, жалуется на частое отсутствие дома одного или обоих родителей, подозревает их в обоюдных изменах и постоянной лжи.

Видимость и сущность приходят в постоянное столкновение в произведении, лишая значимые нацистские хронотопы таких характеристик, как незыблемость и вечность. Одно из знаковых в Третьем рейхе монументальных сооружений — стадион — ритуализованно-мифологизированный локус, призванный воплощать идею здоровья и могущества нации, приобретает в описании Карнау сюрреалистические черты. Атрибуты имперского величия: гигантская свастика, композиция из дубо-

вых листьев, ораторская трибуна, темное небо, освещенное прожекторами, — кажутся нарезкой кадров из фильмов Лени Рифеншталь. Однако промозглый дождь, озноб и холод, жалкие продрогшие фигуры мальчиков из гитлерюгенда и издевающийся над ними шарфюрер, инвалиды с ампутированными конечностями, слепые ветераны, от чьих приветствий «жуть берет» [1, с. 11], и глухонемые с их таинственным языком жестов создают причудливо-абсурдистскую картину пространства стадиона, не вяжущуюся с германской мегаломанией.

Дополнительные критические штрихи к типичному образу массового собрания на гигантском стадионе — основном месте общения представителей власти и народа — вносит эпизод посещения Хельгой пропагандистского выступления ее отца Йозефа Геббельса. Сквозь призму незамутненного детского взгляда концентрированно-укрупненно, почти гротескно представлен неутомимый оратор и внимающая ему толпа, невообразимо шумящая и беспрестанно ревушая «зиг хайль» [1, с. 165, 170], потеющая и задыхающаяся.

Поражению Германии сопутствует смена хронотопов: чистота в доме Геббельсов превращается в бункерную грязь и вонь, ослепительный солнечный свет загородных прогулок — в электрический свет или кромешную тьму подвала, стремительная скорость поездки на спортивном автомобиле — в вынужденное отсутствие движения, открытость и простор внешнего мира — в замкнутость и узость казенных помещений, архитектурный монументализм — в руины, высоко ценимый немцами порядок — в хаос и неразбериху, вечность, разомкнутая в будущее, оборачивается иссякающим настоящим. Бункер Гитлера, который служит убежищем для сливок нацистского общества в конце войны, предстает жалким подобием утраченного героями настоящего дома. Пространственной метафорой всеобщего упадка, в орбиту которого вовлекаются и дети, становится локус лестницы, по которой Хельга спускается на нижний этаж в поисках свободного туалета, где она обнаруживает скабрезные рисунки, сделанные последними «защитниками» нацистской системы. Моральная нечистота, утрата гуманистического измерения человеческого существования материализуются в образах грязного подвального прозябания, приравнивающего людей к подземным животным.

Выход из бункера на поверхность сопровождается вспышкой ослепительного солнечного света — метафорического аналога света жестокой разоблачительной правды о низвержении недавнего кумира и бесславном конце преступной нацистской авантюры.

Остановить ускользающие мгновения близящейся к финалу эпохи призваны технические средства, благодаря которым информация освобождается от привязки к месту и времени, становится достоянием вечности. Однако автор не склонен преувеличивать роль медиа в сохранении прошлого. Голос, будучи неуловимой и эфемерной субстанцией, поражает Карнау способностью к мимикрии на звукозаписывающих устройствах. С трудом опознаваемый своим владельцем голос на пластинке или магнитофонной пленке становится метафорой проблематичности личностной самоидентификации, выгодной герою, который упорно отказывается брать на себя ответственность за совершенные преступления. Так, голос в романе становится важным топосом памяти, обнаруживающим, однако, свою несамодостаточность и ненадежность. Пространство памяти, зафиксированной техническими средствами, отличают замкнутость и оторванность от реальной жизни, наполненность мортальными смыслами, превращающими его в подобие акустического кладбища. Не случайно Карнау испытывает маниакальную тягу к посещению «места преступления», некогда совершенного им в отношении шестерых детей, — к прослушиванию записей последних минут их жизни. Предпринимаемое главным героем расследование оборачивается запутанным и безрезультатным процессом поиска (в действительности сокрытия) правды, создающим новое темпоральное измерение в тексте [8], за пределами основной истории.

Символично наличие подземного перехода, ведущего из дрезденского дома престарелых, где найден аудиоархив, в Немецкий музей гигиены, существовавший еще при Гитлере. Жильцы дома престарелых, судя по отдельным намекам, продолжают оставаться заложниками непреодоленного прошлого, пополняя ряды жертв псевдонаучных экспериментов Карнау. Прошлое не умирает, но обнаруживает свое прямое продолжение в настоящем. Подземная часть дома престарелых, скрытая от глаз ныне живущих, в конце концов оказывается необъятным лабиринтом зла: «...к подвальному комплексу примыкает гораздо больше помещений, о чем во время своего первого признания <...> Карнау умолчал» [1, с. 228].

Прошлое предстает в романе Марселя Байера необоримым и невыразимым, не поддающимся учету, архивированию и анализу. Попытка Карнау зафиксировать звуковые образы на акустической карте терпит крах: ведь карта, говоря словами Альфреда Коржибски, не есть территория [9, р. 58]. Опосредующие технические инстанции приводят лишь к искажению и сокрытию истинного образа

истории, индивидуальной и всеобщей. Поэтому в финальных строках романа «воцаряется полная тишина, хотя игла по-прежнему бежит по звуковой дорожке» [1, с. 303]. Восприятие истории в духе постмодернизма «как незавершенного текста» [10, с. 15] обуславливает открытый финал «Летучих собак», звучащий неразгаданным эхом в бездонном времени-пространстве Третьего рейха.

Библиографический список

1. Байер М. Летучие собаки. Пер. с нем. А. Кацура. СПб. : Амфора, 2004. 303 с.
2. Березина О. А. Личное пространство и перцептуальное пространство как структурообразующие факторы // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXV. Актуальные вопросы языка и текста в современных филологических исследованиях. Сб. научных трудов. СПб. : Политехника-сервис, 2016. С. 13–21.
3. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
4. Ванслов В. В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966. 403 с.
5. Gelfert H.-D. Was ist deutsch? Wie die Deutschen werden, was sie sind. München: Verlag C.H. Beck, 2005. 216 S.
6. Роганова И. С. Немецкая литература конца XX века и актуализация постмодернистской парадигмы. М.: Рудомино, 2007. 416 с.
7. Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. / под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова. Т. 10: Статьи. 1929–1955. М.: Гослитиздат, 1961. 696 с.
8. Данненберг Х. Онтологическая сюжетность: нарратив как множественность темпоральных измерений / Х. Данненберг // Электронный журнал Narratorium. 2017. №1 (10). URL: <https://narratorium.ru/2018/04/06/хилари-п-данненберг/> (Дата обращения: 30.04.2023).
9. Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. (Preface by Robert P. Pula.) Institute of General Semantics, 1994. Hardcover, 5th edition. 1995. 825 p.
10. Ашеулова И. В. Постмодернистский «псевдоисторический» роман: стратегии жанрового развития // Дергачевские чтения — 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 5–7 октября 2006 г. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та; Союз писателей, 2007. Т. 2. С. 15–24.

References

1. Beyer M. Flying dogs. Trans. from German A. Katsura. St. Petersburg : Amphora, 2004. 303 p.
2. Berezina O. A. Personal space and perceptual space as structure-forming factors // STUDIA LINGUISTICA. Issue XXV. Topical issues of language and text in modern philological research. Collection of scientific papers. St. Petersburg : Polytechnic-service, 2016. PP. 13–21.
3. Schmid W. Narratology. M.: Languages of Slavic culture, 2003. 312 p.
4. Vanslov V. V. Aesthetics of Romanticism. Moscow: Iskustvo, 1966. 403 p.
5. Gelfert H.-D. Was ist deutsch? Wie die Deutschen werden, was sie sind. München: Verlag C.H. Beck, 2005. 216 S.
6. Roganova I. S. German literature of the late twentieth century and the actualization of the postmodern paradigm. M.: Rudomino, 2007. 416 p.
7. Mann T. Collected works: in 10 volumes / edited by N. N. Wilmont and B. L. Suchkov. T. 10: Articles. 1929–1955. Moscow: Goslitizdat, 1961. 696 p.
8. Dannenberg H. Ontological plotting: narrative as a multiplicity of temporal dimensions / H. Dannenberg // Electronic journal Narratorium. 2017. No. 1 (10). URL: <https://narratorium.ru/2018/04/06/хилари-п-данненберг/> (Accessed: 30.04.2023).
9. Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. (Preface by Robert P. Pula.) Institute of General Semantics, 1994. Hardcover, 5th edition. 1995. 825 p.
10. Ascheulova I. V. Postmodern "pseudo-historical" novel: strategies of genre development // Dergachev readings — 2006. Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities: Proceedings of the International Scientific Conference, Yekaterinburg, October 5-7, 2006 Yekaterinburg : Publishing House of the Ural University; Union of Writers, 2007. Vol. 2. PP. 15-24.

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1-2Галин
DOI 10.36622/AQMPJ.2023.12.88.008

*УО «Гомельский государственный медицинский университет»
заведующий кафедрой русского языка как иностранного
кандидат филологических наук, доцент
Петрачкова И.М.,
Республика Беларусь, г. Гомель,
тел. +37529 538 09 20*

*EI "Gomel State Medical University"
Head of the Department of Russian as a Foreign Language
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Petrachkova I.M.,
Republic of Belarus, Gomel,
tel. +37529 538 09 20*

И.М. Петрачкова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ГАЛИНА

В статье исследуются имена собственные в таких драматургических произведениях А.М. Галина, как «Ретро», «Акомпаниатор», «Восточная трибуна». Здесь рассматриваются ономапоэтические средства, представленные фикциональными и прецедентными антропонимами, номинирующими действующих лиц пьес, их количественное соотношение; анализируется структурная форма проприальных единиц и типы вариантов личных имен. Раскрывается роль авторской рефлексии, а также аппеллятивно-онимного взаимодействия, интерпретируются металогически мотивированные антропонимы с косвенной или скрытой характеристикой действующих лиц пьес. Устанавливается прагматический аспект функционирования фрагментарных прецедентных имен, которые характеризуют личностные свойства и качества персонажей, их образ жизни, поведение и отражают субъективные представления писателя о системе культурных, исторических ценностей изображаемой современной ему эпохи. Прослеживаются основные ономапоэтические тенденции номинации героев пьес, присущие идиостиллю драматурга А.М. Галина. Данные изыскания будут весьма актуальны и полезны как в плане выявления общих закономерностей ономастики русской драматургии второй половины XX века, так и для установления индивидуально-авторской манеры в выборе и использовании имён собственных, их обусловленности контекстом и стилистикой «новой драмы». Материалы статьи могут применяться в преподавании университетских курсов лексикологии, лингвистического анализа художественного текста, стилистики, современной русской литературы, а также спецкурсов и спецсеминаров по вопросам ономастики. Результаты исследования будут интересны преподавателям и учителям русской словесности, внедряющим в учебный процесс современные достижения филологических наук, с целью формирования у обучаемых устойчивого интереса к русскому языку и культуре, развития у них творческих способностей.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, ономапоэтические средства, поэтоним, авторская рефлексия, драма, фикциональное имя, прецедентное имя.

I.M. Petrachkova

MAIN TRENDS IN THE NOMINATION OF CHARACTERS IN THE DRAMA SPACE OF ALEXANDER MIKHAILOVICH GALIN

The article examines proper names in such dramatic works by A.M. Galina as "Retro", "Accompanist", "Eastern Tribune". Here we consider onomapoetic means, represented by fictional and precedent anthroponyms, nominating characters of the plays, their quantitative ratio, the structural form of proprietary units and types of variants of personal names. The role of the author's reflection, as well as appellative-onymic interaction, is revealed, metalogically motivated anthroponyms with indirect or hidden characteristics of the characters in the plays are interpreted. The pragmatic aspect of the functioning of fragmentary precedent names is established, which characterize the personal properties and qualities of characters, their way of life and behavior; and reflect the writer's subjective ideas about the system of cultural, historical values of the era depicted by him. The main onomapoetic tendencies of the nomination of the heroes of the plays, inherent in the idiosyncrasy of the playwright A.M. Galin. These studies will be very relevant and useful both in terms of identifying the general patterns of the onomasticon of Russian dramaturgy of the second half of the XX century, and for establishing the individual-author's manner in choosing and using proper names, their conditionality due to

the context and style of the "new drama". The materials of the article can be used in teaching university courses in lexicology, linguistic analysis of literary text, stylistics, modern Russian literature, as well as special courses and special seminars on onomastics. The results of the study will be of interest to teachers and teachers of Russian literature, introducing the modern achievements of philological sciences into the educational process, with the aim of forming students' sustained interest in the Russian language and culture, developing their creative abilities.

Keywords: proper name, anthroponym, onomapoetic means, poetonym, author's reflection, drama, fictional name, precedent name.

Имена собственные (далее ИС) – это особая группа лексем, которые имеют не только специфические черты, но и обладают целым рядом общих признаков, характерных для разных регионов, народов, языков и т.п. В классическом «Словаре русской ономастической терминологии» (1978) Н.В. Подольская под такими общими признаками понимает ономастические универсалии – «ономастические явления, свойственные многим языкам, свидетельствующие об известной общности человеческого мышления в области номинации» [1, с. 100]. В данной словарной статье речь идет лишь об ономастических закономерностях, характеризующих ИС, принадлежащие реальному проприальному пространству. В исследованиях по ономастике вопросу существования ономастических универсалий было посвящено сравнительно небольшое число работ таких ученых, как А.В. Суперанская [2 – 5], А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А. Н. Деревяго [6, с. 55 – 56], С.А. Асланян, З.П. Комолова [7] и некоторых других. В целом проблема существования универсальных закономерностей в вопросах возникновения и функционирования ИС как реального ономастикона, так и установления основных общих тенденций при выборе и использовании номинаций в произведениях литературы отдельного автора либо определенного художественного направления или жанра по-прежнему остается малоизученной. В этой связи наша работа призвана в определенной степени компенсировать этот пробел. Данная статья касается изучения проблем литературной ономастики, а именно, направлена на выявление основных тенденций номинации персонажей, присущих художественным текстам (ХТ) известного русского драматурга «новой волны» А. Галина. Ранее нами уже проводились исследования, связанные с установлением общих закономерностей в ономапоэтическом пространстве пьес таких драматургов, как Д. Липскерова [8], Е. Греминой [9], Л. Разумовской [10] и др.

Материалом изыскания для нашей работы послужили ХТ драматургических произведений А. Галина «Ретро» (1979), «Акомпаниатор» (1998), «Восточная трибуна» (1981) в фокусе их ономапоэтического прочтения. Нами выявлено более 90 антропонимов в первичной номинации без учета различных фонетико-орфографических и деривационных вариантов их употребления. Объектом изучения стали антропонимы, взятые методом сплошной выборки, из вышеуказанных драм. Предмет исследования статьи – прагматические возможности проприальных единиц, функционирующих в ХТ. Цель работы – установление и формулировка основных ономапоэтических тенденций (универсалий) номинации персонажей, характерных для пьес А. Галина последней четверти XX века. Статья отражает результаты применения прагматического, этимологического, дескриптивного и текстологического аспектов анализа ИС, а также метода количественных подсчетов.

Изучением ИС, употребляющихся в ХТ, занимается литературная ономастика. Эта междисциплинарная дисциплина всегда была, есть и будет интересна, востребована и актуальна прежде всего благодаря своей прикладной направленности, поскольку регулярное появление новых ХТ, стилей и направлений в литературе мотивирует проведение детального анализа языка произведения, в том числе, и интерпретации ИС. В драматургии в отличие от прозы фактически отсутствует текст повествователя, есть только текст персонажей (их реплики) и незначительные авторские ремарки. Именно поэтому роль имени в создании театрального образа повышается, поскольку поэтоним призван сосредоточить в себе огромный характеристический, семантико-эстетический, историко-культурный, стилистический и эмоциональный потенциал. Исходя из прагматических возможностей ИС в ХТ [об этом: 9, с. 128], определим основные тенденции номинации персонажей, характерные для драматургического пространства А. Галина.

1. Превалирование в ХТ среди антропонимов *индивидуально-авторских (фикциональных) имен* (ФИ) [подробнее об этом типе имен: 8, с. 68], которые составляют 74 % в первичной номинации, не считая их варианты, а также использование *аллюзивных (прецедентных) имен* (ПИ) – 26 %.

2. Выбор драматургом ФИ (в том числе прозвищ) из реального антропонимикона, обладающих *метафизически значимым косвенным или скрытым* (ИС имеет латентную затемненную иноязычную или диалектную основу) подтекстом [8, с. 69]. Отсутствие *автологически* мотивированных онимов с

прямой характеристикой персонажей драм. Причем избранные писателем ИС связаны с раскрытием внутренних свойств и качеств героев пьес, их характеров и поведения. Так, фамилия главного действующего лица в пьесе «Ретро» вдовца Николая Михайловича – **Чмутин**. В художественном контексте (ХК) данный поэтоним может ассоциироваться с целым рядом *пойем* (сем имени), связанных непосредственно с этимологией производных слов. После смерти жены Николай Михайлович утратил всякий интерес к жизни, затосковал. Дочь и зять привезли старика в Москву. И вот уже три месяца он проживает в их квартире, где уныло проводит свои будни, страдая от одиночества и от того, что судьба, по мнению героя, сложилась совершенно не так, как ему хотелось бы. **Чмутин** (ср. устаревшее прилагательное **чмутный** – стар. «смутный или смущающийся, мутящий, беспокойный» [11, с. 591]) всегда мечтал о сыне, а родилась дочь, которая так и не подарила ему внуков, а тут еще умерла жена, оставив Николая Михайловича совершенно одного. Все это порождает смятение, депрессию, волнение и смуту в душе персонажа драмы. Больше всего **Чмутина** тревожит отсутствие продолжения рода – внуков – и возмущает образ жизни его самых близких – дочери и зятя, которые из квартиры сделали музей, наполнив ее антиквариатом, а сами заинтересованы только в материальном благополучии. «Место есть, а детей нет. **Чмутины** на мне кончились» [12, с. 7], – негодует Николай Михайлович. Из-за старика в семье часто возникают ссоры (ср. в диалектных пермских и сибирских говорах глагол **чмутить** означал «сплетничать, мутить, ссорить людей» [13, с. 370]). Из ХК узнаем, что **Чмутин** обижается на дочь Людмилу, неделю не разговаривает с зятем Леонидом. И вот уже сами супруги конфликтуют между собой из-за вдовца. Тогда Леонид предлагает женить его. Предприимчивый антиквар устраивает Николаю Михайловичу свидания сразу с тремя женщинами, назначая им разное время. Однако все пошло не по плану Леонида, и все три «невесты» пришли к ним в гости одновременно. Старик **Чмутин** («чмуты ж. мн.ч. – «смуты, возмущения» [11, с. 591]) до глубины души возмущен и оскорблен поступком близких. Он устраивает семейную ссору, свидетелями которой становятся приглашенные Леонидом «невесты»: «Когда до меня дошло, зачем он вас собрал, – то так обидно стало. На старости лет, думаю, Николай Михайлович, делают из тебя насмешку» [12, с. 31]. На другой день после произошедшего конфликта женщины хотят предложить свою помощь **Чмутину**. И Николай Михайлович, немного успокоившись, при личном общении очарован каждой из «невест», предлагая всем трем поехать с ним в деревню: «Женщины, поехали со мной! В деревню! <...> ... В лесу ягоды, грибы... кругом никого, вокруг тишина. Посадим картошку» [12, с. 31]. Так, невольно **Чмутин** (от **чмутить** – в зап. говорах «морочить, пускать пыль, надувать», **чмут** – «надуватель, шарлатан» [11, с. 591]; в словаре М. Фасмера зафиксированы похожие значения **чмут** – «мошенник, шарлатан», др.-русс. **чмутъ** – «обманищик» [13, с. 370]), превращается в авантюриста, становится таким донжуаном-мошенником, которому весьма льстит внимание столь интеллигентных особ. И вот уже одна из «невест» упрекает героя в неискренности: «Я поняла в очередной раз... что такое мужчины... <...> Вывести вас на улицу, вы всем будете это предлагать» [12, с. 32]. Очевидно, что избранная драматургом фамилия **Чмутин** многозначна и в сочетании с ХК пьесы разнопланово раскрывает образ героя, проявляя контекстные смыслы. Так, с одной стороны, перед нами смурной, обидчивый, беспокойный старик, из-за которого возникают ссоры и конфликты, обиды и недопонимания, а с другой – самый обычный одинокий пожилой человек, нуждающийся в любви, внимании и заботе, который готов к приключениям, способен делиться с окружающими своими добротой и теплом.

Фамилия **Коняев** в ХК драмы «Восточная трибуна» активно транслирует свою иноязычную семантику, являясь *скрытоговорящей* (латентной) номинацией [8, с. 69]. Оним восходит к производной форме имени **Коняй** [14, с. 97 – 98], которое является одним из вариантов канонического мужского личного имени **Конон**, англ. **Conan** – «возможно из гаэльск. *cono* высокий, возвышенный» [15, с. 135]. **Вадим Коняев** из небольшого провинциального городка осуществил свою мечту: уехал в Москву, закончил консерваторию и стал музыкантом. В юности у него было благородное возвышенное желание написать музыку о своей малой родине, своих друзьях и улице, где прошло их детство: «СЕМЕНИХИНА. ... Ты обещал, <...> что ты мечтаешь написать музыку, ты обещал написать о нашей улице. КОНЯЕВ (усмехнулся). Неужели я так высокопарно говорил?» [16, с. 34]. Высокой красивой мечте героя так и не суждено было сбыться, поскольку занятие музыкой не принесло Вадиму материальной независимости и свободы. **Коняев** вынужден постоянно искать дополнительный заработок, который ему отнюдь не по душе. Вместе с шурином он перепродает привезенные из-за границы родителями жены модные вещи, отчаянно стесняясь признаться в этом даже своим бывшим одноклассникам. **Коняев** до последнего старается «сохранить лицо» и, всячески демонстрируя свою непричастность к торговле, решительно отказывается забирать вырученные деньги: «МАДЛЕН. ...Я все прода-

ла... <...> **КОНЯЕВ**. Зачем? Разве я тебя об этом просил? <...> **МАДЛЕН**. ... (Достает деньги.) Тут ужасно много. **КОНЯЕВ**. Отдай их моему родственнику» [16, с. 37]. Герою очень неудобно, что правда о крушении его высоких идеалов постепенно раскрывается бывшим друзьям, которые верили в его талант и незаурядность. Личное имя **Вадим** – «рус., возможно, из др.-рус. *вадити* – сеять смуту» [15, с. 56] также значимо. Встреча **Вадьки Коняева** с пятью женщинами, их воспоминания, сожаления о несбывшихся мечтах и неоправданных надеждах порождают бурю эмоций, волнений и даже ссор, словно персонаж одним своим появлением вносит смуту, смятение и беспокойство, нарушает обычный уклад провинциального городка, где все уже, казалось бы, смирились со своей судьбой. И поэтому, когда герои прощаются, Мадлен нетерпеливо восклицает: «Все! Уезжай скорее. Всем будет легче» [16, с. 38].

Бывшую одноклассницу, в которую был влюблен Вадим, **Милу** (ср. *Мила* – «в болг. *милая*» [14, с. 316], т.е. *возлюбленная* [17, с. 270], любимая) в ХК драмы герои чаще всего называют исключительно по фамилии **Клёнышева**. Даже сама героиня отмечает: «Давно меня *Милой* не называли» [16, с. 24]. И это отнюдь не случайно, поскольку оним не связан со словом **клён**, как это может показаться на первый взгляд. Латентная (скрытая) этимология номинации объясняется уменьшительной формой **Клёня** от старинного имени **Клеоник**, что в переводе с греческого означает «славный победитель» [14, с. 93]. Из драмы узнаем, что **Клёнышева** всегда стремилась к успеху и благополучию. Именно поэтому она отвергла любовь неперспективного музыканта-мечтателя Вадьки Коняева. Далее героиня одерживает одну победу за другой: Вадиму **Клёнышева** предпочла удачливого карьериста Валерия Бычкова, которого к тому же ей пришлось увести у бывшей одноклассницы Наташи Самохваловой. При встрече Людмила, словно оправдываясь, говорит Наташе: «Не много ты потеряла, а я ничего не нашла... У меня любви не было. И он ко мне быстро охладел...» [16, с. 32]. Тем не менее в глазах окружающих **Клёнышева** – настоящая победительница, успешная женщина, сделавшая в районе карьеру, у которой перспективный муж, все блага цивилизации (дом, дача, машина, пр.) и даже собственная домработница.

Фамилия шурина Вадима – **Потехин**, пожалуй, не является латентной, соотносится с апеллятивом **потеха** – «забава, развлечение, веселье (развлечение, забава, отдых)», «смешно, забавно» [18, с. 331]. Можно предположить, что такой номинацией автор наделяет человека с хорошим чувством юмора, который представлен в тексте пьесы балагуром и весельчаком, следовательно, оним также *металогически* значим и принадлежит к группе *косвенноговорящих* номинаций. Действительно, Олег **Потехин** старается развлечь и развеселить бывших одноклассников Вадима Коняева, сгладить с помощью юмора какие-либо возникающие неловкие ситуации. Он беспрерывно пытается шутить, рассказывать выдуманные им истории об известных людях провинциальным девушкам, которые безропотно доверяют небылицам заезжего москвича. Фразы **Потехина** легкие, двусмысленные, например: «Я осмотрелся, мне тут понравилось <...> Я заметил несколько девушек. Есть с кем выполнить свои обязанности по продолжению рода. Здесь очень хорошо, шурин. Очень... Ваше здоровье, женщины! Пейте, я еще подолью» [16, с. 33]. Одна из героинь Клёнышева отмечает, что Олег «бойкий юноша <...> Плохо кончит. Я знаю таких ребят» [16, с. 34]. На приглашение Мадлен остановиться у нее на ночлег **Потехин** снова шутит: «Там, по слухам, обитает муж. В Италии мужья пользуются огнестрельным оружием, а у вас с этим как?» [16, с. 37]. Шурина начинает раздражать Коняева, который и так переживает за то, что о его спекуляции вещами узнали бывшие одноклассники. «**КОНЯЕВ**. Что ты улыбаешься, как дурак? **ПОТЕХИН**. Если тебе не нравится, я могу и всплакнуть» [16, с. 36]. Таким образом, Олег **Потехин** выступает в роли этакго балагура и шута, разряжающего весьма непростую, а порой и напряженную обстановку между бывшими школьными друзьями. Однако, как видно из ХК, этот персонаж недостаточно искренен и отнюдь не бескорыстен, поскольку он шутит и балагурит не ради «потехи». На самом деле его заботят «быстрые» деньги, т.к. именно Олег подталкивает Коняева реализовать товар через давних знакомых, считая, что это наиболее лёгкий и безопасный способ получения прибыли.

Личное имя действующего лица из пьесы «Аккомпаниатор» достаточно необычно, поскольку его носитель – герой мужского пола. Антропоним **Изольт** является производным от женского имени **Изольтда**, имеет и скрытый подтекст. В «Современном словаре личных имен» А.В. Суперанской зафиксирован вариант этого имени **Изомта** [15, с. 292], а также производное от него мужское имя **Изом**, которое восходит к греческому *zōtikos* – «дающий жизнь, животворный» [19, с. 120]. Такая интерпретация иноязычной этимологии ИС вполне обусловлена и ХК. **Изольт**, который в семье

«был единственный сын» [20, с. 26], в определенный момент осознал, что жизнь слишком коротка и «может оборваться в любой момент» [20, с. 26], поэтому он увидел своё предназначение в том, чтобы «оставить как можно больше Кукиных» [20, с. 26], т.е. воспроизвести многочисленное потомство. Причем, героя совершенно не заботила дальнейшая судьба и благополучие собственных детей. Так, в ХТ проявляется конгенеративное значение номинации, т.е. совокупная поэтика ИС и ближайшего его окружения – минимального контекста.

3. Обязательное наличие в каждой из пьес писателя *авторской рефлексии* (порой весьма субъективной) относительно представленных в ХТ многих ФИ и ПИ. Напомним, что в драматургии отсутствует текст нарратора (повествователя). Это значительно затрудняет интродукцию и репрезентацию поэтонима героя в ХТ. Но в определенной степени их возможно осуществить благодаря репликам действующих лиц пьес. Так, в ХК «Акомпаниатора» драматург сразу же акцентирует внимание на редкой номинации **Изольд** (ср. с женским онимом **Изольда**). Пенсионерка Сверчкова представляет героя так: «Он (Гриша. – И.П.) еще к вдовцу одному ходит. **Изольд**. Имя... такое. Фамилию я не знаю» [20, с. 8]. Сам о себе герой сообщает, что в детстве он, действительно, походил на девочку, проводил много времени с мамой, «обладал феноменальной красоты голосом», был «столичный мальчик... с нежным лицом» [20, с. 26], носил каблуки и бант «вместо пионерского галстука» [20, с. 26]. Имя **Изольд** во многом повлияло на непростую судьбу героя: «Я боялся даже своего имени! Я жил в страхе! Я живу в страхе, и я умру в страхе! <...> Мамочка дала мне прекрасное имя **Изольд**... Отец был против. За что мальчику страдать? Я страдал! Меня били просто за моё красивое имя» [20, с. 22]. Более того необычное личное имя сюжетного персонажа драмы **Изольд** оказывает воздействие и на характер, манеру поведения, его претензии на особый статус, притязания на принадлежность к привилегированной части общества. Автор отмечает: «**Изольд**, высокий, худой, изысканно одетый старик в узкой обуви на высоких каблуках» [20, с. 14]. Сам герой бравитурит: «Располагаю апартаментами категории люкс в старинном московском доме... вокруг теперь живут, понимаете, современные буржуа... Отремонтировали подъезд, поставили охрану... Очень стало свежо. Я поэтому приветствую... все эти исторические изменения, эти бури и катаклизмы... поддерживаю демократию как могу...» [20, с. 16].

Весьма контрастное сочетание пафосного редкого имени **Изольд** с довольно простой стилистически сниженной в ХК фамилией **Кукин** также сопровождается определенным комментарием писателя посредством речевой характеристики персонажа: «**Кукин**, друзья называли **Кукиным сыном** (ср. идиому **сукин сын** – «груб. прост. употребляется в составе некоторых бранных выражений» [21, с. 14]. – И. П.)». Так, вероятнее всего, прозвали Изольда Тимофеевича за его безответственное отношение к женщинам и весьма свободный образ жизни, на что вновь указывает рефлексия писателя относительно фамилии **Кукин** через высказывания самого действующего лица: «Меня действительно любили женщины... Я брал их... знаете, чем? Я хотел оставить как можно больше **Кукиных**... маленьких, голосистых **Кукиных**... Везде, где я был, должен был появиться **Кукин**» [20, с. 26]. В этой связи поэтоним **Кукин** вызывает еще одну смысловую ассоциацию с апеллятивом **кукушка** – «лесная перелетная птица, обычно не выющая гнезда и кладущая яйца в чужие гнезда» [17, с. 147], которая в отличие от большинства птиц совершенно не заботится сама о потомстве. Так, ХК, порождающий целый спектр ассоциаций с ИС, характеризует персонажа, как человека праздного, несерьезного, инфантильного, что приводит Изольда Тимофеевича к закономерному результату: в старости он остается в полном одиночестве, несмотря на многочисленное количество детей и наследников.

Таким образом, по мере продвижения ИС в ХТ, когда читательское сознание «впитывает» образ и насыщает его различными, в том числе и личными, смыслами, происходит многостороннее раскрытие поэтонима. *Авторская рефлексия* кроме всего прочего выступает в качестве выразительного средства для реализации юмора, иронии, сарказма и создания комического эффекта в драме. Прозвище **Бычок** от фамилии **Бычков** внесюжетного героя из «Восточной трибуны» своеобразно обыгрывается А. Галиным в ХК. Клёнышева, считая свою младшую дочь весьма талантливой («У моей младшей слух есть. Уже на пианино играет одним пальцем... поет хорошо» [16, с. 26]), просит Коняева позаниматься с ней музыкой, аргументируя, что и сама она «в школьном хоре солисткой была» [16, с. 26]. Вадим отказывается от предложения Людмилы, иронично замечая: «С наследственностью у нее неважно <...> Я, Мила, в **Бычка** мало верю... Мычать твоя девочка будет, петь – едва ли...» [16, с. 26].

4. Использование большого числа (26%) *фрагментарных* (способствующих «моделированию смысла на отдельном отрезке текста» [22, с. 34]) ПИ с *коннотативным* и *денотативным* значением [9, с. 130]. Приведем примеры употребления некоторых ПИ. Описывая антикварное убранство квартиры, герой «Ретро»

Чмутин акцентирует внимание на историческую ценность предметов обстановки и замечает: «Одна кровать занимает половину комнаты. Зять говорил, **Григорий Распутин** на ней почивал» [12, с. 7]. Так, денотат ПИ определяет отнесенность антиквариата к XIX веку. Автор в ХК драм использует не только денотативное значение ПИ, требующее раскрытия определенных энциклопедических знаний о носителе ИС, но и коннотативные возможности ПИ, когда данные номинации требуют привлечения филологического контекста и выступают в качестве ономастических сравнений, ономастических метафор и ономастических метонимий. Доминируют у драматурга *ономастические метафоры*. Когда Изольд узнает, что его знакомый аккомпаниатор Григорий, которого он считал своим другом и помощником, ухаживает еще за двумя старухами, он осуждающе произносит: «Что же ты, друг мой, в такие годы, вместо того, чтобы девчонок, понимае ли ... втайне, так сказать, от жены ... ублажал каких-то кикимор. Это что у тебя, отклонение какое-то? <...> Тут **Зигмунд Фрейд** голову ломает!» [20, с. 19]. В данном ХК ПИ употребляется в значении «великий психиатр». Леонид из пьесы «Ретро», оправдывая небрежный вид старика Чмутина перед гостями, констатирует: «Папа у нас большой оригинал. Ходит по-русски, в носках, с бородой. **Лев Николаевич Толстой**» [12, с. 19]. Достаточно часто мастер слова употребляет *ономастические метонимии*, например, в драме «Аккомпаниатор»: «**ГРИГОРИЙ. Слушали Чайковского?**» [20, с. 9], имеются в виду произведения этого композитора; «**ИЗОЛЬД. ... У меня был прекрасный тенор в свое время. <...> Особенно Ленского люблю**» [20, с. 17], здесь речь идет об арии Ленского из оперы «Евгений Онегин». Реже использует А. Галин и *ономастические сравнения*. Леонид упрекает Чмутина за то, что тот на него обиделся и сидит «на кухне, как **Золушка**» [12, с. 12], проводя аналогию с героиней одноименной сказки.

5. Употребление в ХК всего спектра *вариантов личных имен* персонажей (*гипокористик* [1, с. 50, 70]: **Вадик**, жена **Валя**, **Шура**, её дочь **Анжела**, **Наташа** / **Натали**; **Мила** / **Людя**; **Паша Толик**, **Витя**, **Валера** – «Восточная трибуна»; **Гриша**, **Олеся** – «Аккомпаниатор»; *кваликативов* [1, с. 73]: *деминутивов* [1, с. 71]: **Шурочка**, **Верочка**, **Наташенька** – «Восточная трибуна» и *пейоративов* [1, с. 77]: **Вадька**, **Верка**, **Ленька**, **Витька**, **Валька** – «Восточная трибуна», которые тем не менее не несут особой негативной окраски, скорее, нейтральны, поскольку люди, знакомые с юности, часто могут использовать эти формы при дружеском общении). Драмы А. Галина имеют социально-бытовую тематическую направленность, поэтому действующие лица чаще всего традиционно называют друг друга по именам, используя всю палитру модификаторов поэтонимов для передачи оттенков эмоций и чувств героев, их взаимоотношений, а также избегания повторов в репликах персонажей.

6. Наличие *апеллятивно-онимного взаимодействия*, или так называемого «*апеллятивного конвоя*» [23, с. 106] и его значимость в поэтонимосфере драматургических произведений. Апеллятивные слова (квалификаторы) при ИС обладают особым экспрессивно-семантическим зарядом и позволяют писателю создавать образ персонажа несколькими штрихами. Квалификаторы могут быть *константными* (устойчивыми) или *казуальными* (нестабильными). *Константные* являются индикаторами профессии, рода деятельности персонажа, его пола, возраста, социального статуса, места жительства, определяют состояние родства либо устойчивые внутренние свойства героя, его внешние характеристики (**академик Павлов** – «Аккомпаниатор»; **электрик Василий Иванович, Махлаков из управления, княгиня Бярятинская, Серёжка однорукый, ассистентка Куваева** – «Ретро», **Пьетро из Палермо** – «Восточная трибуна»). *Казуальные* квалификаторы при ИС дают эмоциональную, экспрессивную оценку персонажу, могут выступать в качестве атрибутов почтения, преклонения или, напротив, уничижения, используются иногда как маркеры вежливости (**товарищ Кукин / господин Кукин, Раскольников с топором за пазухой** – «Аккомпаниатор»; **товарищ Махлаков, товарищ Хомяков, наш Ромео** – «Ретро», **легендарная Мадлен, местный Мичурин** – «Восточная трибуна»). Роль в ХК апеллятивно-онимного взаимодействия сложно переоценить. Так, на суд читателю представлен такой диалог: «**КОРАБЛЕВА. Очень рада, товарищ Кукин... ИЗОЛЬД. Если вас, сударыня, не затруднит... и в горле не застрянет, то, пожалуйста, смените обращение... Теперь вполне можно обратиться по-человечески – господин. Это, с позволения сказать, собака – товарищ и друг академика Павлова. А ко мне, пожалуйста, обращайтесь – сударь... господин... или если хотите – ваши сиятельство. <...> СВЕРЧКОВА. Садись, сиятельство... садись...**» [20, с. 14]. Апеллятивные слова при ИС обладают особым экспрессивно-семантическим зарядом, как правило, в ХК они соотносены с образом автора как выразителем главного идейно-эстетического смысла текста.

7. Употребление *однокомпонентных* и *двухкомпонентных* по структуре антропоэтонимов, отражающих сферу неофициальных, чаще бытовых отношений между героями пьес. В пьесах «Ретро» и «Аккомпаниатор» главные действующие лица – пожилые люди. В этой связи драматург использует соответствующую уважительную *двухкомпонентную* форму обращения героев друг к другу по модели «имя + отчество»:

Николай Михайлович, Нина Ивановна, Роза Александровна, Диана Владимировна, Василий Иванович, Надежда Васильевна, Виталий Давыдович, Александр Петрович, Анна Ивановна и др. – «Ретро»; **Жанна Владимировна, Светлана Васильевна, Изольд Тимофеевич, Софья Викторовна** – «Аккомпаниатор». Когда речь идет о персонажах среднего или молодого возраста, либо между собой общаются друзья, знакомые, родственники, бывшие одноклассники в неофициально-деловой обстановке, то, безусловно, в приоритете у А. Галина *однокомпонентные* по структуре онимы будь то личные имена, их варианты, прозвища либо фамилии: **Вадик; Олег, Шурочка / Шура, Анжела, Цурик / Шурик, Семенихина / Верка / Верочка / Вероника, Наташенька / Наташа / Самохвалова, Мадлен, Люда / Клёнышева / Мила, Паша, Витька, Валера / Бычок / Бычков, Пьетро, Дарья, Третьяков** – «Восточная трибуна». Такое целевое использование структурных типов номинации в ХК соответствует «правде жизни», отражает естественную, непринужденную обстановку коммуникации между героями, демонстрирует проявление степени их близости и эмпатии, эмоциональности и доверия.

Таким образом, в драматургическом пространстве пьес А. Галина большинство антропонимов, взятых из реального антропонимикона, являются многозначными ФИ (76%). Они *металогически* мотивированы и принадлежат к группам *скрытоговорящих* (**Чмутин, Клёнышева, Коняев, Изольд**) и *косвенноговорящих* номинаций (**Кукин, Бычков, Мила, Потехин**) или же разряду *фрагментарных* ПИ (24%), называющих *исторических* и *литературных* персон (**Григорий Распутин, Зигмунд Фрейд, Золушка, Ленский, Чайковский**) с *денотативным* или *коннотативным* значением. Все проприальные единицы используются драматургом для раскрытия внутренних свойств и качеств действующих лиц, их характеров и поведения. Значимую прагматическую роль в ХК играют *авторская рефлексия* поэтонимов, *апеллятивно-онимное взаимодействие*, которое позволяет художнику слова создать несколькими штрихами яркое представление о персонаже драмы с помощью *константных* и *казуальных* квалификаторов. *Одночленная* и *двухчленная* структура номинаций имеет определенное целевое предназначение – воссоздать необходимую коммуникативную ситуацию, *вариативность* ИС в репликах героев драм позволяет транслировать всю палитру эмоций, чувств и переживаний персонажей.

Библиографический список

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
2. Суперанская А.В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 346 – 356.
3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 3-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 368 с.
4. Суперанская А.В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978. С. 128–140.
5. Суперанская А.В. Имя – через века и страны; отв. ред. Э.М. Мурзаев. 2-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 192 с.
6. Мезенко А.М., Генкин В.М., Деревяго А.Н. Теория имени собственного: учебное пособие; под общ. ред. А.М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. 202 с.
7. Асланян С.А., Комолова З.П. Универсалии прагмонимов (на материале армянских, русских и английских торговых названий) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1975. №6. С.71 –76.
8. Петрачкова И.М. Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021. №1. С. 64–76.
9. Петрачкова И. М. Ономапоэтические универсалии в ностальгических драмах Елены Анатольевны Греминой // Вестник Полоцкого государственного университета. 2022. № 9 (65). С. 127 –135.
10. Петрачкова И.М. Ономастические универсалии при создании поэтонимов в пьесах Людмилы Николаевны Разумовской // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1(40). С. 54 –61.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4 (Р — Я). 672 с.
12. Галин А.М. Ретро. М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1979. 39 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 4 (Т – яшур). 864 с.
14. Федосюк Ю.А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М.: Детская литература 1972. 223 с.
15. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание. Москва: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
16. Галин А.М. Восточная трибуна. М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1981. 39 с.
17. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1986. Т. II (К – О). 736 с.

18. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1987. Т. III (П – Р). 752 с.
19. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен / Спец. науч. ред. О.Д. Митрофанова. 2-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 1980. 384 с.
20. Галин А.М. Аккомпаниатор. М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1998. 32 с.
21. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1988. Т. IV (С– Я). 800 с.
22. Васильева С.П., Ворошилова Е.В. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. 138 с.
23. Васильева Н.В. Ономастические матрицы в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. 2021. № 2 (15). С. 101–113.

References

1. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. M: Science, 1978. 200 p.
2. Superanskaya A.V. Onomastic universals // East Slavic onomastics. Moscow: Nauka, 1972. Pp. 346-356.
3. Superanskaya A.V. General theory of proper name. 3rd ed., rev. M.: Publishing house LKI, 2009. 368 p.
4. Superanskaya A.V. Appellative - onoma // Common noun and proper name. Moscow: Nauka, 1978, pp. 128–140.
5. Superanskaya A.V. Name - through centuries and countries; resp. ed. E.M. Murzaev. 2nd ed., rev. M.: Publishing house, 2007. 192 p.
6. Mezenko A.M., Genkin V.M., Derevyago A.N. Theory of proper name: study guide; under total ed. A.M. Mezenko. Vitebsk: VSU nam. after P.M. Masherova, 2022. 202 p.
7. Aslanyan S.A., Komolova Z.P. Universals of pragmonyms (based on Armenian, Russian and English trade names) // Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. 1975. No. 6. Pp.71–76.
8. Petrachkova I.M. The peculiarity of onymic means in the dramatic texts of the theater of the absurd by Dmitry Lipskerov // Journal of the Belarusian State University. Philology. 2021. №1. Pp. 64–76.
9. Petrachkova I. M. Onomapoetic universals in the nostalgic dramas of Elena Anatolyevna Gremina // Bulletin of the Polotsk State University. 2022. No. 9 (65). Pp. 127 –135.
10. Petrachkova I.M. Onomastic universals in the creation of poetonyms in the plays of Lyudmila Nikolaevna Razumovskaya // Topical issues of modern philology and journalism. 2021. No. 1(40). Pp. 54–61.
11. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes. M.: RIPOL classic, 2006. V. 4 (R - Ya). 672 p.
12. Galin A.M. Retro. Moscow: Drama Library of the FTM Agency, 1979. 39 p.
13. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes / Translation from German. and additional HE. Trubachev. 2nd ed., ster. M.: Progress, 1987. V. 4 (T - foot and mouth disease). 864 p.
14. Fedosyuk Yu.A. Russian surnames. Popular etymological dictionary. M.: Children's literature 1972. 223 p.
15. Superanskaya A.V. Modern dictionary of personal names. Comparison. Origin. Writing. Moscow: Iris-press, 2005. 384 p.
16. Galin A.M. East stand. M.: Drama Library of the FTM Agency, 1981. 39 p.
17. Dictionary of the Russian language: in 4 v. / Ed. A.P. Evgenieva; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Rus. lang. 3rd ed. stereotype. M.: Rus. Lang., 1986. V. II (K - O). 736 p.
18. Dictionary of the Russian language: in 4 v. / Ed. A.P. Evgenieva; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Rus. lang. 3rd ed. stereotype. M.: Rus. Lang., 1987. V. III (P - R). 752 p.
19. Petrovsky N.A. Dictionary of Russian personal names / Special, scientific. ed. O.D. Mitrofanov. 2nd ed., stereotype. M.: Rus. Lang., 1980. 384 p.
20. Galin A.M. Accompanist. Moscow: Drama Library of the FTM Agency, 1998. 32 p.
21. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / Ed. A.P. Evgenieva; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Rus. lang. 3rd ed. stereotype. M.: Russian language, 1988. V. IV (C-Y). 800 p.
22. Vasil'eva S.P., Voroshilova E.V. Literary onomastics: a textbook for students of philological specialties. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk state. ped. un-t nam. after V.P. Astafieva, 2009. 138 p.
23. Vasilyeva N.V. Onomastic matrices in E. Vodolazkin's novel "Justification of the Island" // Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages. Journal of scientific publications. Electronic scientific edition. 2021. No. 2 (15). Pp. 101–113.

УДК 82 - 312.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.80.72.009

*МБОУ СОШ №57 города Брянска,
Кандидат филологических наук,
учитель русского языка и литературы
Любарский Р.В.
Россия, г.Брянск,
тел. 89192910142
e-mail: ludmila12@rambler.ru*

*MBOU Secondary school No. 57 of Bryansk,
Candidate of Philology,
teacher of Russian language and literature
Lyubarsky R.V.
Russia, Bryansk,
tel. 89192910142
e-mail: ludmila1@rambler.ru*

Р.В. Любарский

КОНЦЕПЦИИ К. КАСТАНЕДЫ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ИЗОБРАЖЕНИЯ БОГА В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «TRANSHUMANISM INC.»

Творчество Карлоса Кастанеды оказало воздействие на многих русских и зарубежных писателей. Идеи Карлоса Кастанеды отразились в произведениях таких писателей и рок-поэтов, как Пауло Коэльо, Макс Фрай, Хелависа (группа «Мельница»), Егор Летов (группа «Гражданская оборона»), Андрей Лысиков (Дельфин), Борис Гребенщиков (группа «Аквариум») и др. Особенно заметно влияние философии Кастанеды на Виктора Пелевина. Предметом изучения в статье является специфика реализации концепций Карлоса Кастанеды в контексте изображения богов в постмодернистском романе Пелевина «Transhumanism Inc.». Цель данной статьи – выявить и проанализировать отражение концепций Карлоса Кастанеды «сталкинг сталкеров», «сновидческой действительности», функций бога Орла как способа конструирования образов богов в произведении Виктора Пелевина. В статье исследована «сновидческая действительность», «сталкинг сталкеров» Кастанеды как художественная модель изображения функциональной особенности бога Розенкранца. Рассмотрена концепция Кастанеды «дарования-отбора осознания» богом Орлом как способ воплощения божественной сущности Атона Гольденштерна в произведении Пелевина. Проанализирована концепция «сталкинг сталкеров» в творчестве Пелевина как изображение мнимого мира и его аспектов для сокрытия элементов подлинного мира и вызова эмоций. Сделан вывод о наличии в творчестве Пелевина данных концепций как компонентов художественной модели богов в «Transhumanism Inc.». Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, могут быть использованы в разработке курсов по истории русской литературы конца XX – начала XXI веков, а также спецсеминаров и спецкурсов по творчеству Виктора Пелевина и русскому постмодернизму.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, Карлос Кастанеда, «Transhumanism Inc.», «сталкинг сталкеров», бог Орел, «дарование-отбор осознания», сновидческий мир

R.V. Lyubarsky

THE CONCEPTS OF C. CASTANEDA AS A FUNDAMENTAL ELEMENT OF THE IMAGE OF GOD IN THE NOVEL BY V. PELEVIN "TRANSHUMANISM INC."

Carlos Castaneda's work has influenced many Russian and foreign writers. The ideas of Carlos Castaneda were reflected in the works of such writers and rock poets as Paulo Coelho, Max Fry, Helavisa (group "Mill"), Egor Letov (group "Civil Defense"), Andrey Lysikov (Dolphin), Boris Grebenshchikov (group "Aquarium"), etc. The influence of Castaneda's philosophy on Victor Pelevin is especially noticeable. The subject of the study in the article is the specifics of the implementation of Carlos Castaneda's concepts in the context of the depiction of gods in Pelevin's postmodern novel "Transhumanism Inc.". The purpose of this article is to identify and analyze the reflection of Carlos Castaneda's concepts of "stalking stalkers", "dream reality", the functions of the Eagle god as a way of constructing images of gods in the work of Victor Pelevin. The article examines the "dream reality", "stalking stalkers" Castaneda as an artistic model of the image of the functional features of the god Rosencrantz. The article considers Castaneda's concept of "gift-selection of awareness" by the god Eagle as a way of embodying the divine essence of Aton Goldenstern in Pelevin's work. The concept of "stalking stalkers" in Pelevin's work is analyzed as an image of the imaginary world and its aspects for hiding elements of the real world and evoking emotions. The conclusion is made about the presence of these concepts in Pelevin's work as components of the artistic model of the gods in "Transhumanism Inc.". Russian Russian

literature The results of the research carried out in this article can be used in the development of courses on the history of Russian literature of the late XX – early XXI centuries, as well as special seminars and special courses on the works of Viktor Pelevin and Russian postmodernism.

Keywords: Victor Pelevin, Carlos Castaneda, "Transhumanism Inc.", "stalking of stalkers", God Eagle, "talent-selection of awareness", dream world

Одним из важнейших центральных компонентов постмодернистского пространства произведений Виктора Пелевина является бог/божество. Бог, как правило, располагается на вершине иронично выстроенной пелевинской системы мироздания и обладает определенными функциональными особенностями. В частности, он способен создавать отдельные реальности, путешествовать в них, а также управлять сознанием и жизнедеятельностью людей. К примеру, в контексте романа «Т» Лев Толстой, обладая функцией создавать сновидческую реальность, осознает себя «Абсолютом» – подлинным богом. Однако, чтобы прийти к соответствующему выводу, главный герой понимает, «что нужно победить сначала себя самого, себя старого и из пепла создать себя, как нового Бога, нужно убить в себе церковного ещё сомневающегося Толстого и стать полностью ортодоксальным пророком своего учения. Но интерпретация может быть и такова, что он решил убить ложного христианского Бога, взамен поставив туда истинного. Толстой решил действовать, он заснул» [1; с. 40]. Данная особенность Толстого в художественном мире «Т» играет существенную роль в переосмыслении постмодернистской концепции «смерти автора», которая «доходит до идеи “смерти бога”, важная в контексте мировоззрения Толстого, с его “духовным переворотом”, когда весь привычный миропорядок писателя рухнул, и он начал верить в Бога» [1; с.38].

И.В. Кабанова сближает «Абсолюта» Толстого с «Читателем» на основе метафорического отождествления книги, представляющей в романе огромную действительность, созданную графом, с жизнью, которую читает бог. Данную концепцию автор статьи сближает с буддизмом: «Итак, Читатель – Абсолют, Бог, а с точки зрения буддиста, даже слово “Бог” является излишним: самое непостижимое качество бога – то, что его нет, то, что он себя не знает. Пелевин утверждает превосходство “духовного зрения” над интеллектом, разумом, которые все от отца лжи дьявола» [2; с. 18]. Именно духовные искания, состоящие в постижении собственной сакрально-божественной сущности, приводят Толстого к осознанию себя как «Абсолюта». В свою очередь, буддийская непознаваемость своей божественной сути посредством разума реализуется в виде потери памяти графа и связанных с этим попыток осмыслить себя как части мира. С одной стороны, Толстой не помнил себя как творца сущего, с другой – сомневался в собственном существовании. К.Л. Ерофеева же, ориентируясь на изображение «Абсолюта» в романе «Т», утверждает, что «у Пелевина присутствует и мысль об “обратной связи” творца и творения: люди в той же мере создают богов, как и боги – людей» [3; с. 146].

В.О. Кубышкина, помимо «Абсолюта», выделяет в произведении «Т» сущность, близкую к божественной, – демиурга. Исследователь поясняет, что «неявленному Богу противопоставлен Демиург, второстепенная духовная сущность <...>. Ирония состоит в том, что Демиург, задумавший план мироустройства, не подозревает о небесной иерархии и, оказавшись в пустоте (кеноме, нижней границе Вселенной, по гностикам), мнит себя Истинным Творцом. Демиург В. Пелевина – это дух Ариэль, пишущий роман о происходящих с главным героем событиях» [4; с. 2]. О.Ю. Осьмухина затрагивает феномен божественного в романах Пелевина «Ампир V» и «Бэтман Аполло». Исследователь упоминает Дракулу, который «представлен в романе как философ, достигший предела совершенствования. Дракула уже не просто граф, он стал в мире вампиров подлинным богом, лишенным, в отличие от своих сородичей, ложного чувства всемогущества» [5; с. 83].

Вместе с тем, стоит отметить, что постмодернистская реальность Пелевина конструируется не только на основе иронии и других средств художественной выразительности, но и с помощью комбинирования разнообразных мифологических и религиозных систем. В особенности, значительное место в романах Пелевина занимает художественное моделирование шаманской мифологии Карлоса Кастанеды. Пелевин является автором статей, посвященных Кастанеде, а именно: «Икстлан-Петушки» [6], «Мой Мескалитовый Трип» [7], «Последняя шутка воина» [8]. Идеология Кастанеды нашла отражение в изображении постмодернистом богов как носителей определенного вида функциональных особенностей, взятых из кастанедовского шаманизма и переосмысленных в связи с постмодернистской стратегией.

Так, в статье «Художественное воплощение функций бога Орла из произведений К. Кастанеды в романах В. Пелевина “Бэтман Аполло” и “SNUFF”» [9] мы изучили образы «Великого Вампира»

(«Бэтман Аполло») и «Маниту» («SNUFF») в качестве носителей божественных функций кастанедовского бога Орла. В центре внимания статьи «Концепции Карлоса Кастанеды в романе Виктора Пелевина “Смотритель. Орден Желтого Флага (Книга 1)”» [10] – Франц-Антон Месмер, творец мира «Идиллиум», который представляет собой общепризнанного бога. На основе придуманной Пелевиным религии Франц-Антон соотносится с собственной реальностью «Идиллиум», а точнее, приравнивается к ней. Таким самым, пелевинский бог отождествляется с создателем собственной Вселенной Орлом Кастанеды.

В романе «Transhumanism Inc.» Пелевин, как и во многих своих произведениях, продолжает изображать различные реальности, существующие параллельно с обывательским миром. Подобные действительности являются производным феноменом от существующего отдельно от тела человеческого мозга, заключенного в банке. Иными словами, Пелевин вводит в повествование так называемую «баночную реальность». Как пишет автор, обыденная действительность, как в принципе и «баночная реальность», «такое же внутримозговое наваждение, как сон. Знакомый нам мир существует только внутри мозга. Запахи и цвета, вкусы и ощущения, идеи и смыслы, красота и безобразие, ненависть и любовь – их во внешнем мире нет. Все это фабрикуется человеческим мозгом из одинаковых по своей природе электрических импульсов, приходящих по нервным волокнам» [11; с. 33]. В связи с этим, «у банкиров была своя сеть, не связанная с обычной. Их таинственные миры возникали в нейросетевых кластерах, расположение которых было строго засекречено» [11; с. 47].

Так как «баночный мир» представляет собой производное мозга каждого отдельного человека, то субъект волен менять данную реальность по своему усмотрению. Однако стоит отметить, что данный аспект означает существование каждой действительности внутри определенного сознания, а значит, в романе Пелевина воспроизводится художественная модель сновидческого мира. Главное отличие сновидческой реальности от собственно сна состоит в полном осознании субъектом сновидения как мира, существующего независимо от земной реальности. Каждый герой Пелевина воспринимает внутримозговое наваждение в качестве управляемого мира, пригодного для жизнедеятельности. При этом каждый сновидческий мир постмодерниста представляет собой следствие трансгуманизма: создание сверхчеловека равного отдельному сознанию, способного вечно жить в действительности вне физической оболочки.

Пелевинская реальность сна смоделирована на основе сновидческого мира Кастанеды. В книге «Путешествие в Икстлан» учитель автора дон Хуан Матус рассказывает о способе, благодаря которому маг (воин, видящий) сможет осуществить путешествие по сновидческому миру. Кастанеда пишет: «– Стань доступным *Силе*; ухватись за свои *сновидения*, – сказал он в ответ. – Ты называешь их снами, поскольку не властен над ними. Воин – тот, кто ищет силу, и он не зовет это *сном*. *Сновидения* для него – реальность» [12; с. 107]. Кастанедовский маг, овладевший «силой», волен модернизировать собственные сновидения так, что они будут являться отдельной реальностью. Именно сновидение предстает в произведениях мистика ведущим способом перемещения в разнообразные миры. Одним из видов сновидческого измерения является «теневого мир». «Теневого мир» служитместилищем определенных сущностей – сгустков энергии, путешествие в которое возможно только благодаря концентрации внимания в сновидении: «...Это мир теней <...>. Я не смог удержать мое *внимание сновидения* на возражении *эмиссара*. Оно направилось к тeneвым существам. Внезапно я заметил, что они похожи на стадо странных доверчивых животных» [13; с. 136]. Таким образом, «мир внутри банки» Пелевина является постмодернистской проекцией кастанедовской реальности сновидения, основанной на специфической деятельности сознания.

Однако создание мира, являющегося проекцией сознания, невозможно без особого способа восприятия отдельных составляющих окружающей человека реальности. Именно благодаря фиксации в голове конкретных компонентов Вселенной у мага складывается представление о действительности, а также об их многообразии. Так Кастанеда акцентирует внимание на сновидении как на специфической форме постижения как объектов мира, так и множества реальностей. Причем постижение сновидческой действительности осуществляется с помощью сознательной деятельности: «В сновидении мы действительно можем воспринимать другие миры, которые мы способны достаточно точно описать. Но мы не сумеем описать то, что позволяет нам их воспринимать, хотя можем почувствовать, как сновидение открывает для нас иные реальности. Я бы сказал, что сновидение – это восприятие, процесс в теле и осознание в уме» [13; с. 9]. Следовательно, восприятие мироздания посредством сновидения – это акцентирование внутрисознательных процессов на визуализированном во сне пространстве.

В романе «Transhumanism Inc.» Пелевин заимствует кастанедовский принцип восприятия отдельного мира, но преподносит его в постмодернистском ключе. Восприятие составляющих созданной пелевинским богом реальности преподносится как насмешка над финансовыми отношениями между людьми. В будущем Пелевина монетизируются даже изображения, возникающие в голове субъекта при контакте с окружающей средой. В целом, качество восприятия предмета в мире с помощью человеческого сознания зависит от определенной суммы денег. Чем больше заплачено – тем лучше восприятие: «В восемь ноль девять из зеркала на нее смотрело прелестное девичье личико, еще сохранившее следы трогательной детской пухлости, и именно эта нежная одутловатость была, пожалуй, самым очаровательным его свойством. А в восемь десять проходило что-то неуловимое – и Маня увидела толстошекую дуреху <...> потом становилось понятно, что кажущаяся толстошекость <...> из тех милых изъянов, которые делают девичью красоту только совершеннее <...>. Ага, поняла Маня, бабки вернулись» [11; с. 38]. Чтобы воспринимать себя как прекрасную толстошекую девушку, пелевинская героиня Маня вынуждена вносить определенную плату. Таким образом, Пелевин, переосмысляя кастанедовское восприятие действительностей, иронизирует по поводу сложившейся системы ценностей людей, основанной на деньгах.

Связующим звеном между обыденным миром и «баночными реальностями» является бог Атон Гольденштерн («Прекрасный»). Автор упоминает секту «Свидетелей Прекрасного», которые обожают Атона. Как признается Иван, один из верящих в Гольденштерна, «Прекрасный один. Он – и есть мы все <...>. Свидетели бывают разные. Некоторые верят в Прекрасного как в Невыразимого. Ну типа как в бога» [11; с. 320]. В романе Пелевина Гольденштерн действительно обладает божественными способностями, благодаря которым он влияет на жизнедеятельность обыкновенных людей, а также ей управляет. Атон перемещает собственное божественное сознание в человека и проживает его жизнь. В частности, сознание Атона становится частью мыслительных процессов девушки Мани. «Кукухотерапевт» Офа метафорически объясняет данный феномен перехода непосредственно этой героине: «Ты теперь таксо. Твои глаза – фары. А Прекрасный у тебя шофер. Ну или кучер. Чтобы кукуха не перегрелась, помни, что он тобой рулит» [11; с. 97]. Присутствие «Прекрасного» в голове Мани приводит к тому, что чувства бога становятся неотличимыми от аналогичных эмоциональных процессов девушки. Причем, сам носитель божественного сознания принимает эмоции Гольденштерна как собственные.

Маня признается, что влюбилась в Офу, однако «кукухотерапевт» мгновенно объясняет ей происхождение данного чувства. Получается, влюбленность Мани явилась следствием того, что Гольденштерн «...не просто хочет любить тебя или меня. Он хочет побыть тобой, пока ты любишь меня. Или побыть мной, пока я люблю тебя. Или одновременно... И при этом ты должна оставаться моей пациенткой, а я твоим терапевтом» [11; с. 99]. С одной стороны, любовь Мани тождественна соответствующему чувству бога, а с другой – волеизъявление «Прекрасного» порождает эмоциональное влечение в голове девушки. Тем самым, Маня, будучи человеком, становится неотделимой от Гольденштерна, а точнее, его частью. Подобная особенность «Прекрасного» связана с божественной сущностью Орла Кастанеды.

В произведении «Дар Орла» Орел дарует человеку осознание – способ конструировать реальности. Кастанеда поясняет: «Дон Хуан сказал, что древние видящие смогли увидеть невообразимую Силу, являющуюся источником бытия всех существ... Эту Силу древние видящие называли Орлом, поскольку те немногие взгляды мельком, которые позволили им увидеть эту Силу, создали у них впечатление, что она напоминает нечто похожее на бесконечно огромного черно-белого орла. Они увидели, что именно Орел наделяет осознанием. Он создает живые существа таким образом, чтобы они в процессе жизни могли обогащать осознание, полученное от него вместе с жизнью» [14; с. 49]. Кастанедовский бог представляет собой квинтэссенцию осознания. Маг Кастанеды, приобретая осознание от Орла, становится одним из компонентов его огромной сущности. При этом воин превращается в обладателя сил и способностей бога, являющегося их источником. Маг отчасти приравнивается к богу, исходя из тождественности их сил, но, по сравнению с Орлом, могущество человека-создателя миров невелико. При этом Кастанеда вводит в свои произведения такое понятие, как «команда Орла». Команда Орла является следствием его волеизъявления, принятого воином в качестве правильного и подлежащего исполнению. При демонстрации магом намерения сдвинуть точку сборки (составная часть процесса перехода в иной мир) осуществляется замена его желания на желание бога Орла в пределах индивидуального сознания воина. В итоге происходит не просто управление со

стороны бога сознанием мага, а принятие управляемым объектом команд Орла в качестве собственных.

Как пишет мистик, «дон Хуан несколько раз повторил, что управление намерением начинается с команды, данной самому себе. Затем команды повторяются до тех пор, пока не становятся командами Орла. И в этот миг, когда воин достигает внутреннего безмолвия, его точка сборки сдвигается» [15; с. 273]. Таким образом, Пелевин, изображая «Прекрасного», проецирует принцип тождественности сил кастанедовского бога и мага на менее значимые соотношения, включающие чувственную схожесть Гольденштерна и Мани. Однако дарование осознания означает перемещение части Орла во внутреннюю составляющую мага, а значит, и сути самого Орла. Пелевин художественно моделирует данный эзотерический феномен, делая Маню не только малой составляющей «Прекрасного», но и вместилищем для бога. Также постмодернист художественно осмысляет кастанедовский термин «команда Орла»: чувства Гольденштерна (желание бога) становятся чувствами Мани (ее желанием) и воспринимаются ей как собственные.

Орел Кастанеды управляет всей сферой жизнедеятельности мага. Бог руководит воином с помощью указаний, которые являются средствами воздействия. При осмыслении божественного правила осуществляется осознание главных его закономерностей, что делает волю Орла частью мыслительных процессов воина. Кастанеда пишет, что бог «растолковал, что правило бесконечно и охватывает каждую грань поведения воина. Интерпретация и накопление правила является работой видящих, чьей единственной задачей из века в век было видеть Орла, наблюдать за его бесконечным потоком <...>. Невыразимые указания Орла могут быть восприняты видящими, правильно истолкованы ими и накоплены в форме свода правил» [14; с. 162]. Пелевин использует кастанедовский принцип всеобъемлющего воздействия бога на смертного, напрямую показывая, как «Прекрасный» управляет восприятием Мани. Гольденштерн влияет на сознание девушки так, что в ее глазах бог предстает в облики кота. Природа данной метаморфозы раскрывается в диалоге Мани с богом: «– Вы Гольденштерн? – спросила она и ощутила отвращение к звуку своего голоса. – Вы Прекрасный? – Мяу – сказал кот. – Я Прекрасный, да» [11; с. 153]. Тем самым, как и Кастанеда, Пелевин показывает специфику божественного вмешательства в жизнь людей, реализующегося в виде определенного рода влияния на нее.

Образ бога Пелевин связывает также с другой концепцией Кастанеды, а именно со «сталкингом» или «сталкингом». Офа, к которой влекло Маню, оказалась воплощением «Прекрасного», а точнее, им самим. Постмодернист поясняет: «Офа улыбнулась – как показалось Мане, чуть виновато. – Ты такая наивная, Маня, что просто ужас, – сказала она. – Неужели ты еще не поняла? Я и есть Гольденштерн» [11; с. 168]. Пелевин доводит манипулирование восприятием героини со стороны божественного разума до апогея. Влияние на сознание Мани с целью конструирования в ее мозге нужного богу образа (кот) эволюционирует в намеренный обман человеческого восприятия, связанного с окружающей средой. Гольденштерн по своей воле предстает перед персонажем в виде «кукухотерапевта», заставляя девушку сконцентрироваться на ложном объекте мира. Это необходимо для того, чтобы вызвать у Мани, сохранившей способность отчасти действовать самостоятельно, несмотря на божественное вмешательство в ее внутренний мир, чувства влюбленности к Офе со стороны бога, который преследует эгоистические цели, сопряженные с удовлетворением низменных потребностей. С другой стороны, если рассматривать чувства героини в качестве полностью идентичных чувствам «Прекрасного», обман восприятия с целью вызова определенных эмоциональных «порывов» бог применяет на самого себя.

Раскрытие «Прекрасным» правды об обмане восприятия Мани также явились средством для пробуждения у героини эмоций. Услышав «божественное» признание, «Маня заревела, бросила очки на пол и несколько минут с хрустом давила их подошвами. Впрочем, она уже знала, что очки Гольденштерну не нужны – он мог показать то же самое и через имплант» [11; с. 169]. Связь контроля восприятия, в том числе и мнимого, с имплантом и ошейником, считывающим разнообразные коды («кукухой»), представляет собой часть ироничного изображения мира будущего, построенного на чрезмерной зависимости людей от технических приспособлений. Кастанеда же показывает одного из «сталкеров» – Хулиана. Хулиан прибег к помощи «сталкинга», чтобы обмануть восприятие дона Хуана и пробудить у кастанедовского учителя страх: «...бенефактор самым жутким образом продемонстрировал ему свои способности *сталкера*. Без какой-либо подготовки или предупреждения он столкнул дона Хуана нос к носу с неорганическим существом <...>. Почувствовав, что дон Хуан собирается бежать, он воспользовался возможностью напугать его своим *союзником*, который мог становиться похожим на чудовищной наружности человека. Увидев этого *союзника*, я едва не сошел с

ума, – продолжал дон Хуан. – Я не мог поверить своим глазам, но чудовище стояло передо мной. А немощный старик стоял рядом и хныкал, моля чудовище о пощаде» [15; с. 183].

Хулиан притворялся стариком, который молил о пощаде, чтобы отвлечь дон Хуана от реальной ситуации, состоящей в подпитывании союзника (неорганика) собственным страхом. Не имея представления о духовном взаимодействии неорганического создания и «сталкера», дон Хуан потерял концентрацию на составляющих окружающей среды и сосредоточил свое внимание на неорганике по велению Хулиана. Столкнув учителя Кастанеды с союзником, Хулиан модернизировал действительность, сделав ее зависимой в представлении дон Хуана от неорганического существа.

В сознании дон Хуана неорганик представлял собой составной элемент реальности, от которого зависит жизнедеятельность присутствующих в ней субъектов. Испытывая страх, дон Хуан не мог трезво оценивать обстановку. Следовательно, Хулиан выполнил свою задачу, связанную с привлечением дон Хуана как собственного ученика, навязав ему свою трактовку сложившейся ситуации. Кастанеда пишет о том, что Хулиан «объяснил, что чудовищный человек согласился оставить их обоих в живых при условии, что дон Хуан станем ему служить. Предчувствуя недоброе, дон Хуан спросил, в чем будет заключаться служба. Старик ответил, что это будет практически рабство, он напомнил, что жизнь дон Хуана почти закончилась несколько дней назад, когда в него стреляли» [15; с. 184].

Но кастанедовский «сталкинг сталкеров» – обман восприятия мага для того, что пробудить эмоции, дестабилизирующие его силу (концентрацию на необходимых явлениях), не является функциональной особенностью властелина реальностей, упоминаемых мистиком, – Орла. «Сталкинг» является достоянием воинов, созданных богом. Следовательно, Пелевин переосмысляет «сталкинг сталкеров», изображая бога не только носителем данной концепции, но и существом, непосредственно ее применяющим. В творчестве постмодерниста обстановка, способствующая иллюзорному представлению об объектах или субъектах реальности, создается в данной ситуации преимущественно с помощью смены облика, который воздействует на сознание героини как катализатор для проявления эмоций.

Жизнь «Прекрасного» подвержена бесконечной цикличности. Бесконечное число раз Гольденштерн становится определенным человеком и проживает его жизнь. Автор упоминает, что в прошлом бог был составным элементом не только Мани, но и других субъектов. Однако, помимо этого, Пелевин утверждает, что постоянно перемещаясь от одного человека к другому, Атон становится не только им, но и всеми людьми: «Гольденштерн притворялся Маней и множеством других людей. Он рассказывал себе запутанные истории, от которых перехватывало дух. И все, кого Маня видела, тоже были Гольденштерном, просто носили другие маски. Просыпаясь, Гольденштерн постигал, что только что был ими. А потом вспоминал себя» [11; с. 179]. Впоследствии «кукуратор», пелевинский лидер «сердоболов», узнает об этом в более упрощенном виде. Жизнь «Прекрасного» есть цикличная симуляция: «После заката симуляция переходит на фазу “имплант-фид” с новым случайно выбранным объектом нулевого таера. Переживается очередная человеческая жизнь на ускоренной перемотке» [11; с. 554]. Каждая прожитая человеческая жизнь Гольденштерна осмысливается постмодернистом в качестве «запутанных историй», симуляций в которых бог принимает непосредственное участие, переселяя собственное сознание, к примеру, в голову Мани. Причем, будучи частью человека, Антон одновременно представляет собой все сущее.

Данный аспект восходит к концепции дзена «несуществование». С точки зрения вероучения, людей и обывательского мира не существует. Сущностью всех вещей мистически осознаваемая пустота. Следовательно, Медова А.А. подчеркивает мнимость человеческого «я» и души: «Аналогично рассматривается и то, что называется душой человека или “Я”: нет как таковой сущности человека, нет постоянной души, которая имела бы ценность, есть лишь поток случайных состояний его психики, каждое из которых несубстанционально и обусловлено предшествующим состоянием» [16; с. 17]. Иллюзорность человека как компонента повседневности исследователь показывает с помощью классического дзен-диалога: «Так в диалоге, приводимом Тайтаро Судзуки, император У спрашивает двадцать восьмого дзенского патриарха Бодхидхарму (в Китае он считается первым): “– Каков же основной принцип твоей священной доктрины? – Беспредельная пустота и ничего такого, что могло бы быть названо священным, Ваше Величество. – Кто же, в таком случае, стоит сейчас передо мною? – Я не знаю, Ваше Величество”» [16; с. 17]. Пустота как квинтэссенция людей способствует отрицанию индивидом собственной сути, сопряженной с окружающим миром.

Пребывание Атона в человеческом сознании заканчивается вследствие смерти, собственно, человека, после чего бог переселяется в новое. После кончины субъекта «Прекрасный» возносится, становясь на определенное мгновение всем, при этом, неким: «Он летел все выше и быстрее, поднимаясь сквозь разреженные слои бытия, пересекая границы возможного – и наступила секунда, когда он ясно пережил, как только что одновременно был глупой девочкой по имени Маня, с которой в этот раз начался его восход, ее подругой и терапевтом Офой, теткой, отцом <...>. Он был каждым из них и никем» [11; с. 181]. Атон, с одной стороны, являлся властелином мира, а с другой – данное господство представляло собой иллюзорный феномен. Поднявшийся ввысь Гольденштерн «сгорал» от «небывалой радости» и вновь возвращался к описанному выше циклу. Тем самым, Пелевин воплощает «несуществование» дзена в постоянно повторяющемся процессе вознесения бога, которое является событием, вбирающим в себя мнимое овладение божественной природой. Следовательно, Атон предстает иллюзорной составляющей повседневности.

Постоянный переход сознания Гольденштерна от одного субъекта к другому является способом увековечивания бога, а именно наделением его бессмертием. В произведениях Кастанеды после смерти воина Орел забирает отданное им осознание, которое он впоследствии поглощает. Кастанеда поясняет: «Орел пожирает осознание всех существ, живших на земле мгновение назад, а сейчас мертвых, прилетевших к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего Хозяина и Причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывая их, как скорняк шкурки, а затем съедает, потому что осознание является пищей Орла» [14; с.157–158].

Однако дарование и пожирание осознания является бесконечно повторяющимся феноменом – циклом перерождения мага. Неслучайно мистик утверждает, что: «каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти сквозь него. Для того видящего, который видит этот проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознание» [14; с. 158]. Таким образом, маг бессмертен, пока сохранено осознание – его сущность, которая переходит от одного создателя миров к другому. Однако процесс дарования-отбора Орлом осознания воину трансформируется в постмодернистском пространстве в перемещение бога Атона в голову к каждому выбранному им герою.

Пелевин художественно моделирует и внешний облик Орла Кастанеды. В «Даре Орла» мистик посредством внешних характеристик показывает истинную природу бога. Кастанеда упоминает, что «когда видящий смотрит на черноту, являющуюся Орлом, четыре вспышки света освещают его сущность» [14; с. 157]. Орел является сущностью, которая состоит из свечения, озаряющего внутреннюю божественную составляющую. Именно проявленная с помощью света сила в восприятии магов приняла форму бесконечного черно-белого орла. Пелевин превращает внешние атрибуты кастанедовского бога в одну из инкарнаций Гольденштерна. Однако постмодернист наделил своего бога также наименованием воплощения древнеегипетского бога Ра – Атоном. Так, «в период правления Аменхотепа IV (Эхнатона) солнце Ра вновь появилось на сцене. Изменилось лишь имя и обличье бога. Он стал Атоном и сохранил только воплощение в виде солнечного диска» [17; с.5]. В памятнике древнеегипетской литературы – «Сказание Синухе» правитель, который умер, предстает в качестве солнечного бога. Он поднимается в небо и объединяется с солнечным диском. Следовательно, помимо кастанедовского свечения Орла, Атон Пелевина приобретает черты одноименного древнеегипетского божества. Вознесение «Прекрасного» практически идентично восхождению в небо в качестве солнца царя из «Сказания Синухе», а имя пелевинского бога отсылает к древнеегипетскому осмыслению функциональных особенностей Ра. Неслучайно Пелевин демонстрирует читателю Гольденштерна, который «уже сделался шаром желтого огня – в точности земным солнцем – огонь этот не жег и не жалил, и на него можно было смотреть не отрываясь. Но, подобно магам, увидевшим в кастанедовском боге черно-белого орла, «кукуратор» «увидел похожую на тоненькую свечу фигурку. Это был юноша с пылающей короной на голове – прогнувшись ласточкой, он возносился к небу, и, хоть лица его не было видно, каким-то образом можно было ощутить играющую на его губах улыбку, таинственную и не по возрасту мудрую» [11; с. 355]. Тем самым, Атон Гольденштерн представляет собой синкретичный образ, вбирающий в себя черты древнеегипетского солнечного бога, Орла Кастанеды, а также одну из ведущих особенностей вероучения дзен – «несуществование».

Пелевин не ограничивается кастанедовским принципом изображения единственного бога. Постмодернист вновь переосмысливает шаманское учение Кастанеды и изображает «бога над богом». «Кукуратор» в ходе разговора с шейхом Ахмадом узнает, что, кроме Гольденштерна существуют стоящие над ним высшие создания – шайтаны (название заимствовано автором из ислама, где шайтаны – злые духи), более известные в писательской практике Пелевина в качестве управленцев мира – вампиров. Вечная жизнь этих богов изо-

бражена также посредством моделирования кастанедовского дарования-отбора осознания Орлом: «Мирские боги утверждают, что вывели нас, как своих носителей и слуг. Они тысячелетиями переселялись из одного человеческого мозга в другой. Это была болезненная и рискованная процедура. Смысл трансгуманистической революции заключался в том, чтобы дать им постоянное пристанище. Они достигли своей цели – и живут вместе с захваченным мозгом неограниченно долго. Их господству над миром не угрожает ничто» [11; с. 396]. Художественная модель кастанедовского перемещения осознания от Орла к магу – и обратно преподносится Пелевиным как способ создания идеального, усовершенствованного человека-бога, способного жить вечно, что является важным аспектом философии трансгуманизма.

Пелевин объединяет шайтанов-вампиров из «Transhumanism Inc.» с вампирами из собственных романов «Бэтман Аполло», «Empire V» в единое художественное пространство. Как и в «Бэтман Аполло», в «Transhumanism Inc.» упоминается «Великая Мышь», являющая главой вампирского общества. При этом постмодернист приспособливает данный образ под определенные реалии исследуемого нами произведения. Так, шейх Ахмад говорит, что «<...> “Мать Мышлений” или “Великая Мышь” ... имеет прямую связь не только с ними, но и с каждым человеческим мозгом, баночным или нет» [11; с. 398]. Представление Ахмада о «Великой Мыши», которая связана с каждым сознанием человека или вампира, в пространстве романа приобретает способность владеть умами и баночной действительности. Однако ее божественная сопряженность с мозгом иных субъектов имеет точки соприкосновения с функциональной особенностью кастанедовского бога. Раздающий магам осознание Орел, являющийся источником этого мистического феномена, так или иначе, связан с мозгом каждого из них.

Боги-вампиры находятся в своем отдельном мире, отличном от повседневного. Однако, чтобы описать проникновение шайтанов туда, Пелевин использует принцип падения в пропасть, взятый им из «Бэтмана Аполло». Причем, автор сближает это явление с христианской мифологией: «Раньше люди считали, что главный штаб шайтанов спрятан под землей. Но на самом деле он находится в другом мире, так что схема условна. Шайтаны попадают туда во время ритуала, называемого “трехпадением”. Как я понял, происходит это так: шайтан бросается в пропасть – видите, вот она, – и во время полета переходит на другой план реальности» [11; с. 398]. Путешествие вампира из человеческого мира в собственный сближается Пелевиным с мифом об Адаме и Еве, которые, нарушив божественный запрет, были изгнаны из Рая (божественной действительности) в реальность смертных. Данное сближение основано на общности перехода субъектов из одного измерения в другое. Однако в произведении «Бэтман Аполло» падение с обрыва приводит к перемещению в Хартланд – вампирскую обитель, располагающуюся рядом с Рублевкой и не являющуюся существующей независимо от повседневного мира действительностью. Причем, в процессе падения с вампиром происходит метаморфоза: «Вампир попадает в Хартланд, прыгая в пропасть. Во время этого прыжка он превращается в подобие огромной летучей мыши (конечно, значительно меньшего размера, чем титаническая Великая Мышь). Это и есть Древнее Тело, в котором, если верить нашей мифологии, магические черви жили на Земле за сотни миллионов лет до человека» [18; с. 15].

Путешествие в новую действительность посредством падения в бездну присутствует в кастанедовском произведении «Сказки о Силе». Кастанеда вместе с другим учеником – Паблито стоит у бездны в тот момент, когда их существование в мире людей подошло к завершению: «Ты на самом краю, Карлитос <...>. И ты, Паблито. Вы оба» [19; с. 274]. Чтобы переместиться в иное измерение, необходимо прыгнуть в пропасть. Кастанеда в мгновение прыжка с обрыва находится между двумя параллельными реальностями: жизнью простых смертных и Вселенной «тоналя и нагваля» – миром, созданным магом. Следовательно, падение в пропасть, по мнению дона Хуана, приведет к путешествию в реальность, существующую независимо от повседневности. Учитель Кастанеды поясняет: «Вы уже знаете, что это последняя задача, в которой мы будем вместе, – сказал он. – Вы войдете в тональ и нагваль при помощи только своей личной силы. Хенаро и я находимся здесь только для того, чтобы попрощаться с вами» [19; с. 275]. Таким образом, описанное Пелевиным перемещение вампира между реальностями является следствием постмодернистского осмысления кастанедовского путешествия в мир «тоналя и нагваля» посредством прыжка в бездну.

Пелевин изображает единственного представителя вампиров – Розенкранца. Но под личиной Розенкранца скрывается Рама – вампир, овладевший искусством путешествия в новую реальность (лимбо), из «Бэтмана Аполло». Розенкранц признается: «– Меня когда-то звали Рамой <...>. – Но для вас я хотел бы оставаться Розенкранцем» [11; с. 568]. В романе «Бэтман Аполло» на первом семинаре Рама узнает механизм перехода в иную реальность, для которого необходим контакт вампира с кровью человека с помощью «некронавигатора». Автор воспроизводит слова учителя Улла на одном из занятий: «Если он заряжен красной жидкостью мертвого человека, вампир класса undead может встретиться с ним в лимбо. Происходит это

не только из-за особого физиологического воздействия некронавигатора, но и потому, что малое небытие усиливает нашу чувствительность к препаратам» [11; с. 105].

В «Transhumanism Inc.» Рама (Розенкранц) предстает полноценно сформированным богом. В качестве бога Рама является создателем и манипулятором сновидческого мира, основанного на реальности сна Кастанеды. Как и кастанедовский мир, действительность вампира представляет собой производное явление определенного сознания. При этом сон мага Кастанеды идентичен отдельному измерению. Нахождение «кукуратора» в вампирской реальности обусловлено сном проекции Рамы: лидер «сердоболов» находится в мире вампира, пока видящий сон концентрирует на нем свое внимание. Рама поясняет: «Нечто вроде индидуально выращенного удаленного тела. Спит оно тут же. Сейчас оно дрыхнет, и я свободен. Можем пообщаться. Считайте себя сном моего зеркального секретаря» [11; с. 571]. Дон Хуан, в свою очередь, рассказывает Кастанеде о важности концентрации внимания на объектах сна.

Пока Кастанеда сосредотачивается на этих объектах, они будут вполне реальными: «Истинная же цель состоит в осознании момента засыпания. А это, как ни странно, достигается не посредством установки на осознание момента засыпания, но посредством установки на устойчивую фиксацию во сне какого-либо конкретного образа. Дон Хуан рассказал, что *сновидящий* бросает короткие целенаправленные взгляды на все, что присутствует в сновидении. А тот объект, на котором устойчиво сфокусировано его внимание, является лишь своего рода точкой отсчета. С нее *сновидящий* переводит взгляд, чтобы посмотреть на другие присутствующие в сновидении объекты, как можно чаще возвращаясь обратно – к точке отсчета» [13; с. 42]. Помимо этого, Рама владеет художественно воплощенным кастанедовским «сталкингом». «Кукуратор» впервые узнает, что Атон – искусственно созданный вампирами сверхчеловек, который для обыкновенных людей является богом. Процесс «сталкинга» заключается в наделении Гольденштерна иллюзорным ощущением божественного всемогущества с сопутствующим чувством превосходства над людьми, в то время как есть иной бог (вампир Рама), могущественнее «Прекрасного». При этом Гольденштерн ничего не знает о существовании вампиров. Так, Розенкранц поясняет: «Гольденштерн – это наша сельскохозяйственная ферма <...>. Затем, Гольденштерн – это новый человек. Достигший предела эволюции. Человек разогнанный» [11; с. 582].

Таким образом, объединяя в единое художественное пространство романы «Бэтман Аполло» и «Transhumanism Inc.» Пелевин изображает двух богов – Рама (Розенкранц) и Атон Гольденштерн как пример художественного воплощения трангуманистической концепции создания идеального человека (сверхчеловека). Однако изображение богов не обошлось без художественного моделирования концепций Кастанеды как функциональных особенностей каждого из них. В частности, Рама владеет переосмысленным в постмодернистском тексте кастанедовским «сталкингом сталкеров», а также способен создать мир сна, идентичный описанной действительности в произведениях мистика. Данные способности ставят Раму в один ряд с изображением божественных сущностей из других романов Пелевина: Маниту («SNUFF»), Великий Вампир («Бэтман Аполло»), Абсолют («Т») и др. Также Пелевин с помощью моделирования кастанедовских концепций («прыжок в бездну», «дарование-отбор осознания Орлом») создает общее представление о вампирах как о сверхсуществах. Гольденштерн является синтезом функциональных особенностей бога Орла Кастанеды (дарование и отбор осознания), других концепций мистика («сталкинг»), а также элемента вероучения дзен («несуществование»). При этом кастанедовские концепции манипулирования осознанием и «сталкинг» являются ведущими приемами создания полноценного бога в романе Пелевина. Помимо этого, «Прекрасный» мифологизируется благодаря внедрению в его образ представления древних египтян о солнцеликом боге Атоне (инкарнации Ра).

Библиографический список

1. Лозовой С.В. Образ Льва Толстого в романе Виктора Пелевина «Т» // В сборнике: Лучшие научные проекты и исследования 2022. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2022. С. 37-41.
2. Кабанова И.В. Троица по Пелевину: автор-герой-читатель в романе «Т» // Филологический класс. 2011. № 25. С. 15-20.
3. Ерофеева К.Л. Проблема творца и творения в художественной литературе и идеи современного креационизма // Соловьевские исследования. 2013. № 1 (37). С. 139-149.
4. Кубышкина В.О. Трансформация образа гностического демиурга в романе В. Пелевина «Т» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. С. 363.
5. Осьмухина О.Ю. Специфика преломления традиции романа воспитания в диалогии о вампирах В. Пелевина («Ампир V», «Бэтман Аполло») // В сборнике: Пушкинские чтения-2016. Художественные стратегии клас-

сической и новой литературы: жанр, автор, текст. материалы XXI международной научной конференции. 2016. С. 80-86.

6.Пелевин В. Икстлан-Петушки [Электронный ресурс]. URL:http://pelevin.nov.ru/rass/pe_ixt/1.html (дата обращения:30.12.2022).

7.Пелевин В.Мой Мескалитовый Трип [Электронный ресурс].URL:<http://pelevin.nov.ru/rass/pe-mesc/1.html> (дата обращения: 30.12.2022).

8.Пелевин В.Последняя шутка воина [Электронный ресурс].URL:<http://pelevin.nov.ru/rass/pe-voin/1.html> (дата обращения: 30.12.2022).

9.Любарский Р.В. Художественное воплощение функций бога Орла из произведений К. Кастанеды в романах В. Пелевина «Бэтман Аполло» и «SNUFF» //Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2 (83). С. 130-134.

10.Любарский Р.В. Концепции Карлоса Кастанеды в романе Виктора Пелевина «Смотритель. Орден желтого флага (Книга 1)» //Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3 (74). С. 53-61.

11.Пелевин В. Transhumanism Inc. Москва: Эксмо, 2021. 608 с.

12.Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. М.:София,2013. 288 с.

13.Кастанеда К. Искусство Сновидения. М.:София,2013. 288 с.

14.Кастанеда К. Дар Орла. М.:София,2013. 288 с.

15.Кастанеда К. Огонь Изнутри. Сила Безмолвия. М.:София,2016. 512 с.

16.Медова А. А. Модальная природа сознания: на примере концепций дзен и чань буддизма // Вестник Оренбургского государственного университета.2010. № 1 (107). С. 16–22.

17.Тайны богов Египта.2012.№1. 22 с.

18.Пелевин В. Бэтман Аполло. М.:Эксмо,2013. 512 с.

19.Кастанеда К. Сказки о Силе. М.:София,2013. 288 с.

References

1. Lozovoy S.V. The image of Leo Tolstoy in Victor Pelevin's novel "T" // In the collection: The best scientific projects and research, 2022. Collection of articles of the International Research Competition. Penza, 2022. pp. 37-41.

2.Kabanova I.V. Trinity according to Pelevin: author-hero-reader in the novel "T"//Philological class. 2011. No. 25. pp. 15-20.

3.Yerofeeva K.L. The problem of the creator and creation in fiction and the ideas of modern creationism// Solovyov studies. 2013. No. 1 (37). pp. 139-149.

4. Kubyshkina V.O. Transformation of the image of the Gnostic demiurge in V. Pelevin's novel "T"// Modern problems of science and education. 2015. No. 2-1. p. 363.

5.Osmukhina O.Yu. Specifics of refraction of the tradition of the novel of upbringing in the dilogy about vampires by V. Pelevin ("Empire V", "Batman Apollo") // In the collection: Pushkin Readings-2016. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text. materials of the XXI International scientific conference. 2016. pp. 80-86.

6.Pelevin V. Ixtlan-Petushki [Electronic resource]. URL:http://pelevin.nov.ru/rass/pe_ixt/1.html (date of application:30.12.2022).

7. Pelevin V.My Mescalite Trip [Electronic resource].URL:<http://pelevin.nov.ru/rass/pe-mesc/1.html> (date of address: 12/30/2022).

8.Pelevin V.The last joke of a warrior [Electronic resource].URL:<http://pelevin.nov.ru/rass/pe-voin/1.html> (accessed: 12/30/2022).

9.Lyubarsky R.V. Artistic embodiment of the functions of the Eagle god from the works of K. Castaneda in V. Pelevin's novels "Batman Apollo" and "SNUFF" //Scientific notes of the Orel State University. 2019. No. 2 (83). pp. 130-134.

10. Lyubarsky R.V. Concepts of Carlos Castaneda in Victor Pelevin's novel "The Caretaker. Order of the Yellow Flag (Book 1)" // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2022. No. 3 (74). pp. 53-61.

11.Pelevin V. Transhumanism Inc. Moscow: Eksmo, 2021. 608 p.

12.Castaneda C. Journey to Ixtlan. Moscow: Sofia, 2013. 288 p.

13. Castaneda C. The Art of Dreaming. Moscow: Sofia, 2013. 288 p.

14. Castaneda C. The Gift of the Eagle. Moscow: Sofia, 2013. 288 p .

15. Castaneda C. Fire From The Inside. The Power of Silence. Moscow: Sofia, 2016. 512 p.

16. Medova A. A. The modal nature of consciousness: on the example of the concepts of Zen and Chan Buddhism // Bulletin of Orenburg State University.2010. No. 1 (107). pp. 16-22.

17. Secrets of the gods of Egypt.2012.No.1. 22 p.

18.Pelevin V. Batman Apollo. M.:Eksmo, 2013. 512 p.

19.Castaneda C. Tales of Power. Moscow: Sofia, 2013. 288 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 821.111

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.78.78.010

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

Т.А. Воронова

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В настоящей статье рассматриваются две наиболее популярные версии перевода романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык, а именно: перевод Веры Станевич (1950 г.) и перевод Ирины Гуровой (1999 г.). В исследовании уделяется внимание особенностям переводческой стратегии и решению переводческой задачи при передаче прямых цитат, литературных отсылок и аллюзий, активно используемых автором романа в оригинальном тексте. Источниками прямых и косвенных цитат, которые используются в авторском тексте и в речи главных героев романа «Джейн Эйр», являются, во-первых, библейские тексты Ветхого и Нового завета, во-вторых, тексты из корпуса классической английской литературы, главным образом поэзии. К числу авторов, цитируемых Ш. Бронте, принадлежат по преимуществу поэты, чье творчество так или иначе соотносится с английским романтизмом: У. Шекспир, Дж. Милтон, В. Скотт, Т. Мур, С. Кольридж, Дж. Байрон, Т. Кэмпбелл, Дж. Томпсон и др., что позволяет прийти к выводу о том, к какому литературному течению тяготеет сама писательница.

Переводческие стратегии и способы перевода цитат и аллюзий, к которым прибегают Вера Станевич и Ирина Гурова, анализируются в статье преимущественно в сравнительном аспекте. Отмечается, что полнота перевода цитатного материала в романе максимально достигнута в более позднем переводе И. Гуровой, что объясняется отсутствием цензурных ограничений советской эпохи, с которыми приходилось сталкиваться В. Станевич при переводе «Джейн Эйр» на русский язык.

Ключевые слова: Ш. Бронте, роман «Джейн Эйр», перевод на русский язык, переводческая стратегия, переводческая задача, В. Станевич, И. Гурова, Библия, романтизм, аллюзия, цитата, английская литература, английская поэзия.

Т.А. Voronova

QUOTATION MATERIAL IN THE TRANSLATIONS OF THE NOVEL “JANE EYRE” BY CH. BRONTË INTO RUSSIAN LANGUAGE

The present article considers the two most popular translations of the novel “Jane Eyre” by Ch. Brontë into Russian language made by Vera Stanevich (1950) and Irina Gurova (1999). The research pays attention to the translation strategy and to the completion of the translator’s task when it comes to the transition of the quotations, literature references and allusions actively used by the author of the original text. The quotations and allusions used in the author’s text and in the main characters’ speech are taken, firstly, from the Bible (Old and New testaments) and, secondly, from the corps on the English classical literature, mainly poetry. The list of authors quoted by Ch. Brontë include mainly the poets whose works refer to the traditions of the English romanticism this or that way: W. Shakespeare, J. Milton, W. Scott, Th. Moore, S. Coleridge, J. Byron, Th. Campbell, J. Thompson etc., which let us conclude which trends in literature Ch. Brontë ranks herself among.

Different translation strategies and methods applied by Vera Stanevich and Irina Gurova to the quotations, refer-

ences and allusions in the novel are analyzed in comparative aspect mainly. It is noted that the completeness of translated quotation material in the novel are mostly reached in the translation by I. Gurova. This fact is explained by the absence of censorship restrictions of the Soviet time which V. Stanevich had to face while working on the translation.

Key words: Ch. Brontë, the novel "Jane Eyre", translation into Russian language, translation strategy, translator's task, V. Stanevich, I. Gurova, the Bible, romanticism, allusion, quotation, English literature, English poetry.

Роман Ш. Бронте «Джейн Эйр», изданный в 1847 году и принесший писательнице подлинную литературную славу, хорошо знаком русским читателям – прежде всего в переводах Веры Станевич (1950 г.) и Ирины Гуровой (1999 г.). Переводческое мастерство обеих бесспорно; однако при сравнении двух вариантов перевода нельзя не отметить тот факт, что полнота оригинального текста в большей степени передана И. Гуровой. То, что работа ее предшественницы пришлась на совсем иную эпоху, объясняет многое: «Перевод Станевич бережно сохраняет авторский стиль... однако все же не свободен от некоторых пропусков. В частности, в советских переводах <...> рассуждения на тему религии – совсем не случайные для Шарлотты Бронте, дочери священника, – подвергаются цензуре. Там, где религиозные фрагменты не опущены, Станевич смягчает их, прибегая к более общей форме» [1]. Приведенное замечание А. Дивавиной можно отнести также к выдержкам из библейских текстов, к которым Ш. Бронте прибегает в романе (в виде прямой или трансформированной цитаты) около 30 раз.

Перевод И. Гуровой ставит перед собой задачу восполнить пробелы, имеющиеся в предшествующем варианте: «...Главной его чертой является отсутствие пропусков и максимальное соответствие оригинальному произведению. Гурова следует за Бронте практически слово в слово... Перевод можно смело рекомендовать тем, кто хочет познакомиться с текстом «Джейн Эйр» без купюр и узнать героиню такой, какой ее задумала Бронте» [1].

Приведенное утверждение о переводе И. Гуровой следует применить также к аллюзивному и цитатному материалу, который используется Ш. Бронте весьма изобильно. В этом плане роман «Джейн Эйр» представляет собой одновременно и абрис читательских предпочтений самой Шарлотты Бронте, и литературный «срез» современной ей эпохи. Примечательно, что приводимые ею цитаты, хотя и заключены в кавычки как элементы «чужого» текста, органично вплетаются в текст романа и практически нигде не сопровождаются упоминанием имени автора: Ш. Бронте как будто рассчитывает на осведомленность аудитории или же на то, что литературный «фон» и вкусы читателя и романистки совпадут.

Что касается самих текстов и авторов, которые цитируются в романе «Джейн Эйр», то их список и выбор Ш. Бронте также заслуживает внимания и вряд ли может считаться случайным. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Как уже было сказано выше, первое место в романе занимают цитаты из Библии, причем Ветхий и Новый заветы важны для Ш. Бронте в равной степени. В тексте романа присутствуют отсылки к таким библейским книгам, как: Евангелие (цитируются все четыре), Деяния апостолов, 1-е послание к Коринфянам, Откровение, Псалтирь, Книга Бытия, Исход, Книга Иова, 1-я книга Царств, Книга пророка Даниила. Столь внушительный библейский «слой» объясняется не только биографией и религиозными воззрениями самой Ш. Бронте, но и системой персонажей (в том числе и «закадровых»): шестеро (!) из них являются священниками; отец главной героини скончался, исполняя долг пастора.

Перечисленные книги Ветхого и Нового завета могут цитироваться героями романа или встречаться в речи автора. Каким образом решается в этом случае переводческая задача?

В. Станевич не может опустить подобные цитаты, если они являются элементом речи персонажей: так, фразы из Нового завета звучат в ее переводе в речи Элен Бёрнс (в переводе Гуровой – Хелен), мистера Брэхльхерста, Сент-Джона Риверса и т.д. Разумеется, по тому же пути следует и И. Гурова. Стратегия обеих переводчиц совпадает и в том случае, если цитата из Библии оказывается в значительной степени смыслообразующим элементом текста. Показательная в этом отношении 26 глава романа – разоблачение мистера Рочестера как потенциального двоеженца. Глава завершается внутренним монологом героини, в котором цитируются 21 и 41 псалмы, а также упоминается смерть египетских первенцев (эпизод из Книги Исхода). В обоих переводах эти элементы текста присутствуют. К примеру, у Станевич: «Все мои надежды убиты... как были убиты в одну ночь все первенцы

в Египте» [2, с. 323]; у Гуровой: «Все мои надежды... уничтожены тайным роком, подобным тому, который однажды ночью поразил всех первенцев в земле Египетской» [3, с. 167].

Подобным образом вводится в текст обоих вариантов перевода и косвенная цитата из книги Деяний апостолов: в переводе Станевич – «я... подобно Феликсу, отсрочила свои размышления до более подходящего случая» [2, с. 59]; в переводе Гуровой – «подобно Феликсу, я отложила решение вопроса на потом» [3, с. 31]. Однако в ловудских главах Ш. Бронте обращается к книге Деяний несколько чаще, что совершенно не отражено в переводе В. Станевич. В частности, описание воскресных вечеров в Ловуде в ее версии выглядит так: «Сон настолько овладевал младшими девочками, что они валились со своих скамеек и их поднимали полумертвыми от усталости» [2, с. 64]. Однако в оригинале романа содержится довольно подробный (и, надо сказать, несколько ироничный) пересказ новозаветного эпизода, который отражен только в переводе И. Гуровой: «Часто младшие девочки вносили некоторое разнообразие, уподобляясь Евтиху, который упал из окна во время проповеди апостола Павла, – они засыпали и падали, правда, не с «третьего жилья», но с четвертой скамьи, и их поднимали полумертвыми от утомления» [3, с. 34]. Данный перевод несколько расширен по сравнению с оригинальным текстом: у Шарлотты Бронте он пронизан еще большим сарказмом, однако «проповедь апостола Павла» и подробности падения Евтиха из окна ею не упоминаются. (Отметим в скобках, что это не единственный пример подобного рода.)

В том случае, если цитату из Библии можно оставить без перевода, В. Станевич идет по пути наименьшего сопротивления и выдает такую фразу якобы за авторский текст. Примером может послужить отрывок из 18 главы, в которой описывается игра в шарады, когда мистер Рочестер и Бланш Ингрэм изображают Елеазара и Ревекку. В оригинале Ш. Бронте «вплетает» в текст романа фразу из Книги Бытия (24:18), которая сохраняется и в переводе И. Гуровой: «Она «тотчас спустила кувшин свой на руку свою и напоила его» [3, с. 103] (в оригинале – ‘She hasted, let down her pitcher on her hand and gave him to drink’ [5, с. 161]). У В. Станевич читаем: «Она поспешно опустила руку с кувшином (куда? – Т.В.) и дала ему напиться» [2, с. 198].

Помимо Библии, Ш. Бронте активно цитирует – прямо или косвенно – представителей британской литературы, преимущественно поэтов, причем в список избираемых ею авторов входят как ее старшие современники (С. Кольридж, В. Скотт, Т. Мур, Т. Кэмпбелл, Дж. Байрон), так и литераторы предшествующей эпохи (У. Шекспир, Дж. Мильтон, Дж. Томпсон, Дж. Беньян). И если аллюзия на «Путешествие пилигрима» Беньяна является своего рода продолжением «библейской линии», то все прочие авторы, перечисленные нами, так или иначе связаны с одним и тем же литературным направлением – английским романтизмом. С этим течением связаны, как ни странно, имена Мильтона и Шекспира: поэма первого «Потерянный рай» (к которой обращается и Ш. Бронте в романе «Джейн Эйр») стала источником вдохновения для многих поэтов-романтиков; творчество второго, несколько утратившее популярность в эпоху классицизма, в период романтизма было возведено практически в эстетический культ [4]. Иными словами, Ш. Бронте с помощью цитирования «встраивает» свой роман в парадигму английского романтизма, при этом не упоминая ни одной из фамилий прославленных поэтов.

В. Станевич в своем переводе придерживается этого же принципа; однако в ее русскоязычной версии романа иной раз исчезают и сами цитаты. Так, цитата из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» («Тут слезы пролила она» [3, с. 93]; в оригинале – «Some natural tears she shed» [5, с. 145]) превращается у переводчицы в простое «она расплакалась», а фразы из «Макбета», «Отелло», «Короля Лира» и «Гамлета», которые нередко звучат в репликах мистера Рочестера, в переводе Станевич теряются полностью, и «шекспировский» элемент интертекста до русскоязычного читателя не доходит в принципе.

И. Гурова, с одной стороны, не стремится обозначить как цитату каждую фразу из Шекспира или поэтов-романтиков, встречающуюся в романе Ш. Бронте; однако в целом очерчивает данную интертекстуальную линию более четко, чем ее предшественница. Так, цитаты из Мильтона в переводе Гуровой сопровождаются упоминанием фамилии поэта и персонажей его знаменитой поэмы, которое отсутствует у Ш. Бронте («вставки» и добавления переводчика выделены нами.): «*Подобно мильтоновским Адаму и Еве*, «тут слезы пролила она» [3, с. 93]; «Этот бледный полумесец был «подобием монаршего венца», осеняющего «форму, что формы лишена», *о которых говорил Мильтон в «Потерянном рае*» [3, с. 71]. В оригинале читаем: «Some natural tears she shed on being told this» [5, с. 145]; «This pale crescent was ‘the likely of kingly crown’; what is diademed was ‘the shape which shape had none’» [5, с. 110]. В переводе В. Станевич последняя фраза сохраняет «мильтоновские» элементы (они взяты в кавычки), но без отсылки к автору исходного текста, представляя собой

определенную загадку для русскоязычного читателя: «Это кольцо было как бы «подобьем царственной короны», и оно венчало «ту форму, что формы не имеет» [2, с. 136].

Аналогичным образом И. Гуровой вводятся в текст перевода цитаты из Шекспира, употребляемые в речи главными героями романа и полностью исчезающие из перевода В. Станевич, как было сказано выше. Рассмотрим три наиболее характерных примера.

1) В оригинале: ‘Yes – “after life’s fitful fever they sleep well,” I muttered [5, с. 92].

В переводе И. Гуровой: «–Да... «От лихорадки жизни отсыпаясь», – произнесла я вполголоса *слова Макбета*» [3, с. 59].

В переводе В. Станевич: «Да... «После жизни огневой их крепок сон...» – пробормотала я» [2, с. 114].

2) В оригинале: ““And was that the head and front of his offendings?” demanded Mr. Rochester” [5, с. 108].

В переводе И. Гуровой: «– И в этом вся его вина? – осведомился мистер Рочестер, *используя слова Отелло*» [3, с. 69].

В переводе В. Станевич: «– И это главное, чем он обижал вас? – спросил мистер Рочестер» [2, с. 134].

3) В оригинале: ‘I might as well “gild refined gold” [5, с. 230].

В переводе И. Гуровой: «– С тем же успехом я мог бы «золото позолотить», *как сказано у Шекспира*» [3, с. 147].

В переводе В. Станевич: «Может быть, ты хочешь сказать, что золото не нуждается в позолоте?» [2, с. 285].

Что касается перевода и введения в русскоязычный текст романа других стихотворных цитат (например, из Томаса Мура, Вальтера Скотта или Сэмюэля Кольриджа), то и В. Станевич, и И. Гурова придерживаются одинаковой стратегии: цитаты присутствуют в тексте, но авторы приведенных строк не упоминаются.

Таким образом, мы видим, что задача переводчика при передаче не просто художественного текста, а интертекста может решаться в различном ключе; во многом это зависит от выбранной переводчиком стратегии, а также от внешних обстоятельств, в которых создается перевод. Частичный или полный отказ от включения в перевод цитатного и аллюзивного материала и некоторое «расширение» исходного текста за счет внесения дополнительной информации, которая делает произведение более понятным для читателя и обеспечивает ему полноту понимания, – вот два магистральных подхода, которые мы наблюдаем в переводах В. Станевич и И. Гуровой.

Библиографический список

1. Аннотация к переводам: «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Рецензия Анны Дивавиной. URL: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-dzhejn-ejr-sharlotty-bronte/> (дата обращения: 19.03.2023).
2. Бронте Ш. Джейн Эйр / Пер. с англ. В. Станевич. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1992. 496 с.
3. Бронте Ш. Джейн Эйр / Пер. с англ. И. Гуровой. 2005. 254 с. Текст: электронный. URL: <https://adebiportal.kz/upload/iblock/d7c/d7c7dc6d64c91526b5defb935d9707a6.pdf> (дата обращения: 19.03.2023).
4. Английский романтизм // Электронная энциклопедия «Мир Шекспира». URL: <https://worldshake.ru/ru/Encyclopaedia/4193.html> (дата обращения: 14.05.2023).
5. Brontë Ch. Jane Eyre. Ware: Wordsworth Edition Ltd, 1999. 412 p.

References

1. Annotations to translations: “Jane Eyre” by Charlotte Brontë. A review by Anna Divavina. URL: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-dzhejn-ejr-sharlotty-bronte/> (date of application: 19.03.2023).
2. Brontë Ch. Jane Eyre / Translated by V. Stanevich. Moscow, 1992. 496 p.
3. Brontë Ch. Jane Eyre / Translated by I. Gurova. 2005. 254 p. Electronic text. URL: <https://adebiportal.kz/upload/iblock/d7c/d7c7dc6d64c91526b5defb935d9707a6.pdf> (date of application: 19.03.2023).
4. English romanticism // Electronic encyclopedia “The world of Shakespeare”. URL: <https://worldshake.ru/ru/Encyclopaedia/4193.html> (date of application: 14.05.2023).
5. Brontë Ch. Jane Eyre. Ware: Wordsworth Edition Ltd, 1999. 412 p.

УДК 81

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.87.75.011

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва
Канд. филол. наук, доцент кафедры русско-
го языка для иностранных учащихся фило-
логического факультета
Сергеева (Барсукова-Сергеева) О.М.
Россия, г. Москва, тел. +7 916 293 86 28
e-mail: barsom@bk.ru*

*Moscow State University named after M.V.
Lomonosov, Moscow
Candidate of philology, associate professor of
the Russian for foreigners department of the
philological faculty
Sergeeva (Barsoukova-Sergeeva) O.M.
Russia, Moscow, tel. +7 916 293 86 28
e-mail: barsom@bk.ru*

О.М. Барсукова-Сергеева

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВА В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

В статье представлены случаи метафорического употребления наименований близкого кровного родства в советской риторике идеологической направленности. Языковой материал собран в обширном временном диапазоне – от первых лет советской власти до ближайшей современности. Приведенные автором многочисленные примеры демонстрируют основные черты данного языкового явления и позволяют рассматривать его как явление системное. Высказывается утверждение, что важность родственных отношений в традиционном российском обществе создало естественные предпосылки для структурирования советского социума на основе модели большой, тесной и дружной семьи. Уделяется внимание историческому процессу значительного расширения лексической сочетаемости прилагательного «родной» как хотя не основного, но все же одного из обозначений родственных отношений. Указывается, что рассматриваемый языковой процесс был инициирован именно в сфере идеологии и получил дальнейшее распространение в других сферах. Прослеживается связь рассмотренных языковых явлений с особенностями русского национального характера, такими как стремление к расширению границ личного пространства и готовность включить в него далекие объекты. Проведенное исследование открывает значимость для нас многообразных и нередко весьма глубоких неформальных отношений, восходящих к родству как древнейшей и наиболее устойчивой форме человеческих связей.

Ключевые слова: метафора, наименования родства, идеологическая риторика, структурная модель, общественные отношения, прилагательное *родной*, лексическая сочетаемость.

О.М. Barsoukova-Sergeeva

METAPHORICAL USAGE OF NAMES OF KINSHIP IN SOVIET IDEOLOGICAL RHETORIC

In the article metaphorical usage of some terms of close blood relationships in soviet ideological rhetoric is discussed. The language material has been collected in extensive time range – from the thirteenth years of soviet power to the nearest time. Numerous examples given by the author demonstrate the main features of this language phenomenon and allow us to consider it as a system. The statement that the importance of close blood relationships in the traditional Russian society created the natural prerequisites for the structuring soviet society on the base of the model of a big close and friendly family is made in the article. The author also pays attention to the historical process of significant expansion of lexical compatibility of the adjective *native* as although not the main one, but one of the designations of kinship. It is indicated that the process under consideration was initiated precisely in the field of ideology and received further distribution in other spheres. The connection of the linguistic phenomena under consideration with some features of national character such as striving to expand the borders of the personal space and the desire to include in it some distant objects has been also traced in the article. This study opens the significance of various and often very deep informal relationships ascending to the blood relationships as the oldest and the most stable form of human connections.

Keywords: metaphor, terms of blood relationships, ideological rhetoric, structural model, social relations, adjective *native*, lexical compatibility

О родственных отношениях в традиционном русском обществе написано немало. Известно, что

русская система обозначений родства, в том числе некровного, представляет собой сложную и разветвленную систему [1]. Заметим, что даже факт наличия у русских отчества, по нашему мнению, говорит об определенной привязке к семейным отношениям. Этим мы отличаемся от других европейцев, у которых имя отца в одном из поколений могло фиксироваться и, формализуясь, переходить в разряд фамилий типа Эриксон, Фридрихсон и т.п.

Иностранец, в какой-то мере освоившийся в русском культурном пространстве, заметит, что мы активно употребляем наименования родства по отношению к людям, родными для нас не являющимся. Широко распространено употребление этих наименований в роли номинативов или апеллативов, например: *За столом сидела какая-то тетка в синем платье; Сынок, где тут автобусная остановка? Бабушка, вам помочь? Этот дяденька нам уже встречался.* Употребление терминов родства в таких функциях уже в значительной степени исследовано. Исследованы и некоторые типы метафорического употребления терминов родства [2].

В русском языке частотны в метафорическом употреблении такие наименования родства, как *мать* и *отец*. Одно из самых древних метафорических выражений такого рода встречается в Ипатьевской летописи, где Киев назван *матерью городов русских*. Существительное «отец» многозначно, и одно из его значений – «родоначальник». Этим значением мотивированы метафорические выражения типа *дедушка русского флота, отец русской космонавтики, отец русской демократии* и др.

Стали привычными в нашей культуре такие выражения, как *сын полка, дочь степей*. Эти метафоры давно утратили свою свежесть. Привычен и перифраз *братья наши меньшие* (о животных).

В данной статье рассматриваются два вопроса – о метафорическом употреблении наименований родства и о расширении сочетаемости прилагательного *родной* в идеологической риторике.

Метафорическое употребление терминов родства в советской идеологической риторике имеет давнюю историю. Яркую метафору такого рода встречаем еще у В. Маяковского: «Ленин и партия – близнецы-братья». Давно на слуху у нас и другие подобные метафорические выражения: *дедушка Ленин, октябрюта – внуки Ленина* и т.п. В них находит проявление ряд системных закономерностей, о которых пойдет речь ниже.

В советские годы формирование образов вождей пролетариата по степени идеализации чем-то напоминало канонизацию святых. Так складывался прежде всего образ Ленина. Однако отметим одну важную особенность народного мирозерцания: если святые в строгой церковной традиции вертикально дистанцировались от верующих, то простой народ бессознательно стремился приблизить их к себе, построить с ними неформальные отношения. Одновременно с почитанием святых на Руси происходило их обмирщение в народном сознании, так сказать «схождение с небес», и между ними и верующими завязывались отношения почти родственные. Это отмечено А.Д. Синавским: «...Никола рисовался в виде скромного, седенького старичка, который в лаптях, с посохом ходит по всей России. Либо сидит под деревом и плетет лапти. Словом, среди всех святых, почитаемых на Руси, Никола не только самый уважаемый святой, но и самый теплый, самый простой» [3; с. 214]. Нередко к святым обращались по-домашнему ласково: *Николушка, Матронушка* и т.п. Неудивительно поэтому, что «канонизация» Ленина включала стремление представить его глубоко своим для всех и каждого. Особенно задушевный образ вождя должен был сложиться в детской аудитории, для которой он стал добрым дедушкой.

Приведем отрывок из забытого стихотворения В.М. Саянова:

И снова вижу елку в Горках
Для деревенских малышей,
Старух в тулупах и опорках,
Приведших к Ленину детей,
Как будто к дедушке родному.

У «дедушки» Ленина довольно быстро появились «внуки». *Внуками вождя* называли пионеров и октябрат, членов детской коммунистической организации. У «внуков Ленина», был вожатый, который выступал для них в роли *старшего брата* и наставника.

Теплое отношение к вождю мирового пролетариата складывалось и у взрослого населения страны. Его ласково называли *наш Ильич*. Следует заметить, что именование только по отчеству, оставаясь почтительным, приобретает оттенок задушевной фамильярности. Такое именование вождя также получило распространение. Например, В. Бонч-Бруевич написал книгу для детей «Наш Иль-

ич», а в Москве еще при жизни Ленина появились топонимы *застава Ильича*, *площадь Ильича*. На Белорусском вокзале сохранилось до наших времен *Локомотивное депо имени Ильича*.

Если Ильич представлялся дедушкой, то Сталину отводилась роль отца. В одной из советских песен есть такие строчки:

Льется песня над полями

Про тебя, *отец родной*.

Это слава Сталину

Звенит над всей страной.

Таких песен в свое время было написано немало.

Имидж политических вождей складывался под влиянием национальных культурных традиций: если дедушка представляется добрым и ласковым (вспомним такую известную и везде упоминаемую деталь как «добрый ленинский прищур» – он тоже элемент образа дедушки), то отец – строгий и властный, он может миловать и наказывать.

Сталина называли *отцом народов*. Среди словарных значений существительного *отец* в этом случае подойдет одно – «глава семьи»; таким образом, союз советских республик представляется семьей, где народы – братья. У нас есть сочетание *братский народ*, причем братьями в советские времена оказывались не только славянские народы, но и представители далеких друг от друга ветвей человечества. И граждане не только союзных республик были нашими братьями, но и всех стран коммунистического лагеря. Таким образом, семья росла. Приведем примеры из советских газетных текстов:

Коммунистическая партия, руководствуясь заветами великого Ленина, сплотила народы СССР в единую семью.

Народы СССР формировались на протяжении многих веков из многочисленных племен и народностей... все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели...

Семья народов СССР — единый, нерушимый лагерь.

На полях сражений немцы встретились с единой семьей советских воинов, в которой рука об руку сражаются представители всех народов Советского Союза.

Образ семьи использовался для обозначения и других человеческих сообществ:

Да здравствует единая семья рабочих, инженеров и техников в общей борьбе за дело рабочего класса!

Хорошо прижилось в нашем языке заимствование из английского *twin cities*, которое перевели как *города-побратимы*. Так называли города из разных стран мира, которые были связаны отношениями дружбы и сотрудничества. Существительное *побратим* и глагол *побрататься* выражают некровные связи, эквивалентные родственным отношениям, установление которых, вообще говоря, характерно для русских.

Модель семейных отношений оказалась удобной и понятной при структуризации социума. Она была построена вполне убедительно и была способна выполнять цементирующую роль в обществе, включающем разнородные слои. Но главное – эта модель соответствовала коренным особенностям русской ментальности, сформированной традиционным обществом, в котором семейные отношения имели первостепенную значимость.

Идеология объединения советского общества на семейной основе находила проявление и в организации досуга и праздников для детей и взрослых. В этой связи рассмотрим еще один культурный феномен. Такие популярные персонажи, как Дед Мороз и Снегурочка, оказываются связанными семейным родством. Это дедушка и внучка. Известно, что наш традиционный Дед Мороз не сразу стал таким. В славянской мифологии существовало божество в образе седого старика с посохом, который бродит по лесам и полям и морозит все, что встречает на своем пути. Жестокий старик способен был до смерти заморозить человека. Со временем этот персонаж смягчился и постепенно превратился в доброго дедушку. В нем нашли отражение многие черты святого Николая Мирликийского, который прославился своей добротой и стремлением помочь всем нуждающимся. Стал добрее и соответствующий персонаж русских народных сказок. Теперь он замораживает только недостойных и осыпает подарками тех, кто, по его мнению, этого заслуживает.

Пара Дед Мороз и Снегурочка появилась в XX веке и активно функционировала в советские времена, после того как в Советском союзе снова было разрешено празднование Нового года. Происхождение новогодней Снегурочки не совсем понятно; известно только, что в русской сказочной традиции есть образ девочки из снега, которая внезапно оживает (этот сюжет был использован в пьесе

А.Н. Островского). Семейные связи Деда Мороза и Снегурочки не вызывали удивления у наших граждан; они были приняты как само собой разумеющиеся. Такое родство соответствовало общей идеологической концепции структурирования общества на основе модели семейных отношений.

Попутно отметим, что в русской художественной литературе встречаются оригинальные метафоры, связанные с семейным родством. Так, у Пушкина мы находим выражение *печальный пасынок природы*, а у Твардовского еще более неожиданную метафору – *солдат-сирота* (о солдате, у которого во время войны погибли жена и дети).

В 90-е годы базовые принципы организации советского общества были критически переосмыслены, и метафорическое употребление наименований родства приобрело иронический оттенок. В Интернете находим забавные частушки времен перестройки: *Перестройка – мать родная, Хозрасчет – отец родной, Не нужна родня такая, Лучшие буду сиротой*.

В наше время сложившийся близкий и теплый образ политического лидера времен Советского союза также становится объектом иронии. Так, в Интернете находим словосочетание «*Всесоюзный дедушка Михаил Иванович Калинин*». Иронически перефразировано выражение «всесоюзный староста», как обычно называли Калинина. Почему возможна такая игра слов? Потому что у Калинина была внешность доброго дедушки и существовала традиция уподобления политических деятелей старшим членам семьи. Еще один пример подобной иронии из того же источника: «Спасибо *дедушке Ельцину* за мое счастливое детство».

Сказанное свидетельствует о том, насколько органичны в русском языке метафорические употребления наименований родства в идеологическом и близком к нему контекстах.

Вторая часть статьи посвящена употреблению в идеологическом контексте прилагательного *родной* как хотя не основного, но все же одного из обозначений родственных отношений.

Словарь Ожегова фиксирует переносное значение прилагательного *родной*: «свой по рождению, по духу, по привычкам» [4]; таким образом, это значение опирается на семантическую оппозицию «свой-чужой». Есть основания полагать, что такое переносное значение слова сформировалось относительно недавно.

В советские времена прилагательное *родной* в таком значении значительно расширило свою сочетаемость. И вот мы имеем словосочетания *родной завод, родной коллектив, родная школа, родной ВУЗ, родной факультет*. О чем они говорят? О коллективизме, об обязательной принадлежности к определенной группе, потому что во всех этих случаях имеется в виду коллектив. Были возможны такие словосочетания, как *родная партия* («...тебе, родная партия»). Речь шла о сплоченности в духе, о духовном родстве, которое представляло собой структурообразующую основу советского общества.

Вернемся к образам вождей пролетариата, которые формировала советская идеология. К выше-сказанному можем добавить употребление прилагательного *родной* в сочетании с именами Ленина и Сталина. Например, племянница Ленина О.Д. Ульянова выпустила книгу воспоминаний о вожде, получившую название «*Родной Ленин*». В Интернете удалось отыскать старую песню, где есть такие строчки: «В городе Ульяновске жил *родной Ильич*». Сталину в свое время также были посвящены следующие строки: «Сегодня нашему *родному*, любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину исполняется шестьдесят лет». И в песне «Если завтра война...» Сталин также назван родным:

С нами Сталин *родной*, и железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов!

Нередки и совсем неожиданные сочетания, например: «Каховка, Каховка, *родная винтовка...*»

Процесс расширения сочетаемости прилагательного *родной*, начатый в сфере социалистической идеологии, приобрел далее весьма активный характер, вышел за рамки идеологии и продолжил свое развитие в наше время. Активно эксплуатируют это прилагательное создатели рекламы. Приведем примеры. «Вне *родных квадратных метров*» – так назван комедийный телесериал, созданный в 2001 году. Пятый канал телевидения обозначен как *родной*. Также есть телеканал *Родное кино*. В Интернете обнаружена реклама такого рода (цитируем буквально): «Консервы *"Родные Корма"*. Вашему любимцу»; «Родная связь — услуги осужденным и их родственникам»; «Международная газета *"Родная газета"* – о поиске своей второй половины, сохранения в семьях навечно любви...»

В нашем языке есть еще одно значение слова *родной*. Оно возникло сравнительно недавно, зафиксировано в словаре молодежного сленга и популярно среди айтишников и автолюбителей. Род-

ной называют комплектующую часть изделия (автомобиля, компьютера и т.п.), стоявшую изначально, в отличие от подходящей, но другой модели или фирмы. Примеры употребления: «Чем заменить *родные колеса* на ГАЗ 24?»; «Можно ли использовать для ноутбука *неродной блок питания*?»; «*Родной радиатор* предлагают приобрести за 15 тыс. рублей» и т.п.

Сочетаемость прилагательного *родной* приобрела поистине удивительные масштабы, а начало процесса, повторим, было положено в сфере социалистической идеологии.

В недавние времена вошел в обиход оборот *как неродной*, употребляющийся по отношению к людям, не состоящим в родстве с говорящим. В этом обороте прилагательное *родной* выступает как член семантической оппозиции «свой – чужой». Вот примеры его употребления в литературе.

1. « – Слушай, что-то мы с тобой всё как не родные? – спросил Шура. – Ты вечером что делаешь? Может, посидим где? Пивка, рыбки... а?» (Волос А. Недвижимость // «Новый Мир», 2001);

2. «Как не родной, гад! – думает с обидой Клёкотов (Слаповский А. Гибель гитариста);

3. «Потом приходит ко мне один ханыга с нашего завода, Афанасий, говорит: «Что же ты, как неродной ходишь? (Амлинский В. Мальчишки без девчонок // «Юность», 1971).

Оппозиция «свой-чужой» формирует и семантику таких дериватов местоименного прилагательного *свой*, как глаголы *осваивать*, *усваивать*.

Приведенные нами языковые факты позволяют говорить о некоторых психологических особенностях нашего народа, которые находят проявление в языке. Отметим в этой связи стремление к расширению границ личного пространства и готовность включить в него даже очень далекие объекты. Названная особенность выявляет важные черты национального характера, в том числе душевность и открытость русского человека. В языковом сознании русских на первом месте оказываются не столько действительно родственные, сколько эмоциональные связи и добрая теплота отношений, напоминающих семейные. В нашем языке открываются многообразие, глубина и значимость неформальных отношений, восходящих к родству как к наиболее устойчивой форме человеческой общности.

Библиографический список

1. Казаченко Б.Н. Русское родство: прошлое и настоящее. М.: Флинта, 2010. 304 с.
2. Ахметова М.В. Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке) // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 13. Спб.: МАЭ РАН, 2012. С.111 – 147.
3. Синявский А.Д. Иван-дурак. Очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. 463 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1975.

References

1. Kazachenko B.N. Russian kinship: Past and Present. Moscow, 2010. 304 p.
2. Akhmetova M.V. Cities as Relatives (About One Type of Metaphorical Usage of Terms of Kinship in Russian) // Kinship Algebra. Kinship. Kinship Systems. Systems of Kinship Terms. Vol. 13. St. Petersburg, 2012. Pp. 111 – 147.
3. Sinyavskiy A. Ivan the Fool. An Essay of the Russian Folk Faith. Moscow, 2001. 463 p.
4. Ozhegov S. I. Dictionary of Russian Language. Moscow, 1975.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.351.22

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.23.52.012

*Тегеранский государственный университет,
Факультет иностранных языков
аспирант кафедры русского языка и литературы
Моджтаба Захраи
Иран, г. Тегеран
e-mail: mojtaba.zahraei7@alumni.ut.ac.ir*

*University of Tehran, Faculty of Foreign Languages
Postgraduate Student
Mojtaba Zahraei
Iran, Tehran
e-mail: mojtaba.zahraei7@alumni.ut.ac.ir*

*Тегеранский государственный университет,
Факультет иностранных языков
кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы
Хоссейн Голами
Иран, г. Тегеран
e-mail: hgholamy@ut.ac.ir*

*University of Tehran, Faculty of Foreign Languages
Candidate of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature
Hossein Gholami
Iran, Tehran
e-mail: hgholamy@ut.ac.ir*

М. Захраи, Х. Голами

ПРЕПОДАВАНИЕ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА В ФОРМЕ УПРАЖНЕНИЙ СТУДЕНТАМ, ИЗУЧАЮЩИМ РУССКИЙ ЯЗЫК В ИРАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

В данной статье анализируется важность упражнений при обучении навыкам письменного перевода с персидского языка на русский язык в иранских университетах. Здесь рассматривается преобладающий метод ведения уроков, связанных с письменным переводом, и делается попытка внести предложения по улучшению и повышению эффективности ведения данных уроков. Переводческая деятельность имеет очень долгую историю, но переводоведение – относительно новая академическая область, изучающая переводный текст, процесс перевода и роль перевода в разных обществах и в разные исторические эпохи. Работ по обучению письменному переводу немного, а если и есть, то в основном теоретического характера: в некоторых представлены только тексты, относящиеся к определенной области.

В наше время чрезвычайно важно иметь возможность мгновенного доступа ко всем видам специализированных, технических, а также общих переводов для удовлетворения потребностей переводческой отрасли и рынка труда. Эта возможность может быть достигнута только в том случае, если мы будем полагаться на работу профессиональных и опытных переводчиков и на эффективные результаты их обучения. Поэтому обучение навыкам перевода и его связь с образовательными инновациями будут непосредственно влиять на переводческую отрасль и ее продвижение. Основной темой, обсуждаемой в данной статье, является исследование эффективных упражнений для проведения письменных уроков по переводу с персидского на русский язык и обучение переводчиков с помощью новых методов.

Ключевые слова: письменный перевод, обучение, персидский язык, русский язык, упражнение, иранские вузы.

М. Zahraei, H. Gholami

TEACHING WRITTEN TRANSLATION IN THE FORM OF EXERCISES TO STUDENTS STUDYING RUSSIAN IN IRANIAN UNIVERSITIES

This article analyzes the importance of exercises in teaching the skills of written translation from Persian into

Russian in Iranian universities. Here, the prevailing method of teaching lessons related to written translation is considered, and an attempt is made to make suggestions for improving and increasing the effectiveness of teaching these lessons. Translation activity has a very long history, but translation studies is a relatively new academic field that studies the translated text, the process of translation and the role of translation in different societies and in different historical eras. There are few works on teaching translation, and if there are, they are mostly theoretical in nature, and some present only a few texts related to a particular field.

Nowadays it is very important it is to be able to have instant access to all types of specialized, technical as well as general translations in order to meet the needs of the translation industry and the labor market. This opportunity can only be achieved if we rely on the work of professional and experienced translators and the effective results of their training. Therefore, training in translation skills and its connection with educational innovations will directly influence the translation industry and its promotion. The main topic discussed in this article is the study of effective exercises for conducting written lessons in translating from Persian into Russian and teaching translators using new methods.

Keywords: written translation, teaching, Persian language, Russian language, exercise, Iranian universities.

При ведении курсов, связанных с письменным переводом с персидского языка на русский или на любой другой язык, следует учитывать, что невозможно научить студентов всем тонкостям и нюансам перевода, дав им материал только в виде учебников или книг. Формат, при котором студенты работают с несколькими короткими или длинными текстами в разных областях, недостаточно эффективен. Этот традиционный метод следует изменить и попытаться улучшить качество обучения письменному переводу с новым подходом к методам обучения.

В большинстве случаев учебников по письменному переводу не предоставляется совсем либо используются небольшие пособия, составленные самими преподавателями, но в них имеются недостатки и они не являются исчерпывающими. Кроме того, в данных пособиях нет конкретных упражнений на отработку определенных тем, хотя по некоторым темам (религиозным, техническим, энергетическим и др.) существуют хорошие словари, которые могут быть полезны студентам.

Одним из недостатков, которые можно отметить, является отсутствие объяснения и описания теории перевода на занятиях по обучению письменному языку. Преподавание теории языка и перевода на фарси для студентов-бакалавров более эффективно и логично, чем изложение и введение учебников и книг по теории перевода на русском языке, потому что чтение этих книг и учебников для студентов равносильно переводу. Но этот метод считается малоэффективным. Преподавателям по переводу следует активнее использовать имеющиеся персидские ресурсы для преподавания теории перевода, они должны собирать материалы на персидском языке для создания систематизированного учебника.

При традиционном методе обучения студенты обычно переводят текст и читают его в классе. Текст, который дается преподавателем, не нацелен на конкретную тему обучения, он не учитывает навыки письменного перевода, имеющиеся у определенной группы студентов, излагается в общем виде; проводится только поверхностный анализ некоторых предложений и вариантов, предложенных учащимися. Хотя можно было бы разработать упражнения для каждого навыка, связанного с письменным переводом – например, специальное упражнение для поиска эквивалентов терминов (при этом, конечно, приемы и методы поиска эквивалентов должны быть объяснены в теории и на практических занятиях). Но в большинстве случаев обращается внимание только на правильность или неправильность найденных эквивалентов и наличие грамматических ошибок.

Что касается видов упражнений, то их номинация в большинстве исследований обусловлена целевой установкой на овладение знаниями, формирование навыков и развитие умений письменного перевода. Например, по мнению Л.К. Латышева, на предпереводческом этапе целесообразно использовать упражнения, направленные на развитие навыков выявления и систематизации переводческих ошибок путем сопоставительного анализа оригинала и конечного продукта, в результате чего у будущих специалистов формируются представления о требованиях к качественно выполненному переводу. Необходимость начинать подготовку переводчиков с развития умений корректировочной деятельности автор обосновывает тем, что именно в этом случае у преподавателей и обучающихся вырабатываются единые критерии оценки перевода [1; с. 171].

На наш взгляд, вместо оценки переведенных текстов разной тематики следует оценивать переводческие навыки и умения каждой группы учащихся при помощи заранее подготовленных тестов, а по результатам этого тестирования - оценивать положительные и отрицательные моменты в их переводах. Для того, чтобы стать хорошим переводчиком, простой перевод текстов, без предварительных знаний и без какой-либо подготовки в области теории перевода, не будет иметь положительного эффекта, а иногда приведет к тому, что студент откажется от письменного перевода.

В целом упражнения, связанные с письменным переводом, делятся на три группы: а) предпереводческие, б) переводческие, в) послепереводческие.

Предпереводческие упражнения. Предпереводческие упражнения применяются на начальном этапе обучения и включают в себя комплекс интерпретационных упражнений и заданий [2; с. 59]. Предпереводческие упражнения имеют целью создать условия для успешного осуществления переводческого процесса, создать необходимую коммуникативную установку, проверить наличие у студентов языковых и фоновых знаний, показать им, как решаются типовые переводческие задачи опытными высококвалифицированными переводчиками. Основными упражнениями этого типа являются: сопоставление параллельных текстов на ИЯ и ПЯ с целью выявления их различий; сопоставление опубликованных переводов с оригинальными текстами и критический анализ использованных переводчиком методов и приемов; ответы на вопросы к тексту, проверяющие глубину понимания и наличие необходимых фоновых знаний; обсуждение концепций, лежащих в основе содержания текста и связанных с ними терминов и понятий; различные задания по совершенствованию владения языком перевода (составление синонимических рядов и дифференциация значений синонимов, стилистическая оценка предлагаемых вариантов, перефразирование высказываний, выступления на заданную тему и пр.) [3; с. 361].

Начинать обучение необходимо с сопоставительного анализа слов и их значений. Данные задания фокусируют внимание на том, какие языковые средства реализуют типологические параметры текста в каждой лингвокультуре и являются наиболее значимыми, поскольку представляют собой сопоставление доминантных характеристик значений конкретного типа в контактирующих лингвокультурах. Учащимся предлагается дать варианты перевода найденной в тексте лексики, терминов, клише, тематически ориентированной лексики, а также указать тип переводческого соответствия (эквивалент, вариативное соответствие, контекстуальный аналог) и объяснить свой выбор.

Упражнения для развития переводческих навыков с учетом вариативности переводческих решений являются вторым этапом. Они направлены на обучение умениям применять в процессе перевода определенные приемы и устанавливать их уместность и меру, а также включают в себя задания на совершенствование языковых компетенций. Также важным заданием является определение автора/источника и реципиента текста, коммуникативной задачи и информационного состава текста, его композиции, так как именно эти параметры определяют вербальные средства оформления текста и детерминируют последующие переводческие действия. Такой тип задания подходит для аудиторных занятий. Дополнительным заданием является лексический и синтаксический анализ текста. Это позволяет выбрать наилучший алгоритм действий в процессе перевода [4; с. 324].

Еще одно упражнение, более важное для учителя и очень полезное для общей оценки переводческих навыков учащихся, включает серию коротких предложений, в которых намеренно используются всевозможные грамматические, стилистические, семантические и т. д. ошибки, чтобы учитель мог сосредоточить внимание на их исправлении. Следует отметить, что это упражнение лучше делать первым. Примеры подобных фраз:

1. Основная цель обучения иностранных языков – формирование коммуникативной компетенции.
2. Алгоритм внесения в черный список.
3. В Индонезии более ста детей умерли из внезапного отказа почек.
4. Большинство крупных продуктовых магазинов Нюрнберга работают с понедельника по субботе.
5. Для Ирана, находящийся под нефтяными санкциями США, программа очень выгодно.

Студенты должны обратить внимание на данные предложения и найти и исправить ошибки. Либо некоторые упражнения могут быть представлены в виде теста для общей оценки знаний учащихся по грамматике. Например:

آنتون شرکت ایرانی را مدیریت می کند.

- а) Антон управляет иранскую компанию.
- б) Антон управляет иранской компанией.
- в) Антон управляет иранской компании.

وجوه سایر متقاضیان به حساب آنها بازگردانده می شود.

- a) Средства других заявителей будут возвращены на их счет.
- б) Средства других заявителей будут возвращены на их счете.
- в) Средства других заявителей будут возвращены на их счету.

او همه رمان هایش را با دست می نوشت.

- a) Он писал все свои романы с руками.
- б) Он писал все свои романы от руки.
- в) Он писал все свои романы на руках.

Для оценки других языковых навыков также следует разработать специальные упражнения. Например, для проверки стилистических ошибок можно использовать следующие тесты .

تاجیکستان پروازهای منظم خود به ایران را از سر گرفت.

- a) Таджикистан возобновляет регулярные рейсы в Иран.
- б) Таджикистан начинает заново регулярные рейсы в Иран.
- в) Таджикистан снова запускает регулярные рейсы в Иран.

شرکت متعهد می شود که هنگام انعقاد قرارداد مشمول هیچ یک از ممنوعیت های مندرج در قانون نمی باشد.

- a) Компания дает слово, что на нее не будут распространяться какие-либо запреты, установленные законом при заключении договора.
- б) Компания обещает, что на нее не будут распространяться какие-либо запреты, установленные законом при заключении договора.
- в) Компания обязуется, что на нее не будут распространяться какие-либо запреты, установленные законом при заключении договора.

Переводческие упражнения. Основная цель переводческого этапа – обучение использованию важнейших способов и приемов перевода. Переводческие задачи направлены на использование трансформаций, установление межъязыковых соответствий, поиск необходимых эквивалентов, использование словарей, справочников и других информационных ресурсов. Вообще переводческие упражнения выполняются именно на этапе перевода и имеют теоретико-прикладной, практический характер. Теоретические знания, полученные на первом этапе, подлежат реализации в виде выполнения практических задач, при этом они имеют единый характер и преподносятся в виде комментариев и прочих пояснений к выполнению упражнений.

К группе лексических заданий относятся упражнения на сопоставительный анализ клишированных формул, терминов, тематически ориентированной лексики. Лексико-грамматические упражнения направлены на преодоление трудностей, связанных с языковыми формами и структурами исходного языка. Стилистические упражнения формируют умение передавать стилистически маркированные значения слов в исходном языке. Сразу необходимо выделять в тексте стилистически маркированную лексику, затем учащиеся сами должны находить в тексте такие единицы. Завершающим заданием на втором этапе обучение является непосредственно перевод текста [5; с. 147]. Собственно переводческие упражнения можно поделить на:

языковые, формирующие и развивающие умения решать переводческие задачи, связанные с особенностями семантики и употребления определённых типов языковых единиц в ПЯ (подразделяются на лексические, фразеологические, грамматические и стилистические);

операционные, отрабатывающие умения применять различные трансформации и приёмы перевода;

коммуникативные, формирующие умения выполнять необходимые коммуникативные действия, входящие в переводческий процесс [6; с. 24].

Рассмотрим пример упражнений, целью которых является ознакомление студентов с тем, как находить термины, относящиеся к разным дисциплинам. Студент должен перевести только термин в предложении, а не все предложение, и найти точный эквивалент термина в данном контексте:

1. قوی بودن تیزاب سلطانی و قدرت خوردنگی بالای آن سبب شد تا در بازیابی فلزات گرانبها نام و نشانی برای خود دست و پا کند.
2. زیان انباشته، در صورت های مالی، از جایگاه ویژه ای برخوردار می باشد.
3. آموزش دریبل در موقعیت 1 در مقابل 1
4. سواپ گاز بین ایران و روسیه تا پایان سال اجرایی می شود.

После этого практического примера, который восходит к навыкам, предшествующим переводу, мы перейдем к навыкам перевода, которые заключаются в переводе предложений и коротких текстов, относящихся к различным областям знания. На этом этапе студенты знакомятся с разными словарями, синонимами, антонимами, паронимами и другими инструментами перевода, а также с тем, как искать слово и проверять его, улучшая тем самым свои навыки перевода посредством практики и повторения. Изучение и анализ переведенных текстов различного стиля может быть первым в серии упражнений по переводу. Изучая такие тексты, студенты лучше знакомятся с различными проблемами перевода, которые также требуют теоретического объяснения. Конечно, следует отметить, что начальные упражнения начинаются с легких и постепенно усложняются. При подобном методическом подходе упражнения должны быть построены таким образом, чтобы их выполнение казалось легким. Если упражнение оказывается явно сложным для нескольких человек в группе, его надо упростить. Подспудно при таком обучении у студента должна сформироваться уверенность в том, что он выше среднего уровня, на который рассчитаны упражнения и к которому, видимо, принадлежит и сам преподаватель. Это дает максимальный эффект [7; с. 32].

Послепереводческие упражнения. К упражнениям третьего этапа относятся контрольно-коррекционные задания на формирование умений подвергать созданный перевод критическому анализу с целью устранения допущенных ошибок. На начальном этапе студентам необходимо анализировать ошибки в чужих текстах, так как обучающийся пока что не в состоянии критически оценивать свой перевод. Последний вид контроля – демонстрационный перевод, так называемая «защита перевода», когда в аудитории слово предоставляется одному студенту, который защищает свой перевод: он проводит предпереводческий анализ текста, объясняет свои переводческие действия, объясняет причины переводческих приемов, аргументирует мотивированность переводческих трансформаций. Роль преподавателя в этом случае – только направлять дискуссию в нужное русло. Таким образом, учащиеся поочередно бывают в роли критика и критикуемого, следовательно, они не боятся ошибиться, смело высказывают свое мнение и учатся не только находить и устранять недочеты перевода, но и вскрывать их причины, что с точки зрения методики является более результативным, так как позволяет избежать повторных ошибок [8; с. 231].

После этого шага мы переходим к этапу редактирования перевода текстов и предложений. Целью корректировочных упражнений является развитие умений поиска и коррекции смысловых искажений и неточностей, а также ошибок, связанных с нарушением норм и узуса языка перевода. Студенты могут работать как индивидуально, так в парах и группах. В ходе выполнения данных упражнений, они проводят постпереводческий анализ текста, выявляя различные типы ошибок в собственном и других переводах [9; с. 160]. Преподаватели перевода могут обучать студентов советам по редактированию, выбирая образовательные ресурсы, используя опыт переводчиков и авторов [10; с. 40].

Для подготовки переводчиков необходимо выполнять различные виды деятельности – такие, как: переписывание текста по правилам с инструкциями, касающимися стиля письма; переписывание текста для другой аудитории и с другими целями (перевод на языке оригинала), реферирование длинных текстов; рецензирование и перевод культурологических текстов. Необходимые навыки должны преподаваться сначала на родном языке, а затем на иностранном языке [11; с. 214]. Упражнения на данном этапе направлены на формирование умений редактировать и критически анализировать как собственный перевод, так и перевод, выполненный другим человеком. В качестве примера приведем следующие упражнения:

- 1) Сравните переводы и объясните с аргументами, какой из них вам кажется наиболее удачным.
- 2) Найдите и исправьте ошибки в переводе, который, по вашему мнению, не удачный.
- 3) Сравните перевод с профессиональным переводом и объясните различия.

Здесь мы ссылаемся на один из образцов экзамена по письменному переводу с персидского на русский. Этот вид экзамена разработан для студентов последнего курса, изучающих русский язык. в одном из университетов Ирана с учетом трех видов переводческих упражнений, которые мы рассмотрели в данной статье. Вместо того, чтобы давать маленький текст (традиционный метод), следует провести новую оценку навыков письменного перевода учащихся.

1. Выберите правильный вариант ответа.

دانشمندان روش اقتصادی جدیدی را برای پردازش پروسکایت پیشنهاد کرده اند.

- a) Ученые предложили новый экономический метод обработки перовскита.
- б) Ученые предложили новый экономичный метод обработки перовскита.
- в) Ученые предложили новый экономный метод обработки перовскита.

Для выполнения этого задания студент должен быть знаком с термином «пароним», чтобы иметь возможность выбрать правильный ответ.

اپیدمی در روسیه را نمی توان پایان یافته دانست.

- a) Эпидемию в России нельзя считать завершенной.
- б) Эпидемия в России нельзя считать завершенную.
- в) Эпидемии в России нельзя считать завершенным.

Для выполнения этого задания студент должен знать управление глагола «считать». Этот вопрос оценивает знание грамматики учащимся.

سوئد متعهد می شود 48 میلیون دلار اضافی به یونسکو برای تقویت همکاری های استراتژیک اختصاص دهد

- a) Швеция дает слово выделить ЮНЕСКО дополнительные 48 млн. долларов на укрепление стратегического сотрудничества
- б) Швеция обязуется выделить ЮНЕСКО дополнительные 48 млн. долларов на укрепление стратегического сотрудничества
- в) Швеция обещает выделить ЮНЕСКО дополнительные 48 млн. долларов на укрепление стратегического сотрудничества

تاجیکستان پروازهای منظم خود به ایران را از سر گرفت.

- a) Таджикистан начинает заново регулярные рейсы в Иран.
- б) Таджикистан возобновляет регулярные рейсы в Иран.
- в) Таджикистан снова запускает регулярные рейсы в Иран.

Приведенные выше два задания касаются стиля речи.

در کل ماه دسامبر، تمامی خریداران از 10 درصد تخفیف برخوردار می شوند.

- a) Весь декабрь для всех покупателей присутствует скидка в размере 10%.
- б) Весь декабрь для всех покупателей существует скидка в размере 10%.
- в) Весь декабрь для всех покупателей действует скидка в размере 10%.

نحوه یادگیری سریع شنا قورباغه

- a) Как быстро научиться плавать брассом.
- б) Как быстро научиться плавать лягушачьим.
- в) Как быстро научиться плавать кролем.

Здесь переводчик не должен обманываться дословным переводом. Такие ошибки спровоцированы т.н. «ложными друзьями переводчика».

2. Найдите ошибки и исправьте их. (3.5)

سازوکار وارد کردن در لیست سیاه

Алгоритм внесения в черный список

В этом предложении следует отметить, что после слова «внесение», которое образовано от глагола движения «внести», должно стоять существительное в винительном падеже.

آموزش زبان خارجی از صفر

Обучение иностранного языка с нуля

В этом предложении есть грамматическая ошибка. Иранские студенты по причине языковой интерференции при согласовании слова «обучение» с управляемым словом могут путать родительный падеж и дательный падеж.

دانشمندان بر این عقیده اند که آدم شاد سریعتر رشد می کند.

Ученые считают, что радостный человек растет быстрее.

В этом предложении оцениваются лексические знания учащегося. Студент должен быть хорошо знаком с категорией синонимов и знать разницу в значении двух синонимов – «веселый» и «радостный».

پیچ گوشتی های ساخت ایران در روسیه بسیار شناخته شده اند.

Ключи, сделанные в Иране, очень хорошо известны в России.

В этом предложении слово "отвертка" переведено неправильно. Это означает, что эквивалент выбран неверно.

شرکت دریا در سال ۱۳۵۸ تاسیس شد.

Компания «Море» была основана в 1358 году.

Здесь переводчику (студенту) следует обратить внимание на то, что имена собственные не следует переводить. Еще один момент заключается в том, что иранский переводчик должен знать, что дата должна быть передана по григорианскому (солнечному) календарю.

3. Переведите нижеследующие предложения на русский язык.

- اصفهان قطب گردشگری ایران است.
- مرورگر مایکروسافت به روز رسانی شد.
- در روز جمعه، مذاکرات بین ایران و روسیه آغاز شد.
- مربی تیم ملی به مهاجم تیم گفت: شتر سواری دولا دولا نمی شود.
- پله، فوتبالیست اسطوره ای برزیلی در 82 سالگی درگذشت.

4. Переведите данный микротекст.

اقدام غیرمنتظره چند ملی پوش برای کیروش

گفته می شود این چند ملی پوش شناخته شده تماس هایی نیز در این رابطه برقرار کرده اند تا هر چه زودتر قرارداد مرد پرتغالی تمدید شود.

Вышеупомянутые два вопроса разработаны в соответствии с упражнениями и навыками, которым обучают во время занятий. Мы должны оценить переводческие умения и навыки студента в виде полного перевода им предложения.

Подводя итог, мы хотим отметить, что преподаватель должен прежде всего разработать письменный план, чтобы узнать уровень владения студентами навыками перевода, и по результатам приступить к составлению комплекса упражнений в соответствии с обучением письменному переводу. Упражнения должны быть подготовлены преподавателем целенаправленно и осмысленно в соответ-

ствии с темой переводимого текста. Как уже упоминалось в статье, одним из основных видов упражнений является то, которое преподаватель должен предложить в начале занятия с целью выяснения видов переводческих ошибок студентов. На следующем этапе должны быть использованы письменные упражнения для исправления переводческих ошибок учащихся или улучшения качества их переводов. Следует по-иному взглянуть на преподавание письменного перевода в форме упражнений и не только не отделять учебный процесс от других предметов, пройденных студентом в прошлых семестрах, но и на уроке заниматься грамматикой, лексикой, лингвистическими вопросами и др., так как большинство переводческих упражнений тесно связаны с пройденными предметами. Таким образом, преподаватель после выполнения пошаговых заданий может применять комбинацию из трех вышеупомянутых упражнений по своему усмотрению.

Библиографический список

- 1.Латышев Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. М.: Academia, 2019. 198 с.
- 2.Латышев Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания /Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. М.: Академия, 2003. 192 с.
- 3.Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС. 2002. 424 с.
- 4.Шамов А.Н. Методика преподавания иностранных языков: общий курс /отв. ред. А.Н. Шамов. М.: Восток-Запад, 2008. 388 с.
- 5.Ковалевский Р.Л. Translation: Письменный перевод / под ред. Э.Ю. Новиковой, Т.Ю. Махортовой. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. 208 с.
- 6.Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. Комиссаров основы методики обучения переводу. М., Изд-во «Рема», 1997. 110 с.
- 7.Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 288 с.
- 8.Адамия Н.Л. Современные теории и методики обучения иностранным языкам / под ред. Л.М. Федоровой, Т.И. Рязанцевой М.: Экзамен, 2004. 320 с.
- 9.Тарасенко М.А. Создание комплекса упражнений для обучения студентов письменному переводу на материале дипломатического дискурса // Методика преподавания иностранных языков, Москва: Вестник МГЛУ, № 1(39) 2021. С. 155-161.
- 10.Хашеми Минабад Х. Обучение переводу. Публикации. Тегеран.: Издательство «Университетский издательский центр», 2014. 233 с.
- 11.Норд К. Обучение функциональных переводчиков / под ред. М. Теннент // Подготовка к новому тысячелетию: педагогика письменного и устного перевода. Маастрихт, 2005. С. 209-224.

References

- 1.Latyshev L. K. Translation: theory, practice and teaching methods / L.K. Latyshev, A.L. Semenov. Moscow, 2019. 198 p.
- 2.Latyshev L.K. Translation: theory, practice and teaching methods /L.K. Latyshev, A.L. Semenov. - Moscow: Academy. - 2003. - 192 p.
- 3.Komissarov V.N. Modern translation studies. Tutorial. – M.: ETS. - 2002. - 424 p.
- 4.Shamov A.N. Methods of teaching foreign languages: general course /ed. by A.N. Shamov. Moscow, 2008. 388 p.
- 5.Kovalevsky R.L. Translation: Written translation / ed. by E.Y. Novikova, T.Y. Makhortova. - Volgograd: Publishing House of VolGU, 2005. -208 p.
- 6.Komissarov V.N. Theoretical foundations of the methodology of teaching translation. Komissarov fundamentals of methods of teaching translation. - M., Publishing house "Rema", 1997. -110 p.
- 7.Alekseeva I.S. Vocational training of a translator: Textbook on interpretation and translation for translators and teachers. St.-Petersburg, 2001. 288 p.
- 8.Adamiya N.L. Modern theories and methods of teaching foreign languages / ed. by L.M. Fedorova, T.I. Ryazantseva. Moscow, 2004. 320 p.
- 9.Tarasenko M.A., Creation of a set of exercises for teaching students to translate on the basis of diplomatic discourse // Methods of teaching foreign languages, Moscow: Vestnik MSLU, No. 1(39) 2021. P. 155-161.
- 10.Hashemi Minabad H. Learning to translate. Publications. Tehran: Publishing House "University Publishing Center", 2014. 233 p.
- 11.Nord, C. Training functional translators / ed. by M. Tennent // Training for the new millennium: Pedagogies for translation and interpreting. Maastricht, 2005. P.209-224.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070.19

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.38.72.013

*Московский государственный институт между-
народных отношений МИД Российской Федерации
Канд. филос. наук, доцент кафедры междуна-
родной журналистики
Крынжина М.Д.
Россия, г. Москва, тел. +7(495) 2253884
e-mail: m.krynzhiba@inno.mgimo.ru*

*Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University)*

*The chair of international journalism
PhD, associate professor
Krynzhiba M.D.
Russia, Moscow, tel. +7(495) 2253884
e-mail: m.krynzhiba@inno.mgimo.ru*

*Международное видеоагентство Ruptly
Магистр по направлению «Журналистика», редак-
тор
Дедочева А.А.
Россия, г. Москва, тел. +7(968) 9399277
e-mail: dedocheva@gmail.com*

*International news agency Ruptly
Master in Journalism,
editor
Dedocheva A.A.
Russia, Moscow, +7(968) 9399277
e-mail: dedocheva@gmail.com*

М.Д. Крынжина, А.А. Дедочева

МЕДИА В ЭПОХУ «ПОСТПРАВДЫ»: О ПОНЯТИЯХ «ЛЖЕНАУКА», «КОНСПИРОЛОГИЯ» И «ФЕЙК»

В статье рассматривается феномен конспирологии во взаимосвязи со лженаукой и фейк-ньюс. Актуальность темы обусловлена растущим недоверием граждан по отношению к данным официальной науки. Результаты опроса ВЦИОМ, опубликованные в мае 2020 года, показали, что авторитет ученых в глазах россиян снизился с 2018 года на фоне пандемии коронавируса. В статье выделены основные черты теорий заговора в эпоху постправды, а также их отличия от лженауки и фейк-ньюс на материале зарубежных и российских научных исследований. Определены социальные, экономические, политологические и психологические факторы, способствующие распространению конспирологических теорий в обществе. Показано, что лженаука нередко апеллирует к конспирологическому дискурсу, чтобы объяснить причины своей непопулярности и своего маргинального статуса в глазах ученого сообщества. Доказано, что некоторые конспирологические идеи имеют в своей основе лженаучные учения, однако их главная отличительная черта – противостояние влиятельной группе (порой вымышленной) или группам, так как склонные к вере в заговор люди часто являются адептами нескольких теорий. Сделан вывод, что некоторые СМИ освещают события из сферы конспирологии и лженауки, чтобы повысить количество посещений сайта и привлечь новых читателей. При этом крупные медиа проверяют полученную информацию перед публикацией, нередко раскрывают фальсификации, предпринимая попытку не дать фейкам распространяться в качестве истины. Однако в эпоху постправды, когда субъективность вытесняет объективность, а факт становится синонимом мнения, процесс разоблачения мифов приносит популярность обеим сторонам: как разоблачителям, так и популяризаторам мифов. В результате использование фейков в информационной повестке становится выигрышным для всех участников коммуникационного процесса.

Ключевые слова: постправда, лженаука, популяризация науки, фейк-ньюс, теории заговора

M.D. Krynzhiba, A.A. Dedocheva

MEDIA IN THE POST-TRUTH ERA: THE CONCEPTS OF "PSEUDOSCIENCE", "CONSPIRACY" AND "FAKE-NEWS"

The article examines the phenomenon of conspiracy theory in connection with pseudoscience and fake news. The relevance of the topic is due to the growing distrust of citizens in relation to the data of official science. The results of sociological survey, published in May 2020, showed that the authority of scientists in the eyes of Russians has declined since 2018 during the coronavirus pandemic. The article highlights the main features of conspiracy theories in the post-truth era, as well as their differences from pseudoscience and fake news based on foreign and Russian scientific research. Social, economic, political science and psychological factors contributing to the spread of conspiracy theories in society are identified. It is shown that pseudoscience often appeals to conspiracy discourse in order to explain the reasons for its unpopularity and its marginal status in the eyes of the scientific community. It has been proven that some conspiracy ideas are based on pseudoscientific teachings, but their main distinguishing feature is opposition to an influential group (sometimes fictional) or groups, since people prone to believing in a conspiracy are often adherents of several theories. It is concluded that some media cover events from the sphere of conspiracy theories and pseudoscience in order to increase the number of visits to the site and attract new readers. At the same time, large respectable media check the information received before publication, often reveal falsifications, making an attempt to prevent fakes from spreading as the truth. However, in the era of truth, when subjectivity replaces objectivity, and fact becomes synonymous with opinion, the process of debunking myths brings popularity to both parties: both debunkers and popularisers of myths. As a result, the presence of fake-news in the information agenda becomes beneficial for all participants in the communication process.

Key words: posttruth, pseudoscience, science popularization, fake news, conspiracy theory

Лженаучные теории глубоко укоренены в общественном сознании. По данным ВЦИОМ [1], в России наиболее яркими их представителями являются миф о вреде ГМО (66% опрошенных в это верят) и вакцин (21% считает их вредными для здоровья). Также популярны такие дисциплины как астрология, гомеопатия, фолк-хистори (лженаучное направление в исторической науке, наиболее известной теорией является «Новая хронология», требующая полного пересмотра хронологии и утверждающая, что Античности и раннего Средневековья не существовало), алхимия, френология и другие. При этом некоторые из перечисленных лженаучных направлений и заблуждений можно назвать и конспирологическими, так как в них включается идея заговорищной роли правительства или привилегированных групп населения (вспомним, например, обвинения Билла Гейтса в причастности к пандемии и его желании «чипировать» население посредством вакцин) [2].

Согласно точке зрения С.В. Тихоновой, лженаучные теории распространились благодаря эволюции медиа, внедрению «научного знания в медийный контекст» и упрощению формы изложения, что привело не только и не столько к популяризации науки, но и к изменению моделей диалога науки и общества [3]. В свою очередь, О.Н. Яницкий указывает, что в эту коммуникацию также включились государственные институты и СМИ, из-за чего выросла «значимость средового знания, которое придает первостепенное значение местным условиям и интегрированному субъективному восприятию» [4; с. 88].

Как следствие, чрезмерное упрощение транслируемого знания, стремление его сократить и сделать более привлекательным для аудитории нередко сказывается на качестве представляемой информации. В Сети наибольшую популярность набирают ролики типа «Философия Хайдеггера за 10 минут» или «Теория относительности на пальцах», значительно уступая по просмотрам многочасовым лекциям по теме. Таким образом, известность научно-популярного сообщения вступает в прямо пропорциональную зависимость от формата инфотейнмента (термин образован от двух английских слов «INfOrmation» (информация) и «enterTAINMENT» (развлечение), в определении Д.А. Ерёминой это «все возможности развлекательного оформления информации, будь то выбор тематики, визуальные и вербальные методы» [5; с. 11], характеризующиеся апелляцией к эмоциям зрителя). Именно этим методом наиболее часто пользуются лженаука и конспирология.

Увлечательность подобных сообщений дает псевдонауке значительное преимущество перед официальной наукой в борьбе за умы аудитории. При этом для потребителя контента ложность информации далеко не очевидна из-за присущих обеим формам знания характеристикам: терминологичности, социальной значимости, стремлению к рациональности и возможности проверить теорию опытным путем [6]. Таким образом, критерием отбора контента становится не его истинность, а его привлекательность для аудитории.

М.А. Казаков выделяет 15 сущностных признаков псевдонауки, однако последний из них он называет «неуниверсальным» и «косвенным», а также относящимся исключительно к прикладным наукам, в связи с чем принято решение отказаться от этой характеристики. Исследователь подчеркивает, что одновременное присутствие всех качеств необязательно, однако наличие хотя бы нескольких черт должно вызывать подозрение к учению или работе [7]. Наибольший интерес для данной статьи представляет пункт 11: использование публикаций в СМИ, а не в научных изданиях для подтверждения достоверности исследования. М.А. Казаков поясняет, что медиа склонны освещать сенсационные идеи и громкие открытия, таким образом

способствуя распространению лженаучных учений, причем придавая им позитивный образ.

Таким образом, лженаука – это мнимая или выдуманная наука; совокупность связанных между собой представлений о мире, ошибочно считающихся основанными на научном методе или имеющими тот статус, который сейчас имеют научные истины.

В отличие от лженауки, конспирология обязательно включает в себя конфликт обывателя и власти. Итак, конспирологическая теория – это убеждение в том, что группа действующих лиц состоит в тайном соглашении с целью достижения какой-то злонамеренной цели [8].

Исследователь И.А. Яблоков связывает распространение конспирологии как с либерализацией общественной и политической жизни, так и с настоящей революцией в медиасфере – появлением телевидения и впоследствии Интернета. Информация стала доступна для всех слоев населения, более того, доступность (и как следствие, привлечение большей аудитории) стала самоцелью производителей контента, что, как было отмечено ранее, неизменно ведет к бульваризации сообщения. А частое появление подобных верований в медиа (изначально на страницах «желтой» прессы или в телепередачах, а затем и в культовых произведениях искусства) сделало их неотъемлемой частью нашего знания о мире.

Теории заговора стали дополнением к реальности, призванным упростить её для обывателя. При этом часто они «перемещаются в центр общественного внимания» [9], становясь основной призмой для восприятия мироустройства. Ян-В. ван Пройен и М. ванн Вюгт замечают, что, вопреки мнению, что подобные верования являются аномальными, значительная часть населения Земли верит минимум в одну теорию заговора [10].

Приверженность конспирологическим теориям становится формой оспаривания социальных фактов или заполнения информационных лакун, если публичных данных недостаточно или они неправдоподобны. Ученые-психологи, основываясь на эмпирических данных, пришли к выводу, что существует определенная индивидуальная предрасположенность к вере в теории заговора. К. Дуглас и Р. Саттон пишут, что, выбирая из двух версий событий, человек чаще будет отдавать предпочтение альтернативной точке зрения, подвергая сомнению любую официальную или научную позицию [11]. Информация, полученная из неподтвержденных источников, таким людям кажется более правдоподобной ввиду своей эксклюзивности.

Как уже было сказано выше, лженаука и теории заговора существуют уже тысячи лет, однако с развитием информационных технологий многие из них получают новую жизнь и с легкостью завоевывают умы все большего числа последователей. Несмотря на существование Интернета, социальных сетей, в которых есть аккаунты большинства государственных деятелей и ведомств, а также инструментов для верификации информации, человечество сейчас переживает эпоху «посправды», «инфодемии» и при этом «информационного вакуума», что является благоприятной средой для распространения псевдонаучных учений и конспирологических верований.

Постправда – это феномен, при котором происходит разрушение социальной реальности в результате инверсии семантики событий [12]. Эмоции, вызываемые сообщением, становятся гораздо важнее для формирования общественного мнения, чем смысл и истинность сообщения. Таким образом, более влиятельной оказывается та новость, которая дошла до аудитории быстрее и вызвала больший общественный резонанс, чем та новость, которая оказалась объективной.

Несмотря на то, что фальшивки, «газетные утки» и ложь в СМИ существовали всегда, причем нередко они распространялись намеренно для достижения каких-либо материальных или политических целей, термин «постправда» появился в 1992 году в эссе сербо-американского сценариста Стива Тесича о войне в Персидском заливе, а прочно вошел в лексикон всего мира во время референдума за выход Великобритании из Европейского союза и предвыборной компании 45-го президента США Дональда Трампа, который применил алгоритмы социальных сетей для распространения своей программы, а также для ведения «войны компроматов» с оппонентом Хилари Клинтон. Так, в 2016 году, термин стал словом года по версии Оксфордского словаря [13].

Важно отметить, что постправда внешне может напоминать пропаганду, так как в медиа информация выстраивается таким образом, чтобы склонить общество к принятию необходимого решения. Однако в случае пропаганды транслируется лишь одна позиция, а также предпринимается попытка ограничить доступ к любым альтернативным точкам зрения. Постправда же, напротив, может существовать исключительно при информационном переизбытке, «в условиях кризиса так называемого объективного факта» [12; с. 186]. Человек, стремясь сделать окружающий мир проще и понятнее, *самостоятельно* примыкает к какой-либо группе со схожими мнениями, окружая себя информацией, которая вписывается в его картину мира.

Главный инструмент и одновременно отличительная черта постправды – это фейк-ньюс (от англий-

ского *fake-news* – фальшивые новости). Исследователи, изучающие это явление, до сих пор спорят, что можно считать фейком, а что нет, поэтому в статье предпринята попытка проанализировать возможные дефиниции и выявить ту, которая наиболее точно опишет новости, касающиеся псевдонауки или конспирологии.

В работах некоторых исследователей можно встретить мнение, что фейк – это любая ложная информация или недостоверная публикация, распространяемая в Интернете [14]. Так, под эту дефиницию могут попасть и шуточные заметки, написанные типичным для новостных изданий инфостилем, например, публикации сатирического ИА «Панорама», которые являются вымыслом и не позиционируются как правда. Тем не менее, если такая «новость» попадает в ленту авторитетного медиа без указания источника, она автоматически становится фейком, так как вводит аудиторию в заблуждение.

О.Е. Гловацкая определяет фейк как «информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение, для того чтобы получить финансовую или политическую выгоду» [15; с. 139]. Однако возможно ли утверждать, что ложное сообщение, которое было представлено медиа как объективный факт ввиду недостаточно тщательной проверки, не является фейком? Очевидно, что нет. При этом СМИ может не преследовать цель получения определенных бонусов, а лишь стремиться оставаться конкурентоспособным, напечатав новость не позже других ресурсов.

При этом большинство исследователей сходится на том, что в «генетическом коде» любого фальшивого информационного сообщения лежит стремление «замаскироваться» под факт при полностью или частично ложном содержании. Главная задача фейка – привлечение внимания, манипуляция общественным сознанием для искажения картины мира.

Итак, фейк-ньюс – это недостоверные сообщения, способные ввести аудиторию в заблуждение. Исследователи Глеб Ципурский и Фабио Вотта считают, что распространение фейков может быть возможно, главным образом, в эпоху быстрых технологических изменений, когда информация достигает своей аудитории быстрее, чем успевает быть верифицирована [16]. Реципиент, в свою очередь, из-за лавинообразного потока новостных сообщений не может проанализировать каждое из них, в связи с чем теряет способность отделять факты от фальшивок.

И.Б. Архангельская и А.С. Архангельская в работе «Фейк-ньюс в доцифровую и цифровую эпохи» [17] выделяют несколько причин появления фейк-ньюс: 1) формирование общественного мнения в отношении какой-либо проблемы (например, Брексита); 2) создание компромата с целью нанесения удара по имиджу своего политического или экономического оппонента (например, борьба за лидерство в сфере интернет коммуникаций с китайской компанией Huawei привела к созданию мифа о распространении коронавируса через волны 5G); 3) стремление привлечь новую аудиторию благодаря сенсациям или открывшимся подробностям в громких делах, способным вызвать общественный резонанс (например, очередная статья на тему «Так кто же на самом деле убил Кеннеди?»); 4) ошибочные трактовки заявлений политиков или ученых, которые как минимум ведут к появлению фейковых заголовков, как максимум – к созданию новых теорий заговора.

Такие недостоверные новости проникают в общественное сознание «вирусным» путем, однако, в отличие от своих «коллег» из сферы биологии, влияют не на внутренние органы человека, а на его моральное состояние – благодаря эффекту «эмоционального заражения» [18]. Основным механизмом распространения фейков становятся социальные сети, так как именно они являются «вирусными» технологиями, где новость передается новому получателю посредством пары «кликов» мышкой или касания сенсорного экрана смартфона.

При этом большую весомость подобным «вбросам» придаёт облечение их в форму слухов и «секретной» информации. Например, во время пандемии коронавируса в мессенджере WhatsApp были популярны голосовые сообщения, которые начинались со слов «Мой знакомый, который работает в больнице/ правительстве/ службе внешней разведки, услышал, что...» или «Троюродный брат моего двоюродного дедушки рассказал, что...» и подобные. Такие рассылки явно апеллируют не к разуму получателя, а к его эмоциям, и производят на людей больший эффект, чем научные статьи.

Однако иногда для того, чтобы придать фейку видимость достоверности, необходимо расставить «маркеры научности»: продемонстрировать регалии эксперта, а затем терминологизированным языком создать логические конструкции, апеллирующие к здравому смыслу аудитории, а также неким (часто несуществующим или приходящим к противоположным выводам) исследованиям. Периодически достаточно фразы «Ученым давно известно», чтобы придать публикации большую авторитетность. Из-за того, что в социальных сетях не принято оставлять ссылки на первоисточник и информацию сложно верифицировать, а также из-за большого потока информации, аудитория оказывается в позиции жертвы информационного

давления и рано или поздно начинает считать заведомо ложные сообщения фактами, а также делиться фейками в социальных сетях или в личных беседах [19]. При этом большинство пользователей не диверсифицирует каналы получения информации, и достоверные источники в глазах потребителя приобретают одинаковый вес с недостоверными, а часто и проигрывают борьбу за внимание аудитории ввиду того, что вымысел априори привлекательнее реальности [20].

А.В. Землянский, в свою очередь, добавляет, что за распространение ложных сенсаций ответственны не только среднестатистические пользователи соцсетей, но и представленные в них СМИ. По мнению исследователя, первыми на фейки реагируют небольшие или не пользующиеся доверием аудитории медиа, например, блоги, посвященные конспирологии [2]. Затем возникает «вторая волна» роста интереса к сенсационной новости: её публикуют более крупные издания, причем без указания на источник информации. Таким образом, недостоверное сообщение постепенно перестает выглядеть маргинальным, превращаясь в тренд. Крупные, в том числе мировые медиа, обязанные реагировать на общественный диссонанс, публикуют фейк, часто его разоблачая, тем самым вызывая еще больший интерес у еще большей аудитории.

Некоторые СМИ освещают события из сферы конспирологии и лженауки, чтобы повысить количество посещений сайта и привлечь новых читателей. При этом исследователи подчеркивают, что крупные медиа «транслируют, а не популяризируют теории заговора», проверяют полученную информацию перед публикацией, нередко раскрывают фальсификации, предпринимая попытку не дать фейкам распространяться в качестве истины. Однако в эпоху постправды, когда субъективность вытесняет объективность, а факт становится синонимом мнения, процесс разоблачения мифов приносит популярность обеим сторонам: как разоблачителям, так и самим мифам. В результате использование фейков в информационной повестке становится выигрышным для всех участников коммуникационного процесса. Так, в июне 2017 года жители подмосковной деревни Барыбино в Домодедовском районе инсценировали падение метеорита [21], чтобы привлечь внимание журналистов и общественности к строительству транспортно-разгрузочного комплекса «Центральный сухой порт», против которого и выступали жители населенного пункта. В фальсификации признались сами авторы фейка, направив в редакции СМИ, опубликовавших новость, письмо с объяснением.

Таким образом, фейки – это инструмент, которыми пользуются и лженаука, и теории заговора, однако недостоверная информация далеко не всегда несет в себе конспирологическую коннотацию.

Библиографический список

1. Наука и учёные на фоне пандемии: кризис общественного доверия? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-uchyonye-na-fone-pandemii-krizis-obshhestvennogo-doveriya> (дата обращения: 09.09.2020)
2. Землянский А. В. Практика инфодемии: теории «коронавирусного» заговора, их циркуляция и разоблачение в СМИ // Наука и школа. 2021. № 3. С. 51-61.
3. Тихонова С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 3. С. 287-291.
4. Яницкий О. Н. Диалог науки и общества // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 86-96.
5. Ерёмкина Д. А. Интерпретация термина «инфотейнмент» в немецких и российских исследованиях масс-медиа // Медиаскоп. 2013. № 4. С. 11.
6. Finn P., Bothe A. K., Bramlett R. E. Science and pseudoscience in communication disorders // American Journal of Speech-Language Pathology 2005. Vol. 14. P. 172-186.
7. Казаков М. А. Псевдонаука как превращенная форма научного знания: теоретический анализ // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 130-148.
8. Bale J. M. Political paranoia v. political realism: On distinguishing between bogus conspiracy theories and genuine conspiratorial politics // Patterns of prejudice. 2007. Vol. 41. № 1. P. 45-60.
9. Яблоков И. А. Теория заговора и современное историческое сознание (на примере американской исторической мысли): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.09. Томск : [б. и.], 2010.
10. Prooijen J.-W. van, Vugt M. van. Conspiracy theories: Evolved functions and psychological mechanisms // Perspectives on psychological science. 2018. Vol. 13. № 6. P. 770-788.
11. Douglas K. M., Sutton R. M. Does it take one to know one? Endorsement of conspiracy theories is influenced by personal willingness to conspire // British Journal of Social Psychology. 2011. Vol. 50. № 3. P. 544-552.
12. Гарбузняк А. Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184-192.
13. Word of the Year 2016. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 08.12.2021).

14. Klein D. O., Wueller J. R. Fake news: A Legal Perspective // *Journal of Internet Law*. 2017. Vol. 20. № 10. P. 5–13.
15. Головацкая О. Е. Значение и происхождение термина «Fake news» // *Коммуникология*. 2019. Т. 7. №. 2. С. 139-152.
16. Tsipursky G., Votta F., Roose K. M. Fighting fake news and post-truth politics with behavioral science: The pro-truth pledge // *Behavior and Social Issues*. 2018. Vol. 27. №. 1. P. 47-70.
17. Архангельская И. Б., Архангельская А. С. Фейк-ньюс в доцифровую и цифровую эпохи // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2020. №. 3 (37). С. 95-104.
18. Манойло А. В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. №. 3. С. 75-107.
19. Телепова Л. В., Мхитарян Л. Ю. Обеспечение безопасности личности в информационном пространстве на современном этапе // *Вестник Прикамского социального института*. 2019. №. 1 (82). С. 72-79.
20. Крынжина М. Д. Влияние неолиберализма на модели научной коммуникации // *Концепт: философия, религия, культура*. 2022. Т. 6. № 2. С. 119-137.
21. Лже-метеорит над Домодедово: Яму, куда «упал» болид, жители Подмоскovie копали 18 часов. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26699.7/3723144/> (дата обращения: 08.12.2021)

References

1. Science and scientists in the pandemic: crisis of social trust. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-uchyonye-na-fone-pandemii-krizis-obshhestvennogo-doveriya> (date of application: 09.09.2020)
2. Zemljanskij A. V. The practice of infodemic: the theories of the «coronavirus» conspiracy, their circulation and exposure in the media // *Science and school*. 2021. No. 3. pp. 51-61.
3. Tihonova S. V. Competition between science and pseudoscience in the era of post-truth // *News of the Saratov University. New series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2018. Vol. 18. No. 3. pp. 287-291.
4. Yanitskiy O. N. Dialogue of science and society // *Social sciences and modernity*. 2004. No. 6. pp. 86-96.
5. Erjomina D. A. Interpretation of the term "infotainment" in German and Russian media studies // *Mediascope*. 2013. No. 4. P. 11.
6. Finn P., Bothe A. K., Bramlett R. E. Science and pseudoscience in communication disorders // *American Journal of Speech-Language Pathology*. 2005. Vol. 14. pp. 172-186.
7. Kazakov M. A. Pseudoscience as transformed form of scientific knowledge: theory study // *Philosophy of science and technology*. 2016. Vol. 21. No. 2. pp. 130-148.
8. Bale J. M. Political paranoia v. political realism: On distinguishing between bogus conspiracy theories and genuine conspiratorial politics // *Patterns of prejudice*. 2007. Vol. 41. No. 1. pp. 45-60.
9. Jablov I. A. Conspiracy Theory and Modern Historical Consciousness (on the Example of American Historical Thought): PhD thesis in History, 07.00.09. Tomsk: [b. i.], 2010.
10. Prooijen J.-W. van, Vugt M. van. Conspiracy theories: Evolved functions and psychological mechanisms // *Perspectives on psychological science*. 2018. Vol. 13. No. 6. pp. 770–788.
11. Douglas K. M., Sutton R. M. Does it take one to know one? Endorsement of conspiracy theories is influenced by personal willingness to conspire // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 50. No. 3. pp. 544-552.
12. Garbuznjak A. Ju. The phenomenon of posttruth: devaluation of fact in media discourse // *Knowledge. Understanding. Skills*. 2019. No. 1. pp. 184-192.
13. Word of the Year 2016. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (date of application: 08.12.2021).
14. Klein D. O., Wueller J. R. Fake news: A Legal Perspective // *Journal of Internet Law*. 2017. Vol. 20. No. 10. pp. 5–13.
15. Golovackaja O. E. Meaning and significance of term «fake news» // *Communicology*. 2019. Vol. 7. No. 2. pp. 139-152.
16. Tsipursky G., Votta F., Roose K. M. Fighting fake news and post-truth politics with behavioral science: The pro-truth pledge // *Behavior and Social Issues*. 2018. Vol. 27. No. 1. pp. 47-70.
17. Архангельская И. Б., Архангельская А. С. Fake news in the pre-digital and digital eras. Sign: problematic field of media education // *Sign: problematic field of media education*. 2020. No. 3 (37). pp. 95-104.
18. Manojlo A. V. Cascade-type chain reactions in modern technologies for the viral spread of «fake news» // *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2020. No. 3. pp. 75-107.
19. Telepova L. V., Mhitarjan L. Ju. Ensuring personal security in the information space at the present stage // *Bulletin of the Kama Social Institute*. 2019. No. 1 (82). pp. 72-79.
20. Krynzina, M. D. The influence of neoliberalism on models of science communication // *Concept: philosophy, religion, culture*. 2022. Vol. 6. No. 2. pp. 119-137.
21. False meteorite over Domodedovo: The hole where the car «fell» was dug by residents of the Moscow region for 18 hours. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26699.7/3723144/> (date of application: 08.12.2021)

УДК 070

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.90.15.014

*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина
кандидат филологических наук, доцент
Трубицина Н. А.
Россия, г. Елец
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина,
студент 4 курса направления «Журналистика»
Вернигора Р. С.
Россия, г. Елец
e-mail: me@sebi1808.ru*

*Bunin Yelets State University
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Trubitsina N. A.
Vernigora Roman Sergeevich
Russia, Yelets
e-mail: trubicina-nat@mail.ru
Bunin Yelets State University
4th year student of the direction
"Journalism"
Vernigora R. S.
Russia, Yelets
e-mail: me@sebi1808.ru*

Н.А. Трубицина, Р.С. Вернигора

ПОЛИКОДОВОСТЬ, КРЕОЛИЗАЦИЯ, ЖАНРОВАЯ ДИФфуЗИЯ: О ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА

Задачей настоящего исследования является анализ природы современного журналистского текста. Эпоха цифровой журналистики ставит перед традиционными изданиями необходимость преобразования своих подходов и бизнес-моделей. Они должны осознать преимущества конвергенции медиа и воспользоваться ими, чтобы оставаться конкурентоспособными и привлекать аудиторию в современном информационном ландшафте. Сегодня в СМИ происходит «уравнение» и слияние двух знаковых систем: вербальной (текстовой) и невербальной (иконической). Текст, состоящий из составных частей разных знаковых систем, называется «поликодовым», или «креолизированным». В основе креолизованного текста заложен феномен визуального восприятия окружающего мира. Подобно тому, как разные виды коммуникативных систем объединяются на базе традиционного текста, так и разные жанры и формы объединяются в новые форматы представления креолизованного текста. Выделяются тексты с нулевой креолизацией, которые не отличаются смешением словесных и иконических элементов; тексты с частичной креолизацией, где взаимодействие вербальной части и невербальной присутствует, однако в тексте они функционируют самостоятельно, ощущения синсемантической связи при прочтении материала не возникает. Присутствие изображения при этом является факультативным, необязательным. Существуют тексты с полной креолизацией. Они демонстрируют синсемантическую связь между его элементами. Это значит, что текст и изобразительное сопровождение взаимозависят друг от друга, и отсутствие какой-то из этих частей обязательно навредит пониманию общего смысла. Динамические изменения в жанровой системе, в частности, высокий уровень креолизованности и размытие жанровых границ, порождают значительное многообразие новых форматов репрезентации контента.

Ключевые слова: журналистский текст, поликодовость, креолизация, жанровая диффузия

N.A.Trubitsina, R.S.Vernigora

POLYCODE, CREOLIZATION, GENRE DIFFUSION: ABOUT THE NATURE OF MODERN JOURNALISTIC TEXT

The objective of this study is to analyze the nature of the modern journalistic text. The era of digital journalism poses the need for traditional publications to transform their approaches and business models. They should realize the advantages of media convergence and take advantage of them to remain competitive and attract an audience in the modern information landscape. Today, the media is "equalizing" and merging two sign systems: verbal (textual) and nonverbal (iconic). A text consisting of components of different sign systems is called "polycode", or "creolized". The creolized text is based on the phenomenon of visual perception of the surrounding world. Just as different types of

communication systems are combined on the basis of traditional text, so different genres and forms are combined into new formats for the presentation of creolized text. Texts with zero creolization are highlighted, which do not differ by mixing verbal and iconic elements; texts with partial creolization, where the interaction of the verbal and non-verbal parts is present, but they function independently in the text, there is no sense of a synsemantic connection when reading the material. The presence of an image in this case is optional, optional. There are texts with full creolization. They demonstrate a synsemantic connection between its elements. This means that the text and visual accompaniment are interdependent on each other, and the absence of any of these parts will necessarily harm the understanding of the general meaning. Dynamic changes in the genre system, in particular, a high level of creolization and blurring of genre boundaries, give rise to a significant variety of new formats of content representation.

Keywords: journalistic text, polycode, creolization, genre diffusion

Технологический прогресс в корне изменил подход не только к распространению информационного контента, но и к его потреблению аудиторией. Современное СМИ теперь обладает следующим набором таких значимых черт, как скорость, мобильность, мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность. Читателя всё меньше привлекают материалы аналитического характера, для освоения которых требуется время и определённый уровень подготовки. Информация становится персонализированной и общедоступной, что, в свою очередь, является следствием глобализации в СМИ и массовой культуре. И, безусловно, получают широкое распространение новые веб-технологии и формы демонстрации контента. Как итог, пресса в том своём традиционном виде, который формировался на протяжении шести столетий, уже не может конкурировать со СМИ, которые осваивают медиасреду. Подобная тенденция общенациональна и характерна для печатных изданий как федерального значения, так и более узкого, регионального.

Эпоха цифровой журналистики ставит перед традиционными изданиями необходимость преобразования своих подходов и бизнес-моделей. Они должны осознать преимущества конвергенции медиа и воспользоваться ими, чтобы оставаться конкурентоспособными и привлекать аудиторию в современном информационном ландшафте. Это включает в себя пересмотр организации редакционного процесса, разработку новых форматов контента, а также усиление взаимодействия с читателями для адаптации к потребностям аудитории.

С выходом Интернета на информационный рынок и глобальной трансформацией общества, с появлением новых информационных потребностей и средств их удовлетворения возникли сами собой разумеющиеся вопросы: «Как упростить понимание информации? Как ускорить её восприятие? Как донести информацию до большинства? Как оказать наибольшее влияние?».

Новые медиа – качественно новый формат журналистики – с помощью дигитализации внесли существенные коррективы в коммуникативные действия. «Править балом» стала так называемая визуальная коммуникация, сочетающая в себе не просто текст, переведённый в цифровую форму, но и звук, и изображение, и цвет, и свет. На первый план вышел аудиовизуальный язык, чья задача – не просто рассказать о чём-то, но и показать что-то.

Сегодня в СМИ происходит «уравнение» и слияние двух знаковых систем: вербальной (текстовой) и невербальной (иконической), включающей в себя графические знаки, изображения, рисунки. Соответственно, такой текст, состоящий из составных частей разных знаковых систем, называется «поликодовым», или «креолизированным».

Креолизация как процесс междисциплинарна и выходит за рамки медийного дискурса. Новизной термин тоже не отличается: подобные эксперименты с типографикой, изображениями и цветом происходили задолго до появления новых медиа – в газетах и журналах, где преобладала визуальная составляющая. При этом сама специфика креолизированных журналистских текстов не изучена в полной мере.

Е. Мошкина называет креолизированными текстами такие, которые сочетают в себе вербальные и невербальные компоненты. «Мы можем отметить следующее: креолизированный текст – это текст, в котором вербальные и невербальные элементы неделимы, образуют одно смысловое целое, направленное на читателя» [1, с.38].

Н. Вольская считает, что сегодня анализа вербальной (словесной) составляющей текста недостаточно для понимания изменений, происходящих в медиасфере. Она предлагает декультивировать попытки объяснить современную конвергентную журналистику понятиями «жанр», «форма», «функция», поскольку те не в состоянии дать исчерпывающий ответ на возникающие вопросы. Наиболее логичным исследователь считает использование термина «поликодовый текст», акцентирующий внимание на факте взаимодействия двух различных систем условных обозначений.

В основе креолизованного текста заложен феномен визуального восприятия окружающего мира, пришедший к нам из психологии и социологии. Как утверждал в своём труде «Метафизика» Аристотель: «Зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий» [2]. Интерпретация содержания текста всегда начинается с восприятия внешнего вида материала. Только после этого читатель задумается над тем, каким смыслом наполнен текст.

Визуальные элементы также более привлекательны для читателя, чем текст, а потому вызывают интерес и фокусируют внимание на определённых деталях: более акцентный шрифт, цветовая гамма, расположение изображения относительно текста и т.д. Так что современные СМИ постоянно совершенствуют способы визуализации смыслов.

Л. Гришаева [3], разрабатывая проблему креолизованных текстов, выделила следующие их виды, встречающиеся в СМИ:

1. **Тексты с нулевой креолизацией.** Они не отличаются смешением словесных и иконических элементов;

2. **Тексты с частичной креолизацией.** Взаимодействие вербальной части и невербальной присутствует, однако в тексте они функционируют самостоятельно, ощущения синсемантической связи при прочтении материала не возникает. Присутствие изображения при этом является факультативным, необязательным.

3. **Тексты с полной креолизацией.** Они демонстрируют синсемантическую связь между его элементами. Это значит, что текст и изобразительное сопровождение взаимозависят друг от друга, и отсутствие какой-то из этих частей обязательно навредит пониманию общего смысла.

Основными функциями невербальных элементов – средств визуальной коммуникации, являются:

1. **Информативная функция.** Изображение в креолизованном тексте способствует передаче определённой информации;

2. **Аттрактивная функция.** Изображение обладает свойством привлекать внимание читателя и организовывать визуальное восприятие текста. А шрифт с применённой текстурой, может вызывать определённые ассоциации;

3. **Эстетическая функция.** Прослеживается в чувственно-воспринимаемых образах, в которых запечатлён художественный замысел автора;

4. **Экспрессивная функция.** Изображение, равно как и шрифт или знак препинания, способны прямо или косвенно повлиять на эмоциональное состояние читателя и выражать своё собственное.

К второстепенным функциям также относят стилистическую, символическую, сатирическую и развлекательную.

Конечно, креолизованный текст – лишь промежуточный результат глобальных интеграционных процессов. Подобно тому, как разные виды коммуникативных систем объединяются на базе традиционного текста, так и разные жанры и формы объединяются в новые форматы представления креолизованного текста. Можно сказать, что диффузия жанров – это закономерное продолжение процессов, происходящих в тексте, но уже на другом уровне. «В процессе диффузии жанр меняет свою внутреннюю сущность» [4, с.33]. Как итог, читатель знакомится с новыми гибридными форматами, которые свойственны преимущественно конвергентным редакциям: это и мультимедийная статья, и подкаст, и динамичная инфографика, и др.

М. Зеленцов продолжает идею, развитую Н. Вольской [5], о исчерпывающей несостоятельности понятия «жанр». По его мнению, традиционная теория журналистских жанров уже не может объяснить те изменения, происходящие в журналистской деятельности. При этом, основным содержательным понятием в новой жанровой системе журналистики предлагается сделать «гибридный новостной формат» [6, с.8] как наиболее полно описывающий информационную направленность конвергентной журналистики и «новых медиа».

С этим мнением согласен и А. Градюшко, помимо этого отождествляющий диффузию жанров с появлением тенденции к визуализации и упрощению информации [7]. Исследователь считает, что современный пользователь не хочет читать длинные тексты, а решение об ознакомлении с материалом принимает мгновенно, на месте. Подобное клиповое мышление так же является следствием новых гибридных форм презентации контента.

Е. Криворученко определяет жанр как форму, внешнюю оболочку, в которую журналист вкладывает содержание (в виде текста). Из этого следует вывод, что абсолютно любой жанр

подвержен диффузии. При этом диффузия, по Криворученко – постоянная величина, константа, объективно не прекращающая работу [4].

Жанровым преобразованиям (в том числе и в текстоцентрическом аспекте) наиболее подвержены следующие устоявшиеся формы:

- 1) Заметка, расширенная заметка;
- 2) Репортаж;
- 3) Интервью;
- 4) Корреспонденция;
- 5) Аналитическая статья.

В цифровой среде эти газетные жанры успешно сосуществуют; возникает такое понятие, как синкретизм (взаимопроникновение). Уже на их основе возникает целый ряд новых форм, претерпевших существенные изменения.

Исследователи выделяют типологию жанров, появившихся в Интернете.

Сетевые жанры. Они заимствуют технические возможности сетевой платформы и сопутствующих сервисов. Так, в последнее время приобрёл популярность формат почтовой (e-mail) рассылки. Не менее популярны такие форматы, как чат или служба мгновенного сообщения. Коммуникация посредством телефонов или иных мобильных средств связи (например, пейджеров) – тоже пример сетевых жанров.

Гибридные жанры. Они возникли на стыке интернет-технологий и коммуникативных процессов из повседневной жизни. Так, современные блоги и даже влоги (видеоблоги) обязаны дневникам – некогда популярной форме фиксирования окружающей действительности.

Конвергентные жанры. Они объединяют несколько сетевых жанров в рамках одной коммуникативной платформы. Конвергентные жанры чисты по своей природе. Это явные продукты интернет-технологий. В действительности они могут объединять не только жанры, но и разные коммуникативные технологии, например, аудиочат и текстовый обмен сообщениями. Конвергентные жанры отличаются достаточно высокой степенью креолизованности, гипертекстуальности, интерактивности, мультимедийности и т.д.

Мутированные жанры. Эти формы сложны для описания, поскольку невозможно даже установить, из каких жанров они изначально произошли. Наиболее сильно мутации подвержены заметка и интервью.

Таким образом, динамические изменения в жанровой системе, в частности, высокий уровень креолизованности и размытие жанровых границ, порождают значительное многообразие новых форматов репрезентации контента.

Библиографический список

1. Мошкина Е. П. Креолизованный текст как средство невербальной коммуникации в печатных СМИ (на примере англоязычной прессы) // Актуальные вопросы устойчивого развития России в контексте ключевых целей национальных проектов. Проблемы межкультурной коммуникации и современного языкознания. 2020. Т. 2, ч. 2 С. 38-40.
2. Аристотель. Метафизика. [Электронный ресурс]. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Aristotel_Metafizika.pdf (дата обращения 15.04.1023).
3. Гришаева Л. И. Креолизованные тексты – тексты XXI века? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 106-108.
4. Криворученко, Е. К., Калугина, Л. Ю. Диффузия жанров журналистики в печатных СМИ на примере региональных газет «Крымский Телеграф» и «Новый Крым» / Е. К. Криворученко, Л. Ю. Калугина // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Том 1, № 4. С. 31-35.
5. Вольская Н. Н. Поликодовый медиатекст: пути исследования // Русская речь. Язык прессы. 2016. № 2. С. 58-63.
6. Зеленцов М. В. К вопросу об определении гибридного новостного формата в цифровой среде. // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Том 6, № 3. С. 5-22.
7. Градюшко А. А. Гибридные жанровые формы в современной интернет-журналистике // Век информации. Творческие стратегии в сетевых СМИ. 2015. № 3. С. 156-158.

References

1. Moshkina E. P. Creolized text as a means of nonverbal communication in print media (on the example of the English-language press) // Topical issues of sustainable development of Russia in the context of key goals of national projects. Problems of intercultural communication and modern linguistics. 2020. Vol. 2, part 2 pp. 38-40.
2. Aristotle. *Metaphysics*. [electronic resource]. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Aristotel_Metafizika.pdf (accessed 15.04.1023).
3. Grishaeva L. I. Creolized texts – texts of the XXI century? // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2003. No. 2. pp. 106-108.
4. Krivoruchenko, E. K., Kalugina, L. Y. Diffusion of journalism genres in print media on the example of regional newspapers "Crimean Telegraph" and "New Crimea" / E. K. Krivoruchenko, L. Y. Kalugina // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences. 2015. Volume 1, No. 4. pp. 31-35.
5. Volskaya N. N. Polycode media text: ways of research // Russian speech. The language of the press. 2016. No. 2. pp. 58-63.
6. Zelentsov M. V. On the definition of a hybrid news format in the digital environment. // Communications. Media. Design. 2021. Volume 6, No. 3. pp. 5-22.
7. Gradyushko A. A. Hybrid genre forms in modern Internet journalism // Information Age. Creative strategies in online media. 2015. No. 3. pp. 156-158.

УДК 070

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.15.73.015

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики
Карпенко И.И.
Россия, г. Белгород, тел. +79038861356
E-mail: KarpenkoIrina@bsu.edu.ru*

*Belgorod National Research University
Candidate of Philology,
Associate Professor of Department of Journalism
Karpenko I.I.
Russia, Belgorod,
tel. +79038861356
E-mail: KarpenkoIrina@bsu.edu.ru*

И.И. Карпенко

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ ИНФОТЕЙНМЕНТА В РАБОТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Статья посвящена проблеме исследования невербальных содержательных приемов инфотейнмента в практике периодических печатных изданий. Новизна исследования обусловлена необходимостью систематизации приемов инфотейнмента, применяемых в работе печатных средств массовой информации, по причине недостаточности теоретического исследования данного феномена. Эмпирической базой исследования послужил корпус журналистских материалов белгородского регионального молодежного журнала «ОнОнас» за период с 2013 по 2021 гг., отобранный методом сплошной выборки. Актуальность работы состоит в необходимости теоретического осмысления практики издания и классификации невербальных содержательных приемов инфотейнмента. К методам, использованным в ходе исследования, относится системный анализ с акцентом на конструктивном и структурно-функциональном подходе, применяется также метод типологизации и контент-анализ. В работе сформулированы выводы о том, что в группу невербальных содержательных приемов инфотейнмента входят: критерий отбора тем, особенности подбора героев для журналистского материала, способ трактовки предмета отображения, создание эффекта парадоксальности, выступление журналиста в роли актора. Использование подобных приемов позволяет повысить содержательную привлекательность журналистского материала, нетривиально представить известные темы, внести элементы развлекательности в журналистский текст и др.

Ключевые слова: метод, инфотейнмент, невербальные приемы, содержательные приемы, журналистика, печатные СМИ.

I.I. Karpenko

CONTENT TECHNIQUES OF INFOTAINMENT IN THE WORK OF REGIONAL PRINT MEDIA

The article is devoted to the problem of researching non-verbal meaningful methods of infotainment in the practice of periodicals. The novelty of the study is due to the need to systematize the techniques of infotainment used in the work of the printed media, due to the lack of a theoretical study of this phenomenon. The empirical basis of the study was the corpus of journalistic materials of the Belgorod regional youth magazine OnOnas for the period from 2013 to 2021, selected by the continuous sampling method. The relevance of the work lies in the need for theoretical understanding of the practice of publishing and classifying non-verbal meaningful methods of infotainment. The methods used in the course of the study include system analysis with an emphasis on a constructive and structural-functional approach; the typology method and content analysis are also used. The paper formulates the conclusions that the group of non-verbal informative techniques of infotainment includes: the selection criterion for topics, the features of the selection of characters for journalistic material, the way of interpreting the subject of display, the creation of the effect of paradox, the performance of the journalist as an actor. The use of such techniques makes it possible to increase the meaningful attractiveness of journalistic material, present well-known topics in a non-trivial way, introduce elements of entertainment into a journalistic text, etc.

Key words: method, infotainment, non-verbal techniques, meaningful techniques, journalism, print media.

Сегодня в журналистике идет перманентный процесс поиска новых форм, методов и способов репрезентации журналистской информации. Эта тенденция продиктована рядом факторов: а) интенсивно растущими из года в год объемами информации, в потоке которых стало сложно привлечь и

удержать внимание аудитории к тому или иному медиапродукту, б) развитием информационно-коммуникационных технологий, расширяющими формы «упаковки» журналистского материала, в) «сжимающимся» временем, феноменом который связан с плотностью информационной насыщенности жизни современного человека, его усиленной многозадачностью в условиях информационного общества и всеобщей компьютеризацией, что меняет ощущение течения времени.

Инфотейнмент как метод представления журналистской информации в сложившихся условиях служит инструментом для снижения информационной загруженности сложных журналистских материалов, для привлечения внимания к медиапродуктам и акцента на развлекательной составляющей СМИ [1–4 и др.]. Важным аспектом в использовании метода инфотейнмента является соблюдение баланса между «information» и «entertainment» для трансляции информации без потери смысла и для предотвращения крена в развлечение; «баланс между информацией и развлечением может варьироваться в зависимости от целей, которые ставят перед собой создатели программ <...>: чем суше подана информация, тем больше <...> ей доверяют, но одновременно именно это приводит к быстрой потере внимания и низкому уровню понимания <...> среди массовой аудитории» [5; с. 172]. Инфотейнмент как «социокультурное явление представляет собой результат интеграции информации, ее эстетизированных форм репрезентации и инновационных средств массовой коммуникации, возникших и укоренившихся на рубеже XX–XXI вв.» [6; с. 3].

Интерес исследователей к инфотейнменту в России активизировался только в начале 2000-х гг., однако, история этого феномена берет начало еще с первой половины 1980-х гг. [7–8 и др.]. Несмотря на большой спектр применения метода инфотейнмента в журналистике, в научном дискурсе наметился явный крен в моновидовое исследование этого феномена – телевизионное вещание [9–12 и др.]. Гораздо реже можно найти работы, в которых проводится анализ практики инфотейнмента в интернет-СМИ [13–15 и др.] и практически неизученным остается использование инфотейнмента печатными средствами массовой информации [16–17], тем более региональными. Этот аспект обуславливает новизну данной работы.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью систематизации невербальных приемов инфотейнмента в контексте работы печатных периодических изданий, так как данная проблема является недостаточно изученной современной наукой. Целью работы является изучение и систематизация невербальных приемов на примере белгородского молодежного областного журнала «ОнОнас». Эмпирической базой исследования послужил корпус журналистских материалов журнала «ОнОнас», вышедших в печать в период с 2013 г. по 2021 год. Основными методами, использованными в работе, являются системный анализ, с акцентом на конструктивном и структурно-функциональном подходе, метода типологизации и контент-анализ.

Все приемы инфотейнмента, используемые в работе печатных СМИ, можно разделить на две группы – вербальные и невербальные. В число *вербальных* входят графические, словообразовательные, фонетические, морфологические, лексические и синтаксические языковые игры. В числе *невербальных* приемов инфотейнмента – две группы: структурно-композиционные и содержательные. Структурно-композиционные приемы – это визуально-графические приемы, которые позволяют интересным, новаторским образом представлять визуальную часть журналистских материалов. Содержательные – приемы, направленные на усиление содержательной, а не визуальной, привлекательности журналистского материала.

В контексте данной работы мы остановимся на разговоре о группе содержательных приемов инфотейнмента.

К содержательным невербальным приемам инфотейнмента относятся:

- критерий отбора тем,
- особенности подбора героев для журналистского материала,
- способ трактовки предмета отображения,
- создание эффекта парадоксальности,
- выступление журналиста в роли актора своего материала.

Отметим, что в контексте данной работы мы говорим о содержательных приемах инфотейнмента, свойственных печатной журналистике, так как другие виды СМИ имеют свой уникальный набор приемов данной группы.

1. *Выбор темы будущего материала*, безошибочное «попадание» в круг интересов целевой аудитории, привлечение и удержание внимания читателя – проблемы, которые всегда остро стоят перед журнали-

стом. «Выбор темы – это закономерность журналистского творчества. И чем строже и осознанней проявляется она в действиях журналиста, тем заметнее его вклад в общее дело повышения эффективности и действенности СМИ» [18; с. 23]. Немецкий социолог Никлас Луман в работе «Реальность массмедиа» (1996 г.) выделил ряд черт, которым должен отвечать материал, претендующий на распространение в виде новостей или комментариев: «(1) Неожданность усиливается благодаря явному разрыву континуальности. Информация должна быть *новой*. <...> (2) Предпочтение отдается *конфликтам*. <...> Они отсрочивают спасительную информацию о победителях и проигравших, указывая на будущее. Это порождает напряжение и, с позиции понимания коммуникации, — попытки предугадать исход. <...> (3) Особенно эффективными возбуждателями внимания являются *количественные показатели*. Квантитативность всегда информативна... <...> (4) *Локальная направленность*, в свою очередь, придает информации значимость, предположительно, в силу того, что мы представляем себе столь хорошо информированными о месте собственного пребывания... <...> (5) Нарушения норм также заслуживают особого внимания. Это касается правонарушений, но прежде всего — нарушения моральных норм <...> В изображении массмедиа нарушения норм часто принимают вид скандалов» [19; с. 49–51]. Сегодня эти параметры активно использует современное телевидение для формирования новостной картины дня. Философия инфотейнмента применительно к современным печатным СМИ значительно расширяет концепцию Н. Лумана: тема может быть не только новой, но и уже известной с нестандартной трактовкой, новыми подробностями, непривычной визуализацией.

Редакция журнала «ОнОнас» ответственно подходит к отбору тем в издание. В данном аспекте учитывается следующий фактор: возрастная особенность целевой аудитории — молодежь от 16 до 30 лет [20], поэтому тема должна быть не просто интересной, а увлекать именно молодежную аудиторию, что вдвойне усложняет ситуацию, так как у нее есть огромное количество других «возбудителей» интереса в виде компьютерных игр, контента на видео-депозитариях в Интернете, социальных сетей и др. Сегодня «в медиасреде отслеживается повсеместный отказ молодой аудитории от традиционных источников информации, а именно периодических печатных изданий, и переход к более современным СМИ» [21; с. 103]. Ирина Владимировна Жилавская с опорой на исследование М. Симгановой [22] выделяет однообразие, официоз, отсутствие обратной связи в ряду наиболее явных факторов, которые отталкивают современную молодежь от периодической печати [23; с. 178]. Именно поэтому современная молодежная периодика должна использовать новые формы коммуникации со своей аудиторией и новые приемы репрезентации контента. Журнал «ОнОнас» отличается многообразием тем, интересных молодежи, так как молодежь сама является героем почти всех сюжетов. Совокупность тематических блоков в журнале можно классифицировать следующим образом:

– творчество: «Под сиреневым небом. Как за год стать востребованным музыкантом в Белгороде» (№ 10/84, декабрь 2021), «Бродячие керамисты. Кто в Белгороде создаёт необычные вещи из глины» (№ 10/84, декабрь 2021), «Хип-хоп, снято. Как белгородец фотографирует первых людей русского хип-хопа» (№ 09/83, ноябрь 2021), «Танцуй, будто никто не видит. Как в Белгороде проходит подготовка к танцевальным баттлам» (№ 09/83, ноябрь 2021), «На память из фоторужья щёлкну. Как врач из Белгорода увлёкся съёмкой диких животных» (№ 09/83, ноябрь 2021) и др.,

– культурные традиции «Проведи январь как встарь. Гуляем по традициям древних славян» (№ 10/84, декабрь 2021), «30 килоотягающих. Зачем старооскольцы дерутся в доспехах» (№ 07/81, сентябрь 2021) и др.,

– краеведение: «Трудности перевода. Жители других регионов угадывают значение белгородских слов» (№ 10/84, декабрь 2021), «Как и где общалась белгородская молодёжь в начале XX века» (№ 02/66, февраль 2020) и др.,

– времяпрепровождение «Как в Белгороде учат диджеев» (№ 8/82, октябрь 2021) и др.,

– домашние и не только животные: «Право быть домашним. Какие права есть у питомцев» (№ 10/84, декабрь 2021), «Итак, вот что наши лось...» (№ 09/83, ноябрь 2021) и др.,

– опыт «Само не пройдёт. Истории белгородок с расстройством пищевого поведения» (№ 8/82, октябрь 2021), «Dream Тим. Как любить своё хобби и звучать в сотнях плееров» (№ 8/82, октябрь 2021), «Мой странный Новый год. Где довелось бывать белгородцам в новогоднюю ночь» (№ 10/84, декабрь 2021), «Белгород – Наумовка и обратно. Как мы путешествовали на электричке» (№ 09/83, ноябрь 2021), «Не только почта. Как студентка из Старого Оскола начала карьеру в Mail.ru Group» (№ 9/73, ноябрь 2020) и др.,

– мифы «На каком этапе производства рвут джинсы?» (№ 8/82, октябрь 2021), «Можно ли опьянеть от конфет с коньяком?» (№ 10/84, декабрь 2021), «Может ли пупок развязаться?» (№ 09/83, ноябрь 2021), «Могут ли от ношения защитной маски оттопыриться уши?» (№ 9/73, ноябрь 2020), «Почему на мужской и женской одежде пуговицы расположены с разных сторон?» (№ 01/75, январь 2021) и др.,

– гендерные вопросы: «Плачут только девочки!» С какими гендерными стереотипами сталкивались

белгородцы» (№ 09/83, ноябрь 2021), «Голубое для мальчика, розовое для девочки? Белгородцы – о мужественности и женственности» (№ 9/73, ноябрь 2020) и др.,

– профориентация «Сладкая работа. Почему молодёжь идёт трудиться на сахарный завод» (№ 8/82, октябрь 2021) и др.,

– рекомендации: «О, май год! Как правильно подвести итоги года» (№ 07/81, сентябрь 2021), «Куда можно улететь из Белгорода на новогодние каникулы» (№ 09/83, ноябрь 2021) и др.

Как мы видим редакция старается и сохранять набор функций молодежной прессы – информационную, образовательную, конструктивную, воспитательную, популяризаторскую, агитационную, но и привносить в издание развлекательный элемент, который может выражаться не только во внешней форме воплощения материала (о чем речь пойдет далее), но и в выборе тем, к примеру, привнесения в тексты прикладных тем – где провести выходные, где отдохнуть на Новый год и пр., включение материалов, в которых обсуждаются какие-нибудь мифологические представления, стереотипы и пр. – можно ли улететь на воздушных шарах, может ли развязаться пупок от поднятия тяжестей и т.д.; рассказы о опыте героев в той или иной сфере также играют большую роль, так как читатель ассоциирует себя со своими ровесниками со страницы журнала.

2. Особо стоит выделить проблему *подбора героев для журналистского материала*. В рамках метода инфотейнмента ответственный подход в этом деле нельзя недооценивать, так как герой выполняет целый ряд функций, прежде всего, популяризацию и пропагандирование, интерпретацию, привлечение внимания, воздействие и пр. Живой человек – уникальный источник информации, который способен не только информировать, но и комментировать с опорой на собственный эмпирический опыт, свои чувства и ощущения. Герой в молодежной прессе, в основе работы которой лежит метод инфотейнмента – это всегда ровесник читателя издания, увлекающийся, достигший определенных результатов в своем увлечении (работе, хобби и пр.) человек, признанный общественностью, успешный, известный. Еще одна характерная черта героя, свойственная только региональной и муниципальной прессе: герой – это знакомый, сосед, сослуживец, тот человек, кого читатель знает или потенциально может знать. Этот аспект еще больше вызывает доверия к герою, так как уравнивает его с читателем, герой «оказывается человеком, у которого тоже могут быть проблемы, которые он не скрывает от своих зрителей и даже как бы обращается к ним за помощью и поддержкой» [24]. Материалы с героем есть в каждом номере «ОнОнаса». Среди героев издания: двадцатилетняя Анна Цуканова, кипер белгородского зоопарка («Подруга волка. Кто ухаживает за животными в зоопарке» (№ 07/81, сентябрь 2021), участница шоу «Танцы» Арина Якименко («Вы в танцах. Как студентка из Белгорода танцевала на ТНТ» (№ 09/73, ноябрь 2020), участник команды КВН «Далс» белгородец Филипп Воронин («Чуть-чуть известный человек. Есть ли жизнь после ДАЛСа» № 03/77, март 2021), белгородка Анастасия Сахно, известная как певица ZaNoZa («ZaNoZa в эфире. Как девушка из Белгорода стремится попасть в шоу-бизнес» № 01/75, январь 2021) и др.

3. *Раскрытие темы нетрадиционным способом трактовки*. По сравнению с выбором темы раскрытие или разработка является сугубо индивидуальным процессом. «Обладая относительной самостоятельностью, трактовка темы привносит новые черты в процесс теории и методики журналистского творчества» [18; с. 23]. Одинаковые предметы отображения в различных средствах массовой информации часто раскрываются с абсолютно разных сторон. Причиной тому ряд факторов: формат издания, политика редакции, профессионально-творческие навыки журналиста и пр. Высокий уровень профессионализма журналиста – залог эффективности создаваемого им материала.

Примером такой нетривиальной трактовки «избитой» темы является материал «Периодическая таблица химических элементов по-белгородски». Редакция журнала удачно собрала и систематизировала большую часть белгородских символов и ассоциатов, однако, не рутинным и скучным образом, который мог бы оттолкнуть читателя от издания, а новаторским и интересным для читателя способом, организовав эти символы в «таблицу Менделеева» и разделив все «элементы» по нескольким группам: скрепоиды, куда вошли такие понятия как добро, благополучие, вера, традиции, рождаемость, инновации, творчество; символы – чернозем, Прохоровское поле, железная руда, ИЖС и т.д.; звездоиды – Светлана Хоркина, Федор Емельяненко, Сергей Тетюхин, Евгений Савченко, Владимир Шухов, Михаил Щепкин, Князь Владимир и др.; основные месталлы – Диорама, художественный музей, Холки, усадьба Мухановых, Круглое здание в Головчино, Баркова мельница и т.д.; таблоиды – БелПресса, «Большая переменка», «ОнОнас» и др. и т.д., Также в «таблице» сформированы трехчастные сложные соединения элементов, из которых «собираются» целые мероприятия, культурные и исторические проекты – Дубовое, дуб, Богдан Хмельницкий; Русская каша, Диорама, Прохоровское поле; вера, Митрополит Иоанн, Холки; ГрильФест, Сосновка Свинина и т.д.

и двухчастные – Инновации, В. Шухов; Филармония, Струлев и друзья; ИЖС, Новая жизнь и др. («Периодическая таблица химических элементов по-белгородски», № 03/57, март 2019).

4. *Создание эффекта парадоксальности.* Эффект парадоксальности от знакомства с журналистском материалом может возникать в нескольких случаях: а). когда тема, предмет отображения (ситуация, процесс и т.д.) изначально противоречит здравому смыслу. Подобных примеров в журналистике найти сложно, так как это будет противоречить принципам журналистики как таковым; б). когда мнение, представленное в журналистском тексте кардинально расходится с общепринятым и кажется нелогичным. Найти подобные примеры в современных журналистских текстах тоже достаточно сложно, так как журналистика изначально – транслятор традиционных ценностей, общепринятых идей и смыслов; в). когда в материале поднимается тема, на первый взгляд правдоподобная, но обычно не соответствующая реальности, так называемая «городская легенда» (Калька от англ. «urban legend» – байка, выдумка, выдаваемая за правду); г). когда поднимаются банальные, на первый взгляд темы, но имеющие научное объяснение. Подобные материалы всегда сопровождаются комментариями экспертов в рассматриваемой области.

В контексте разговора об использовании метода нетривиальной трактовки информационного повода и парадоксальности представления фактов, мы также можем рассматривать показательный пример с позиции применения содержательных приемов, то есть выбора темы с нестандартным ракурсом рассмотрения и, отчасти, парадоксальностью «Откуда пошла Белгородская земля. История региона в виде ленты соцсетей» (№ 10/34, декабрь 2016). В «соцсети» ведется переписка между сарматами, славянами, готами, гуннами, франками, вандалами, скифами, хазарами и пр. народами и отдельными историческими личностями, которые в разные промежутки времени были связаны с Белгородской землей. Каждый пост включает в себя лайки, комментарии и репосты, все в шуточном стиле, но без потери исторических фактов. (Материал был создан при консультировании учителя истории школы № 13 г. Белгорода Семёна Кириллова и ассистента кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета НИУ «БелГУ» Дмитрия Богданова.) Так, на пост *Владимира Шухова* от 1895 г. – «*Ищу работу. Умею строить гиперболоидные башни. Владею технологией переработки, хранения и перевозки нефти. Писать в личку!*» – откликнулся отметкой нравится пользователь *БГТУ им. В.Г. Шухова*, а на пост *Адольфа Гитлера* о создании события *Война с СССР* откликнулись лайками *Франц Гальдер* и *Альфред Йодлю*. За постом следует серия комментариев: Наполеон Бонапарт: «*Ребята, по-моему, вы погорячились*; Хан Мамай: *Поддерживаю предыдущего оратора...*; Фридрих II Прусский: *Адик, ну для кого я это все писал? «Русского солдата нужно застрелить два раза, а потом еще толкнуть, чтобы он упал» (с)*» и т.д. Абсурдность и невозможность подобной переписки создает комический эффект, а исторические факты выполняют образовательную и информационную функцию. История развивается вплоть до 6 января 1954 года, когда была создана Белгородская область.

Другим примером выступает рубрика «Глупый вопрос умному человеку», где журналисты поднимают темы, интересующие многих с детства: «*Сколько воздушных шариков с гелием понадобится, чтобы поднять человека в небо?*» (№ 05/79, май 2021), «*Кто придумывает названия улицам?*» (№ 06/40, июнь–август 2017), «*Почему на морозе язык прилипает к железу?*» (№ 11/35, январь 2017), «*Почему нос у нас один, а ноздри – две?*» (№ 03/77, март 2021).

5. *Журналист как актер.* Этот прием реализуется в формате «проверено на себе», когда журналист сам становится героем собственного материала. Некоторые исследователи медиа синонимизируют такие понятия как «маска» и «испытано на себе», аргументируя это тем, что «если ты что-то испытываешь на себе, значит, ты уже надеваешь маску чужой профессии. Речь может идти только о нюансах, скрываешь ли ты свою журналистскую принадлежность, или говоришь об этом открыто» [25; с. 67]. Однако, полагаем, что эти приемы все же имеют серьезные отличия, прежде всего, в уровне открытости намерений журналиста для общественности: если прием «маски» применяется исключительно скрыто (журналист может даже использовать грим и переодевание для того, чтобы не быть узнаваемым), то метод «испытано на себе» – это открытое, включенное наблюдение с освоением журналистом навыков какой-то деятельности, в которую он включается, намерения наблюдателя при этом не скрываются. Часто в научном медиадискурсе можно встретить точки зрения о том, что названные методы познания действительности являются идентичными эксперименту. Однако, полагаем, что эти методы не стоит отождествлять, так как «эксперимент» является гиперонимом по отношению к понятию «испытано на себе». Несомненным является то, что «с помощью эксперимента журналист может наглядно продемонстрировать существующие в общественной практике противоречия, сосредоточить на них общественное внимание, установить возможные пути решения социальной проблемы. Причем сам ход и результаты эксперимента, проводимого наглядно, публично, при заинтересованном участии журналистов, представителей аудитории, как правило, дают очень важные, порой неопровержимые аргументы, способствующие более скорому разрешению поставленной проблемы» [27; с. 23]. Эксперимент может быть разных видов в зависимости от используемого инструментария: компьютер-

ный, психологический, физический, мыслительный, социальный. Социальный эксперимент, к которому можно отнести журналистский метод познания действительности «испытано на себе», в свою очередь подразделяется на подвиды на основе параметра включенности в него участников: один человек, социальные группа, коллектив, общность и т.д. Объективное отличие метода эксперимента от «испытано на себе» является стандартизация и организация, чего в последнем случае, то есть включенности журналиста в какую-то деятельность, может и не быть, так как кратковременное «проживание» определенной роли может не регламентироваться рамками определенного сценария. В идеальном же своем виде эксперимент является таковым «если им управляют, контролируют его, измеряют и фиксируют, а полученные данные оценивают, обобщают и включают в состав принимаемых решений» [28].

Подобный прием всегда интересен аудитории, так как демонстрирует предельно субъективный подход к анализу ситуации, в которой оказывается журналист, его активную сопричастность к исследованию. В ситуации с простым наблюдением журналист пребывает «в относительно пассивной, отстраненной позиции внешнего наблюдателя по отношению к предмету своего интереса <...>, не вмешиваясь в происходящее» [29; с. 315]. В случае же с описываемым методом сбора информации, читатель экстраполирует опыт и переживания журналиста, который активно участвует в событии, на себя. В случае применения данного приема у читателя могут возникать, как минимум, два стимула, вызывающих интерес к материалу: а) журналист предстает для читателя не как абстрагированный образ, а как конкретный человек, находящийся в типичной жизненной ситуации, что приравнивает его к читателю и стимулирует у последнего интерес представить себя в подобной ситуации (либо он уже находится в ней): рабочий на заводе, продавец в магазине, киоскер, водитель троллейбуса и пр.; б) журналист вживается в роль неспецифическую для среднестатистического читателя издания, которому интересны опыт и переживания автора материала, в ситуации для него самого недостижимую (или к которой он стремится): дайвер, парашютист, шахтер и пр.

Примером подобного материала с применением журналистского приема «испытано на себе» является репортаж «Экспресс-служба. Как я попал в армию и дембельнулся за один день» (№ 03/57, март 2019). Журналист описывает свой кратковременный жизненный опыт: «пока турфирмы хвастаются экскурсиями по необычным местам, Общероссийский народный фронт предлагает пойти в армию — на полдня. Долой Counter-Strike и VR-стрелялки: «ОнОнас» рассказывает, каково быть настоящим солдатом». Жанровые рамки репортажа раскрываются в последовательном подробном рассказе, повествующем в настоящем времени, о дне, проведенном автором текста в одной из военных частей: «День начинается с КПП: паспортный контроль, пристальный взгляд, вопросы, куда и зачем. Нас запомнили. <...> Рядовой Крапивка выдал нам форму. <...> Берцы начищены по умолчанию, но щёткой все равно заставили поработать — для приличия». Материал делится на несколько частей, описывающих типичные ситуации армейской жизни: казармы, лекции, столовая, автодром. Помимо повествовательной части в материале присутствует информация прикладного характера — вставки с рекомендациями и правилами поведения в той или иной ситуации. Эти части усиливают практическую ценность материала, так как журналист не только делится своими впечатлениями, но и рассказывает об алгоритмах поведения, дает ценные советы, основанные на пережитых им случаях: Инструкция по уходу за армейской кроватью — алгоритм и правила застилания, Краткий курс строевой подготовки — правила марша строевым шагом, Мысли товарища капитана — практические рекомендации по общению с военным руководством.

Подобных примеров текстов «испытано на себе» в издании встречается много: «Осторожно двери закрываются. Как «ОнОнас» катался в электричке» (№ 09/83, ноябрь 2021), «Идёт коза рогатая. Играем в крепостное право» (№ 02/26, февраль 2016), «Крепкий замес Как я мучила колобка и боролась с воздушными пузырьками» (№ 03/37, март 2017), «Бей до дна Как всё испортить так, чтобы все остались довольны» (№ 11/35, январь 2017), «Не шелковый путь. Почему жажда путешествий сильнее неприятностей» (№ 06/50, июнь 2018) и т.д.

Существует еще целый ряд содержательных приемов реализации метода инфотейнмента в печатных медиа, которые мы не можем применить к практике рассматриваемого нами журнала, так как они свойственны в большей степени другим типологическим группам СМИ, прежде всего, массовой прессе — таблоидам, «глянцевым» изданиям или «желтой» прессе. К этим приемам относятся сенсационность, экстремальность, трэш-стистика (обращение к телесному, доминанта эстетики безобразного, извращенность, патология).

Сегодня инфотейнмент — это метод, который достаточно сдержанно используется региональными периодическими изданиями. Рассмотренные примеры — скорее исключение, а не правило, что открывает большие перспективы для региональной печатной журналистики. Низкая динамика сегодня оправдывается

рядом факторов: а) небольшой охват аудитории региональными СМИ и, как следствие, низкие доходы не стимулируют редакции использовать в своей работе приемы, требующие финансовых и трудовых вложений; б) использование отдельных приемов инфотейнмента требует высокого профессионального уровня не только на стадии создания креативной идеи, но и в процессе ее графического или мультимедийного воплощения, то есть достаточного уровня владения технологиями производства медиапродукта; в) по причине высокой время- и трудозатратности, выпуск подобных журналистских материалов целесообразен только в изданиях с редкой периодичностью; г) выпуск подобных материалов возможен только в условиях пересмотра системы оплаты труда в региональных редакциях, так как прилагаемые при создании инотейнмент-материалов усилия журналиста не могут оплачиваться соразмерно с материалами подготовленными в традиционных жанрах журналистики.

Библиографический список

1. Медийный текст: социальные практики, технологии, теории / А. В. Белоедова, М. Ю. Казак, И. И. Карпенко [и др.]; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород: Издательский дом "Белгород", 2018. 296 с.
2. Безгина А.А. Возникновение и развитие понятия «инфотейнмент» в зарубежных и отечественных исследованиях массмедиа // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 21–22 ноября 2019 года / Ответственный редактор Н.И. Степыкин. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 12-19.
3. Драгун Е.М. Инфотейнмент как явление современной медиакультуры: дис. ...канд. культур. наук. М., 2015. 175 с.
4. Евдокимов В.А. Инфотейнмент в масс-медиа: панацея от скуки и эрзац дискуссии // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 214-219.
5. Еремина Д.А. Особенности немецкого радиформата "Инфотейнмент" в рамках публицистического стиля (на материале общественно-правовых и частных радиостанций Германии): специальность 10.02.04 «Германские языки»: дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2014. 243 с.
6. Драгун Е.М. Инфотейнмент как явление современной медиакультуры: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. Москва, 2015. 22 с.
7. Саблина А.Н. Становление понятия инфотейнмент в работах отечественных исследователей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-11. С. 41-43.
8. Карпенко И.И. Использование метода инфотейнмента в практике современного российского телевидения / Е. Ю. Лобановская, О. Е. Ельникова, Л. С. Горборукова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 28(277). С. 97-105.
9. Картозия Н. Программа «Намедни»: русский инфотейнмент // Меди@льманах. 2003. № 3(3). С. 3.
10. Кофман А.А. Инфотейнмент на телевидении: проблемы и перспективы развития формата // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2015 года / Российский университет дружбы народов. Москва: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 102-106.
11. Богданова Е.М. Феномен инфотейнмента на телевидении // Наука телевидения. 2012. Т. 9. С. 219-223.
12. Кочутина Д.С. Приемы инфотейнмента и характер их проявлений в информационно-аналитических программах // Медиасреда. 2011. № 6. С. 77-86.
13. Долгова Н.В. Просвещение и инфотейнмент в популяризации науки (на примере российских общественно-политических интернет-СМИ) // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием, Рязань, 21–22 ноября 2018 года / Ответственные редакторы Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. Рязань: ООО «Издательство Ипполитова», 2018. С. 307-312.
14. Водяникова О.И. Форматы инфотейнмента в интернет-издании «Медуза»: на примере Арктической повестки // Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности: Сборник научных статей / Составитель О.В. Зарецкая. Том Выпуск III. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2019. С. 97-101.
15. Кузьмина М.А. Интерпретация термина «инфотейнмент» в российских исследованиях масс-медиа (на примере интернет-порталов «Look At Me» и «Лайфхакер») // Мультимедийная журналистика Евразии - 2016: национальные медиасистемы в условиях новой медиареальности Востока и Запада: материалы X Международной научно-практической конференции, Казань, 08–09 декабря 2016 года. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2016. С. 413-419.
16. Тирацун А.Ю. Глянцевый дискурс о культуре как инфотейнмент // Культура. Наука. Интеграция. 2012. № 2(18). С. 74-78.

17. Маслова А.А. Концепция инфотеймента в научно-популярном журнале «Кот Шрёдингера» // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского», Ярославль, 03–04 марта 2016 года. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2016. С. 167-171.
18. Хозиев, Б. Р. Выбор темы и ее разработка. 2008. Т. 8, № 2. С. 23-26.
19. Луман Никлас. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
20. Полонский, А. В. Журналистика в контексте глянцевого вызова культуры / А. В. Полонский // Журналистика и общественные коммуникации в цифровом пространстве: создавая смыслы : сборник материалов, Владивосток, 30 сентября – 01 октября 2021 года. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. С. 160-167.
21. Сысолятина К. В. Привлечение внимания молодёжной аудитории как стратегическая задача СМИ / К. В. Сысолятина, Т. В. Лисик // Молодёжь и выборы: Материалы VIII межрегионального форума, Киров, 23 апреля 2019 года / Отв. ред. Игошина Ю.В. Киров: ООО "Издательство "Радуга-ПРЕСС", 2019. С. 100-107.
22. Симаганова М. Дизайн ужасный, размер неудобный, читать нечего // Кампус. 2008. №4. С.18.
23. Жилавская. И.В. Медиаобразование молодежи: монография. М.: РИЦ МГТУ им. М. А. Шолохова, 2013. 243 с.
24. Зверева Н.В. Школа регионального тележурналиста. М.: Аспект Пресс, 2004. 320 с.
25. Васильева, Л. Меню репортера: на первое – инфотеймент, а на десерт – диатриба. 2008. № 7. С. 66-68.
26. Карпенко И. И. Проблема расизма и отношения к эмигрантам в публицистике Гюнтера Вальрафа // Международная журналистика - 2019: евразийско-атлантическое партнерство и медиа : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Минск, 21 февраля 2019 года / Ответственный редактор Б.Л. Залесский. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 93-98.
27. Шумилина Т.В. Методы сбора информации в журналистике: учеб. пособие для вузов. М., 1983. С. 23.
28. Социальные технологии: Толковый словарь / Отв. Ред. В. Н. Иванов. Москва: Луч; Белгород: Центр социальных технологий, 1995. 309 с.
29. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: Познавательный-психологический подход. Москва: Аспект пресс, 2010. 351 с.

References

1. Media text: social practices, technologies, theories / A. V. Beloedova, M. Yu. Kazak, I. I. Karpenko [and others]; Belgorod State National Research University. Belgorod: Belgorod Publishing House, 2018. 296 p.
2. Bezgina A.A. The emergence and development of the concept of "infotainment" in foreign and domestic media studies // Strategy for the development of regional media: problems and prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, November 21–22, 2019 / Editor-in-chief N.I. Stepykin. Kursk: Southwestern State University, 2020. pp. 12-19.
3. Dragun E.M. Infotainment as a phenomenon of modern media culture: dis. ...cand. cultures. Sciences. M., 2015. 175 p.
4. Evdokimov V.A. Infotainment in the mass media: a panacea for boredom and an ersatz of discussion // Human Science: Humanitarian Studies. 2010. No. 5. pp. 214-219.
5. Eremina D. A. Features of the German radio format "Infotainment" within the journalistic style (on the material of public law and private radio stations in Germany): specialty 10.02.04 "Germanic languages": diss. for the degree of candidate of philological sciences. Moscow, 2014. 243 p.
6. Dragun E. M. Infotainment as a phenomenon of modern media culture: specialty 24.00.01 "Theory and history of culture": abstract of the dissertation for the degree of candidate of cultural studies. Moscow, 2015. 22 p.
7. Sablina A.N. Formation of the concept of infotainment in the works of domestic researchers // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2014. No. 10-1. pp. 41-43.
8. Karpenko I.I. Using the infotainment method in the practice of modern Russian television / E. Yu. Lobanovskaya, O. E. Elnikova, L. S. Gorborkova // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities. 2017. No. 28 (277). pp. 97-105.
9. Kartoziya N. Program "The Other Day": Russian infotainment // Medi@lmanakh. 2003. No. 3(3). pp. 3.
10. Kofman A.A. Infotainment on television: problems and prospects for the development of the format // Mass media in a multipolar world: problems and prospects: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, October 20–21, 2015 / Peoples' Friendship University of Russia. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2015. pp. 102-106.
11. Bogdanova E.M. The phenomenon of infotainment on television // Science of television. 2012. T. 9. pp. 219-223.
12. Kochutina D.S. Infotainment techniques and the nature of their manifestations in information and analytical programs // Media environment. 2011. No. 6. pp. 77-86.

13. Dolgova N.V. Education and infotainment in the popularization of science (on the example of Russian socio-political Internet media) // Society and the state in the mirror of sociological measurements (VIII Ryazan sociological readings): Proceedings of the National scientific and practical conference with international participation, Ryazan, November 21–22, 2018 of the year / Managing editors R.E. Markin, A.V. Pronose. Ryazan: LLC Ippolitov Publishing House, 2018. pp. 307-312.
14. Vodyannikova O.I. Infotainment formats in the Meduza online publication: on the example of the Arctic agenda // Russian North and the Arctic: fundamental problems of history and modernity: Collection of scientific articles / Compiled by O.V. Zaretskaya. Volume Issue III. – Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2019. pp. 97-101.
15. Kuzmina M.A. Interpretation of the term "infotainment" in Russian media studies (on the example of the Internet portals "Look At Me" and "Lifehacker") // Multimedia journalism of Eurasia - 2016: national media systems in the context of the new media reality of East and West: materials of the X International Scientific and practical conference, Kazan, December 08–09, 2016. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2016. pp. 413-419.
16. Tiratsuyan A.Yu. Glossy discourse about culture as infotainment // Culture. The science. Integration. - 2012. No. 2(18). pp. 74-78.
17. Maslova A.A. The concept of infotainment in the popular science magazine "Schrödinger's Cat" // Culture. Literature. Language: Proceedings of the conference "Readings of Ushinsky", Yaroslavl, March 03–04, 2016. - Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. K.D. Ushinsky, 2016. pp. 167-171.
18. Khoziev, B. R. Choice of the topic and its development . 2008. - V. 8, No. 2. pp. 23-26.
19. Luman Niklas. The reality of the mass media / Per. with him. A. Yu. Antonovsky. M.: Praxis, 2005. 256 p.
20. Polonsky A. V. Journalism in the context of the glossy challenge of culture / A. V. Polonsky // Journalism and public communications in the digital space: creating meanings: collection of materials, Vladivostok, September 30 - 01, 2021. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2021. pp. 160-167.
21. Sysolyatina K. V. Attracting the attention of a youth audience as a strategic task of the media / K. V. Sysolyatina, T. V. Lisik // Youth and elections: Materials of the VIII Interregional Forum, Kirov, April 23, 2019 / Ed. ed. Igoshina Yu.V. Kirov: LLC "Publishing House" Raduga-PRESS ", 2019. pp. 100-107.
22. Simaganova M. Terrible design, uncomfortable size, nothing to read // Campus. 2008. No. 4. p.18.
23. Zhylavskaya. I.V. Media education of youth: monograph M.: RIC MGGU im. M. A. Sholokhova, 2013. 243 p.
24. Zvereva N.V. School of the regional TV journalist. M.: Aspect Press, 2004. 320 p.
25. Vasilyeva, L. Reporter's menu: first - infotainment, and for dessert - diatribe. 2008. No. 7. pp. 66-68.
26. Karpenko I. I. The problem of racism and attitudes towards emigrants in the journalism of Gunther Wallraf // International journalism - 2019: Eurasian-Atlantic partnership and media: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Minsk, February 21, 2019 / Editor-in-chief B. L. Zalessky. Minsk: Belarusian State University, 2019. pp. 93-98.
27. Shumilina T.V. Methods of collecting information in journalism: textbook. allowance for universities. M., 1983. pp. 23.
28. Social technologies: Explanatory dictionary / Ed. Ed. V. N. Ivanov. - Moscow: Luch; Belgorod: Center for Social Technologies, 1995. 309 p.
29. Tertychny A. A. Analytical journalism: Cognitive-psychological approach. - Moscow: Aspect press, 2010. - 351 p.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811'А, 32.019.5

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.37.85.016

*Российская академия народного хозяйства и
государственной службы,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры профессио-
нальной языковой подготовки,
Алексеев А.Б.
Россия, г. Москва,
тел. 89636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

*Russian Academy of Economy and Public Admin-
istration,
The chair of Professional Linguistic Preparation,
PhD, Senior lecturer.
Alexeyev A.B.
Russia, Moscow,
tel. 89636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

А.Б. Алексеев

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Статья исследует с позиций лингвополитологии феномен политики, давая ему определение в качестве социального общения по поводу различных политических вопросов, так или иначе связанных с обширной темой «политика». Указывается на особую значимость коммуникации в сфере политики, выделяется несколько коммуникативных трендов. В их числе: маргинализация, тяготение к несерьезности политического дискурса, формирование политейнмента, включение в него намеков, шуток, анекдотов (нередко сексуально-интимного характера), радикализация политики, нетолерантность к «чужим», в особенности мигрантам, развертывание масштабных гибридных / информационных войн, иногда сопровождаемых такими негативными явлениями, как социальные, религиозные этнические фобии и распространение языка вражды. В качестве аддитивных признаков политической коммуникации можно считать виртуализацию, или дигитализацию коммуникативного пространства, ювенилизацию и американизацию. Отмечается, что этим не ограничивается список новых коммуникативных политических трендов, поскольку современная политика находится в стадии стремительной трансформации, и следует ожидать, что в ближайшем будущем могут возникнуть и другие векторы развития обслуживающего ее дискурса. В частности, в условиях пандемии уже сейчас наблюдается медиализация новостей, растет градус манипулятивности и т.д. Изменения в области политики побуждают ученых-лингвополитологов пересматривать свои исследовательские приоритеты, уделять особое внимание обозначенным коммуникативным трендам, в результате чего традиционная политическая лингвистика, по сути, превращается в неолингвистику информационно-психологической войны. В ее рамках изучения заслуживает не просто феномен манипулятивности, но и темы политического мифа, политического алармизма и в особенности – с учетом отвержения говорящими этических норм общения – невежливости, речевой агрессии, неполиткорректности.

Ключевые слова: коммуникативный тренд, политика, политейнмент, маргинализация, информационно-психологическая война, язык вражды.

A.B. Alexeyev

COMMUNICATIVE TRENDS OF MODERN POLITICS

The article dwells on the phenomenon of politics from the standpoint of view of political linguistics. Politics is defined as a broad social interaction between people on different matters linked to political themes. The importance of communication for the political field is highlighted. A few political trends are singled out. Among them is marginalization, attraction towards the unserious political discourse, formation of politainment and the inclusion in it hints, jokes, anecdotes, often of sexual nature, political radicalization, intolerance shown to 'aliens', in particular to migrants, announcement of full-scale hybrid / information wars. The latter are sometimes accompanied by such negative manifesta-

tions as social, religious and ethnic phobias and the spread of hate speech. As additive (second-nature) peculiarities of political communication one can cite virtualization or digitalization of communicative practices, juvenilization and americanization. It is noted that the signified communicative trends do not exhaust the list of other potential discursive transformations, for modern politics is in a phase of rapid transformation and one can expect that in the nearest future new vectors of development of the political discourse may arise. For example, at the time of the pandemic medicalization of news is already happening while the degree of manipulateness is also rising. Transformations in the domain of politics urge scientists who study political linguistics to reconsider their research priorities, paying special attention to the noted communicative trends. As a result, the traditional political linguistics is, in fact, changed into a new linguistics of the informational and psychological war. Within its framework, not only manipulation is worth being studied. Themes linked to phenomena like political myths or political alarmism and in particular – in the light of rejection of ethical norms of communication – impoliteness, speech aggression and political incorrectness come to the forefront.

Key words: communicative trend, politics, politainment, marginalization, informational and psychological war, hate speech.

Значимость коммуникации – универсального в человеческом мире явления, оказывающего огромное влияние на все области социально-политической жизни, – трудно переоценить даже в рамках сугубо политологического исследования. Как писала Х. Арендт, ‘wherever the relevance of speech is at stake, matters become political by definition, for speech is what makes man a political being’ («Когда ставится вопрос об уместности речевых практик, обсуждаемые проблемы по определению становятся политическими, поскольку речь – это то, что делает человека политическим существом») [24, с. 3]. С этим трудно не согласиться. Например, казалось бы, несущественный с политической точки зрения протест против чрезмерного лингвистического пуризма или диктата нередко скрывает за собой желание перестроить все здание общественного порядка [39, с. 11].

Политика в XXI в. носит принципиально иной характер, чем раньше, ибо, по словам немецкого журналиста, «силовой захват цитаделей государственной власти более не является необходимым условием революционного переворота. Вместо того, чтобы оккупировать здания правительства, захватывают понятия, которые определяют государственный порядок, наши права и обязанности...» [36, с. 26]. Метафора захвата (англ. hijack) правительством ключевых концептов применяется и Д. Икардом [31, с. 9]. Как следствие, в духе философии М. Фуко переосмысливается и понятие «власть», которое исследователи начинают связывать с общением людей, (ре)конструирующим весь спектр социальных отношений.

В лингвистической науке долгое время считалось, что значения лексических единиц, будучи социально заданными, неизменяемы, или, точнее, изменяемы, но только по прошествии достаточно продолжительного времени и при содействии всего или, по крайней мере, значительной части общества. Данная позиция была изложена еще Ф. де Соссюром – известным ученым, которого многие по праву считают отцом лингвистики [35, с. 16], на самом деле повлиявшим почти на все отрасли гуманитарного знания, стоявшим у истоков структурализма. Тем не менее, новейшие исследования семиотики языковых знаков показывают, что швейцарский исследователь в чем-то все же ошибался. Во-первых, значения слов могут трансформироваться стремительно – в период перестройки буквально за несколько лет были переосмыслены понятия «Запад», «конкуренция», «концерн» и т.п. [11, с. 61]. Во-вторых, подобного рода манипуляции со значениями возможны и в нереволюционные эпохи, т.е. тогда, когда политическая власть стабильна – вплоть до начала 1930-х гг. лексема «патриотизм» воспринималась большевиками скорее отрицательно, чем положительно, как пережиток буржуазного языкового сознания, но затем была резко повышена в статусе, хотя высшее руководство СССР осталось прежним [11, с. 67]. В-третьих, имеет смысл признать, что «значение не является качеством, присущим словам, но в значительной степени зависит от контекста» [32, с. 16], в том числе экстралингвистического.

Тезис, согласно которому политика представляет собой прежде всего коммуникативную, или дискурсивную деятельность, является центральным для междисциплинарного направления, именуемого одними исследователями политической лингвистикой, другими – лингвополитологией. Причем иногда ученые проводят между ними определенную грань, указывая, в частности, на то, что первая наука носит языковедческий характер, в то время как вторая – обращается к рассмотрению политических аспектов, хотя данные отличия скорее формального, чем содержательного плана: в обоих случаях в фокусе внимания познающего субъекта находится язык, обслуживающий социальную сферу политики, рассмотрение которого позволяет переключиться на анализ и неязыковой реальности [10, с. 47], не являющейся заданной, но по существу всегда (ре)конструируемой в процессе общения, что соотносится с креативной, или социотрансформативной функцией дискурса [15, с. 140] – многознач-

ного термина, служащего иногда синонимом понятия «коммуникация». По определению М. Фуко, «дискурсы – это не просто группы [языковых] знаков, а практики, систематически формирующие объекты, о которых они ведут речь» [28, с. 49].

Политика – понятие тоже далеко не однозначное, допускающее несколько интерпретаций. Неподаром В.В. Маяковский писал:

...рукою
своею собственною
щупаю
бестелое слово

«политика» [9, с. 119, выделение наше].

В лингвополитологии политикой можно считать коммуникацию, протекающую сугубо внутри политических институтов, разграничивающуюся на (коммуникативную) деятельность между (1) самими институтами; (2) их подразделениями; (3) агентами, оперирующими внутри них [3, с. 193]. Недостатком такого подхода можно признать слишком узкое толкование политической сферы и вытекающую отсюда ее редукцию к официальной политической повестке, игнорирование не только фактора внесистемной оппозиции, но и избирателя, которому в этом случае неизбежно отводится пассивная роль. Однако доля правды в этом тоже есть: аполитичность общества, диагностированная еще Ж. Бодрийяром [25, с. 27], непрерывное тяготение людей к гедонизму, господство потребительской культуры, наиболее ярко описанной в работах Г. Маркузе, представителя Франкфуртской школы, выливающейся в коммерциализацию широкого спектра отношений между людьми, равнодушие, когда, если говорить словами С.Е. Эрлиха, распространяется «опасная иллюзия, будто бы каждый как-нибудь решит свои проблемы сам» [21, с. 23], – все это в совокупности нивелирует демократические тенденции развития современного мира, сводя политику к специфической профессии ограниченного круга государственных лиц.

Тем не менее в русле лингвополитологии четко прослеживается принципиально иной взгляд на политический дискурс, включающий, по мнению ряда ученых, многообразные формы общения на темы, связанные с политикой. Будем исходить из данной исследовательской установки, предпочтительность которой опосредована следующими соображениями: (1) политика – это одновременно и профессия, и призвание (по М. Веберу); (2) невозможно полностью игнорировать политику, и даже аполитичные граждане обычно имеют свою точку на те или иные политические события; (3) развитие компьютерных технологий ведет «к динамичным переменам в окружающей реальности» [20, с. 79], представляя каждому возможность выразить свое мнение в соцсетях, облегчая общение между политиком и его (потенциальными) избирателями, способствуя единению государственных деятелей с народом [19, с. 294], пусть чаще иллюзорному, чем действительному.

Преимущества широкой трактовки политики становятся особенно очевидными в связи со становлением политейнмента (от англ. слов ‘politics’ – политика и ‘entertainment’ – развлечение) и инфотейнмента, а также подчеркнуто маргинальным характером деятельности не только оппозиции, но и иногда политического истеблишмента. Большую политику все чаще делают представители бизнеса, в том числе шоубизнеса, блогеры, диссиденты, творческий, креативный класс и т.д., пользуясь аполитичностью и стереотипным видением политики, не боящиеся подчеркнуть свое отличие от «типичных политиков». В этом, по нашему мнению, манифестируется коммуникативная стратегия (само)маргинализации. Примеров в данной связи можно привести достаточно много, как из русскоязычной политической коммуникации, так и иностранной:

Зеленский: *У меня есть юридическое образование – и это плюс. Но у меня нет опыта работы в политике и это – жирный плюс* (смех) [13].

Trump: *I left private business for public life. Do you believe I'm in public life – can you believe this? Am I a politician? I hope not. Because I understand that our country is in bad shape and needs to be turned around fast.* – Трамп: *Я бросил личный бизнес ради общественной деятельности. Вы верите, можете ли вы поверить, что я общественный деятель? Неужели я политик? Надеюсь – нет. Потому что я понимаю, что в нашей стране все плохо, и это надо исправить в ближайшее время* [29].

Weidel: *Es ist schon wirklich mühsam sich wirklich geschlagene anderthalb Stunde – oder war es fast zwei Stunden? – sich die Plattitüden anzuhören. Und ich bin wirklich in der Politik gegangen zusammen auch mit allen meinen Kollegen wie viele tausende von Mitgliedern in AFD. Wir sind in der Politik gegangen aus der Mitte der Gesellschaft, aus der Arbeitnehmerpositionen, wir sind keine Berufspolitiker. Warum?*

Weil uns die Hutschnur irgendwann gerissen ist und darum gibt es auch AFD... – Вайдель: На самом деле, слушать битые полтора часа, почти два часа, банальности – нелегко. Я пришла в политику, как и все мои коллеги, как тысячи членов нашей партии из самой гущи немецкого общества, из рабочих – мы не профессиональные политики. Почему мы занялись политикой? Потому что в какой-то момент нас прижали к стенке, и по этой самой причине возникла АдГ – Альтернатива для Германии... [23].

Как видно из приведенного материала, утверждать «я не политик» в различных вариациях данной самоидентификации («я не профессиональный политик», «я не политик-карьерист» и т.п.) весьма модно. Полагаем, что политическая самомаргинализация является весьма интересной и актуальной темой для изучения. Ее можно рассматривать и с точки зрения употребления говорящими специфических языковых и стилистических средств.

Если, по определению А.М. Вафина, политическим маргиналом следует считать внесистемного политического агента [4, с. 7], то в нашем представлении коммуникативный тренд маргинализации дает о себе знать прежде всего (1) в подчеркивании политиком своего лиминального (лат. *limen* – порог), маргинального (лат. *margo* – грань) положения в системе политических институтов, достигаемого с помощью нескольких способов (политику-маргиналу акцент можно делать не просто на своей непричастности большой политики, но и, например, гендерном факторе – по формуле «я политик-женщина» – или приверженности немажоритарных политических идеологий); (2) единении с различными меньшинствами, в том числе квазименьшинствами [16, с. 41], шокировании адресата, допустим, утверждениями как «я за ЛГБТ», «я состою в движении ЛГБТ», что соотносится с другими выделяемыми нами коммуникативными трендами прежде всего тяготением к несерьезности и тематическим расширением политического общения:

*Weidel: Ich möchte heute über ein Thema sprechen und ein wenig von mein Program mal abweichen um mit Ihnen zum ersten Mal in diesem Wahlkampf von überhaupt ein Thema zu sprechen, welches eigentlich nicht hingehört. Eine Premiere, so zu sagen. Wie der eine oder andere mitbekommen hat, lebe ich mit einer Frau zusammen. Also in der letzter Zeit weniger aber norrmalerweise eben schon (Beifall). Ausserdem, ziehen wir gemeinsam 2 Kinder auf. Der eine oder andere hat jetzt schon gemerkt wovon ich rede und den rest erfährt er jetzt von mir: **ich bin homosexuell**. (Anrufe: Oh! zögerlicher Beifall). – Вайдель: Я бы хотела сегодня поднять одну тему и немного отклониться от запланированной речи, чтобы с вами впервые за все время этой электоральной кампании заговорить о теме, которая, на самом деле, никогда не стояла на повестке дня. Премьера, так сказать. Итак, как некоторые из вас осведомлены, я живу с женщиной. В последнее время – реже, но, как правило, мы вместе (АПЛО-ДИСМЕНТЫ). Более того, мы воспитываем двоих детей. Некоторые уже поняли, что я имею в виду, остальные – сейчас должны узнать от меня, что **я гомосексуальной ориентации** (Выкрики: О! Неуверенные аплодисменты) [38].*

*Buttigieg: And to **Chasten, my love**. And I am pretty fond of **him** too for giving me the strength to do this and the grounding to be myself as we go. – Буттиджиг: И обращаясь к **моей любви, Частену**. Я **люблю его** также за то, что **он** дает мне силу баллотироваться в президенты и при этом быть самим собой [33].*

Несерьезность и людический характер (от лат. *ludo* – играю) современной политической коммуникации проявляются в различных намеках, нередко связанных с интимной темой, а также определенного рода шутках / анекдотах, казалось бы, в политике на высшем уровне неуместных, но рассказываемых даже главами государств. Опять же примеров можно привести много – ограничимся несколькими из них:

*Trump: You could see there was blood coming out of her eyes, **blood coming out of her whatever**. – Трамп: Было видно: ее глаза были красные, **кровь текла из одного места** [26].*

*Rubio: He's like 6'2", which is why I don't understand why his hands are the size of a guy that's 5'2". I just see his hands -- they're like this. **And you know what they say about men with small hands** -- you can't trust them. You can't trust them. You can't trust them. Alright? You can't trust them. – Рубио: Его рост около 190 см., и поэтому я никак не пойму, почему его руки, как у парня 160 см. Я просто смотрю на его руки – и они такие маленькие. **А вы знаете, что говорят о мужчинах с маленькими руками:** им нельзя доверять. Им нельзя доверять. Правильно? Им нельзя доверять. Им нельзя доверять [37].*

*Путин: Либо это будет федеративная объединенная государственная структура – Соединенные Штаты Европы, либо это будет делаться на основе отдельных договоров, соглашений – это все равно, важен результат... Много всяких анекдотов можно привести на этот счет: **как бы ни действовать во время первой брачной ночи – результат должен быть один и тот же** [18].*

А вот эпизод дипломатического противостояния (информационной войны) между Польшей и Россией в социальных сетях:

Sikorski: *We were not orphaned by you because you were not our daddy. More of a serial rapist. Which is why you are not missed. And if you try it again, you'll get a kick in the balls.* – Сикорский: *Мы не стали бесхозной землей, потому что вы не были нашим хозяином. Скорее, серийным насильником. Поэтому мы скучать не будем. А если попытаетесь захватить нас снова, то получите по яйцам.*

Захарова: *Россия – женского рода. Видимо, Сикорский стал жертвой концепции гендерного разнообразия* [6].

Приведенный фрагмент хорошо отражает и другой коммуникативный тренд, который можно условно обозначить так: пренебрежение этическими нормами общения, – проявляющийся в стремлении оскорбить идеологического противника, навесить на него диффамирующий ярлык [8, с. 248] или подчеркнуто отвергнуть политкорректность.

Обозначенные тренды соотносятся с аддитивными – термин Е.Н. Галичкиной –признаками современных дискурсов (не только политического), среди которых отметим: виртуализацию (дигитализацию) коммуникативного пространства, приводящую к тому, что граждане все чаще живут уже не просто в мифологизированном, но воображаемом мире [1, с. 134] и ювенилизацию, т.е. стремление людей, в том числе почтенного возраста и высокого социального статуса, подражать подросткам [5, с. 98], применять мальчишеский дворовый жаргон. Не последнюю роль в трансформации речевых практик играет и американизация, так или иначе признаваемая и отечественными, и зарубежными исследователями [5, с. 98; 16, с. 41; 40].

В условиях пандемии и образовавшейся вокруг нее моральной паники ученые пишут также о медиализации политических новостей, в которых порой даются анатомические подробности [2, с. 85; 17, с. 154], используются медицинские метафоры, но насколько эта тенденция устойчива, пока, на наш взгляд, еще трудно судить.

Упомянуть следует и еще несколько аспектов того, как современный политический дискурс отличается от политических дискурсов, в исторической перспективе ему предшествовавших: исследователям сегодня уже нельзя игнорировать определенную радикализацию политической интеракции, особенно когда вопрос заходит о «чужих», мигрантах [11, с. 170; 27, с. 133], могущую, по опасению Х. Хансена, вернуть политику во времена человеконенавистнической нацистской риторики [30, с. 9].

В этой связи внимание необходимо уделить и разворачиванию масштабных гибридных / информационных войн, порой обуславливаемых и сопровождаемых различными видами социальных, религиозных и этнических фобий (гомофобия, исламофобия антиамериканизм, русофобия), способствующих как распространению в публичном дискурсе того, что лингвисты называют языком / риторикой вражды и ненависти (англ. hate speech), так и коррозии либерально-демократической идеологии конца XX в., во многом построенной на американских нормах политкорректности [7, с. 145], что побуждает ученых своевременно вести речь не столько о политической лингвистике, сколько, по словам Г.А. Копниной, лингвистике информационно-психологической войны [8, с. 248], в которой огромную роль играет анализ феномена манипулятивности [12, с. 96], приобретающего все больший резонанс в связи с возрастанием высокотехнологизированного, инструментализированного воздействия на социум [22, с. 96].

Помимо манипуляции, в политической неолингвистике исследовательского внимания заслуживают такие темы, как политический миф, политический алармизм, речевая агрессия, невежливость, непolitкорректность, язык вражды. Последний, как правило, пока еще используется политиками тенденциозно, с определенными оговорками, но расистские, сексистские и прочие идеи уже четко прослеживаются в речах некоторых политиков. Ограничимся буквально одним, но достаточно яркими примером:

TRUMP: *When Mexico sends its people, they're not sending their best. They're not sending you. They're not sending you. They're sending people that have lots of problems, and they're bringing those problems with us. They're bringing drugs. They're bringing crime. They're rapists. And some, I assume, are good people.* – Трамп: *Когда Мексика отправляет нам своих людей, они не отправляют самых лучших. Они не отправляют вас. Они не отправляют вас. Они засылают людей с множеством проблем, и они приносят эти проблемы нам. Они приносят наркотики. Они приносят преступления. Они насильники. Но некоторые из них, по-моему, могут быть и хорошими людьми* [34].

В данном речевом фрагменте Д. Трамп обвиняет Мексику и мексиканцев в том, что преступность в США растет, одновременно создавая миф о том, что правительство соседней страны якобы избавляется от «ненужных», «плохих» людей, посылая их в США. Не оперируя никакими статистическими данными, на тот момент кандидат в президенты фактически оскорбляет всех латиноамериканцев, прямо называя их наркодилерами и насильниками, с помощью прагматического использования личных местоимений, четко выстраивая оппозицию «мы – они». При всем этом даже в свете такой риторики говорящий вынужден отметить, что, по его мнению, некоторые граждане Мексики – хорошие люди.

В целом можно считать, что проблемное поле изучения лингвистики информационно-психологической войны не менее широкое, чем лингвополитологии, и непосредственно пересекается с вопросами, интересующими и политологов, и социологов, и исследователей прочих научных ориентаций – историков, культурологов, философов и т.д., – в связи с чем обоснованно не просто пытаться найти точки соприкосновения между различными областями гуманитарного знания, но и непосредственно применять междисциплинарный подход при рассмотрении как политики, так и обслуживающего ее политического дискурса.

В заключение статьи отметим, что, конечно же, мы не рассмотрели и даже не упомянули все коммуникативные тренды, заслуживающие исследования как в лингвополитологии, так и лингвистических дисциплинах, формирующихся на ее основе (обыденная лингвополитология, политическая лингвоперсоналогия, лингвистика информационно-психологической войны и т.д.), что в принципе невозможно сделать в рамках одной работы ограниченного объема ввиду, во-первых, множественности дискурсивных практик, в том числе (относительно) новых, а во-вторых, стремительно трансформирующегося характера политики, в которой постоянно происходят изменения, что соотносится с концепцией ускорения развития в XXI в., неизбежного как минимум в свете продолжающегося технологического прогресса, делающего тем более актуальным обращение к понятию коммуникативного тренда и его анализа на конкретных примерах в контексте современности.

Библиографический список

1. Боголюбов А.Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтение Марша шпионов Кипплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153.
2. Булгакова А.А. Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 82–90.
3. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
4. Вафин А.М. Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи. М.: Изд-во «Канон+», 2016. 152 с.
5. Галичкина Е.Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия ВГПУ. 2019. № 2 (135). С. 97–100.
6. Захарова высмеяла евродепутата за угрозу дать России «по яйцам» [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1275504/2022-01-11/zakharova-vysmeiala-evrodeputata-za-ugrozu-dat-rossii-po-iaitcam> (дата обращения: 15.05.2023)
7. Кондакова Е.А., Принципалова О.В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 2. С. 143–156.
8. Копнина Г.А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13. Вып. 11. С. 248–253.
9. Маяковский В. Сила класса, слава класса: стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 333 с.
10. Равочкин Н.Н. Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты // Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки. 2020. № 2(34). С. 46–53.
11. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013. 456 с.
12. Сипко Й. Фрагменты языковой картины миграции в странах вышеградской четверки // Политическая лингвистика. 2018. №. 4 (70). С. 167–174.
13. Стать президентом и не ВОРОВАТЬ - выпуск Вечернего Квартала, в котором ЗЕЛЕНСКИЙ порвал всех! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw> (дата обращения: 15.05.2023)

14. Стырина Е.В., Мартиросян А.А. Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 1. С. 92–105.
15. Труш Е.Н. Мифология как основа формирования рекламного образа // Вестник МГЛУ. Серия 1 Филология. 2009. № 1(38). С. 139–144.
16. Фефелов А.Ф. Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12. Вып. 2. С. 40–49.
17. Храброва Е.С. Конструирование дискурса алармизма в медиапространстве Великобритании (на материале освещения пандемии СОЭВИD-19) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 2 (37). С. 152–161.
18. Цитаты известных личностей [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/1714865-vladimir-vladimirovich-putin-variant-1-libo-eto-budet-federativnaia-obedinenna/> (дата обращения: 15.05. 2023)
19. Чивильгина Е.В., Галичкина Е.Н. Лексико-семантические особенности личных веб-страниц Д.А. Медведева (на примере интернет-сообщества «Твиттер») // Сборник научных статей «Когнитивная лингвистика». Астрахань, 2020. С. 292–298.
20. Шмелева Е.С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале «The Economist») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 78–86.
21. Эрлих С.Е. Утопия бесов. СПб: Нестор-История, 2012. 136 с.
22. Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.: Нестор-История, 2016. 552 с.
23. Alice Weidels (AfD) 2016 Rede [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4luVIvFR-eg> (дата обращения: 05.03.2018).
24. Arendt H. The Human Condition. 1998. Chicago: Chicago Press. 349 p.
25. Baudrillard, J. In the shadow of the silent majorities and other essays. New York: Columbia University Press, 1983. 129 p.
26. Donald Trump and Megyn Kelly – "BLOOD COMING OUT OF HER EYES", SAID TRUMP! [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uUKWRSIUS5o> (дата обращения: 24.11.2017)
27. Eribon D. Returning to Reims / Tr. by M. Lucey. Paris: Semiotext(e), 2013. 255 p.
28. Foucault M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. 254 p.
29. Full Speech: Donald Trump HUUGE Rally in Loveland, Colorado 03.10.16. Trump Loveland Speech HD [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4OwggVdiU18> (дата обращения: 21.11.2017)
30. Hansen T. Ein deutsches Leben. Was uns die Geschichte von Goebbels' Sekretärin für die Gegenwart lehrt. Berlin: Europa Verlag, 2017. 205 S.
31. Ikard D.H. Blinded by the whites. Why race still matters in the 21st-century America. Indianapolis: Indiana University Press, 2013. 173 p.
32. Lee D. Competing discourses. Perspective and ideology in language. London: Longman, 1992. 210 p.
33. Pete Buttigieg Presidential Campaign Announcement (C-SPAN) [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qtAHTlogN-4> (дата обращения: 28.10.2021)
34. Reilly K. Here Are All the Times Donald Trump Insulted Mexico [Electronic Resource]. URL: <http://time.com/4473972/donald-trump-mexico-meeting-insult/> (дата обращения: 17.11.2017)
35. Sedlaczek A. Multimodale Repräsentation von Klimawandel und Klimaschutz. Eine theoretische und methodologische Annäherung am Beispiel des Österreichischen Rundfunks // Wiener linguistische Gazette. Sonderausgabe/Special Issue 78A, 2014. S. 14–33.
36. Shrouf A. Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. 349 S.
37. Swartz I. Rubio Hits Trump: "You Know What They Say About Men With Small Hands, You Can't Trust Them" [Electronic Resource]. URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2016/02/29/rubio_hits_trump_you_know_what_they_say_about_men_with_small_hands_you_cant_trust_them.html (дата обращения: 09.03.2020)
38. Wahlkampfabschluss der AfD: Rede von Alice Weidel [Electronic Resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nryxvv-BFdM&ab_channel=phoenix (дата обращения: 07.08.2021)
39. Wimmer M. Poetik des Hasses in der österreichischen Literatur. Studien zu ausgewählten Texten. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 277 S.
40. Ünlü Ç. Amerikanvari seçim sonu konuşmalarının milli bir örneği olarak 'Balkon Konuşmaları': 2014 cumhurbaşkanlığı seçimi konuşması üzerine retoriksel bir analiz [Electronic Resource]. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313> (дата обращения: 21.04. 2021)

References

1. Bogolyubov A.F. Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of The Spies' March in Time of the Media War and Pandemic) // NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2020. Vol. 18. № 2. P. 132-153.
2. Bulgakova A.A. Creating a new world: transmedia storytelling principles in the COVID-19 pandemic news discourse // Actual issues of modern philology and journalism. 2021. № 3 (42). P. 82-90.
3. Van Deyk T. A. Discourse and power: representation of dominance in the language and communication. Tr. from English. Moscow, 2013. 344 p.
4. Vafin A.M. Political marginals of Russia in Europe: Limonov, Forteyn, Kon-Bendit and other cases. Moscow, 2016. 152 p.
5. Galichkina E.N. Typology of speech genres of network computer communication. VSPU News. 2019. № 2 (135). P. 97-100.
6. Zakharova mocked a EU deputy for the threat to hit Russia in 'the balls' [Electronic Resource]. URL: <https://iz.ru/1275504/2022-01-11/zakharova-vysmeiala-evrodeputata-za-ugrozu-dat-rossii-po-iaitcam> (date of reference: 15.05. 2023)
7. Kopnina G. Verbal Resistance to Political Labelling as a Defensive Means in Information-Psychological War // Philological Sciences. The Questions of Theory and Practice. 2021. Vol. 13. Iss. 11. P. 248-253.
8. Kondakova E.A., Principalova O.V. Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. Vol. 19. Iss. 2. P. 143-156.
9. Mayakovskiy V. The power of class, the fame of class: verses and poems. Moscow, 1983. 333 p.
10. Ravochkin N.N. Language games in the domain of politics and law: analytic philosophers vs. postmodernists. Vestnik MSPU. Series: Philosophical sciences. 2020. № 2(34). P. 46-53.
11. Ratmayr R. Russian speech and market: traditions and innovations in everyday business communication. Moscow, 2013. 456 p.
12. Sipko Y. The fragments of linguistic worldview of immigration in the countries of the Visegrad Group // Political linguistics. 2018. №. 4 (70). P. 167-174.
13. To become a president and not to STEAL – Evening Quarter program in which ZELENSKY outwitted everybody! [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw> (date of reference: 15.05. 2023)
14. Styrina E.V., Martirosyan A.A. Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction // NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. Vol. 19. Iss. 1. P. 92–105.
15. Trush E.N. Mythology as the Basis for the Formation of an Advertisement Image // MSLU Bullentin. Series 1 Philology. 2009. № 1(38). P. 139-144.
16. Fefelov A.F. Dialectics of race and racism markers in the “The adventures of Tom Sawyer” and “The adventures of Huckleberry Finn” // NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2014. Vol. 12. Iss. 2. P. 40-49.
17. Khrabrova E.S. Constructing of alarmist discourse in the UK media (on the basis of COVID-19 pandemic media coverage) // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. № 2 (37). P. 152-161.
18. Famous people's quotations [Electronic Resource]. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/1714865-vladimir-vladimirovich-putin-variant-1-libo-eto-budet-federativnaia-obedinenna/> (date of reference: 15.05. 2023)
19. Chivil'gina E.V., Galichkina E.N. Lexical and semantic features of D. Medvedev's personal web pages (at the example of the Internet community in Twitter) // Scientific articles “Cognitive linguistics”. Astrakhan, 2020. P. 292-298.
20. Shmeleva E.S. Cognitive Mechanisms and Pragmatic Potential of Linguistic Creativity (As Exemplified in The Economist). // NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2020. Vol. 18. Iss. 3. P. 78-86.
21. Erlikh S.E. Utopiya besov. Saint Petersburg, 2012. 136 p.
22. Erlikh S.E. War of myths. Memory about Decembrists at the turn of millennia. Saint Petersburg, 2016. 552 p.
23. Alice Weidels (AfD) 2016 Rede [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4luVIvFR-eg> (date of reference: 05.03.2018).
24. Arendt H. The Human Condition. Chicago: Chicago Press, 1998. 349 p.
25. Baudrillard, J. In the shadow of the silent majorities and other essays. New York: Columbia University Press, 1983. 129 p.
26. Donald Trump and Megyn Kelly – "BLOOD COMING OUT OF HER EYES", SAID TRUMP! [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uUKWRSIU5So> (date of reference: 24.11.2017)
27. Eribon D. Returning to Reims / Tr. by M. Lucey. Paris: Semiotext(e), 2013. 255 p.
28. Foucault M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. 254 p.
29. Full Speech: Donald Trump HUUGE Rally in Loveland, Colorado 03.10.16. Trump Loveland Speech HD [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4OwgVdiU18> (date of reference: 21.11.2017)

30. Hansen T. Ein deutsches Leben. Was uns die Geschichte von Goebbels' Sekretärin für die Gegenwart lehrt. Berlin: Europa Verlag, 2017. 205 S.
31. Ikard D.H. Blinded by the whites. Why race still matters in the 21st-century America. Indianapolis: Indiana University Press, 2013. 173 p.
32. Lee D. Competing discourses. Perspective and ideology in language. London: Longman, 1992. 210 p.
33. Pete Buttigieg Presidential Campaign Announcement (C-SPAN) [Electronic Resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qtAHTlogN-4> (дата обращения: 28.10.2021)
34. Reilly K. Here Are All the Times Donald Trump Insulted Mexico [Electronic Resource]. URL: <http://time.com/4473972/donald-trump-mexico-meeting-insult/> (date of reference: 17.11.2017)
35. Sedlaczek A. Multimodale Repräsentation von Klimawandel und Klimaschutz. Eine theoretische und methodologische Annäherung am Beispiel des Österreichischen Rundfunks // Wiener linguistische Gazette. Sonderausgabe/Special Issue 78A, 2014. S. 14–33.
36. Shrouf A. Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. 349 S.
37. Swartz I. Rubio Hits Trump: "You Know What They Say About Men With Small Hands, You Can't Trust Them" [Electronic Resource]. URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2016/02/29/rubio_hits_trump_you_know_what_they_say_about_men_with_small_hands_you_cant_trust_them.html (date of reference: 09.03.2020)
38. Wahlkampfabschluss der AfD: Rede von Alice Weidel [Electronic Resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nryxv-BFdM&ab_channel=phoenix (date of reference: 07.08.2021)
39. Wimmer M. Poetik des Hasses in der österreichischen Literatur. Studien zu ausgewählten Texten. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 277 S.
40. Ünlü Ç. Balcony Speech as an Example of American-style Postelection Speech: A Rhetorical Analysis of the Balcony Speech of 2014 Presidential Election in Turkey [Electronic Resource]. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313> (date of reference: 21.04. 2021)

***К 80-ЛЕТИЮ ОСНОВАТЕЛЯ ВОРОНЕЖСКОЙ
ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА
Г.Ф. КОВАЛЕВА
TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDER
OF THE VORONEZH ONOMASTIC SCHOOL,
PROFESSOR G.F. KOVALEV***

УДК 811.161.1'373

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.57.68.017

*Воронежский государственный университет
Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
славянской филологии
Ковалев Г.Ф.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
The chair of Slavonic philology,
Doctor of philology, full professor,
professor of the chair slavic philology
Kovalev G.F.
Russia, Voronezh, tel. (473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

Г.Ф. Ковалев

ЗООНИМ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ

Статья посвящена пояснению термина «зооним» который даже некоторыми лингвистами употребляется неправильно, то есть вместо имен собственных типа: Жучка, Буян, Зорька. Под этим термином они исследуют обычные нарицательные слова типа: собака, лошадь, корова и т.п. Основной материал посвящен употреблению зоонимов в различных жанрах творчества русских писателей. Анализируются отдельные зоонимы, отмеченные в произведениях Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, А. Платонова, М.М. Пришвина, И. Северянина. В исследовании с особым тщанием обращено внимание на автобиографизм таких литературных зоонимов. Зоонимы в отечественной художественной литературе наглядно показывают пристрастия писателей к определенным животным, помогают показать истинные чувства человека в природе, выявить гуманность самого писательского творчества в отношении «Братьев наших меньших» и даже проявить мягкий юмор с помощью тех зоонимов, которые постоянно на слуху. Кроме того, что не менее важно, писательские зоонимы можно разделить на две группы: реальные зоонимы, которые красноречиво отражают автобиографизм авторского текста; зоонимы придуманные автором – такие зоонимы прекрасно отражают языковую личность автора.

Ключевые слова: зооним, литературная ономастика, автобиографизм, русские писатели и поэты.

G.F. Kovalev

ZOONYM AS AN OBJECT OF STUDY OF LITERARY ONOMASTICS

The article is devoted to the explanation of the term "zoonym" which is used incorrectly even by some linguists, that is, instead of proper names like: Zhuchka, Buyan, Zorka. Under this term, they explore common common nouns like: dog, horse, cow, etc. The main material is devoted to the use of zoonyms in various genres of creativity of Russian writers. Individual zoonyms noted in the works of L.N. Tolstoy, N.V. Gogol, A. Platonov, M.M. Prishvin, I. Severyanin. The study pays special attention to the autobiography of such literary zoonyms. Zoonyms in Russian fiction clearly show the writers' addictions to certain animals, help to show the true feelings of a person in nature, reveal the humanity of the writer's work in relation to "Our Little Brothers" and even show mild humor with the help of those zoonyms that are constantly heard. In addition, and no less important, writers' zoonyms can be divided into two groups: real zoonyms, which eloquently reflect the autobiography of the author's text; zoonyms invented by the author - such zoonyms perfectly reflect the linguistic personality of the author.

Key words: zoonym, literary onomastics, autobiography, Russian writers and poets.

«Человечество – без облагораживания его животными и растениями – погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве» [Платонов А.П. Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. М., Советская Россия, 1985, с. 542].

Среди уровней и типов ономастических исследований, пожалуй, самый содержательный и полный практически до универсальности – уровень исследования ономастического наследия мастеров слова, писателей и поэтов. Именно оно и является материалом исследований в литературной ономастике. Поскольку литература отражает жизнь человека и общества во всем многообразии, то и литературная ономастика изучает все без исключения уровни и типы ономастических единиц, зафиксированных в языке творчества писателей. Именно поэтому литературная ономастика самая полная и универсальная по сравнению с исследованиями отдельных, хотя и громадных по материалу, таких ономастических пластов, как антропонимия и топонимия.

Одним из многих направлений исследований в литературной ономастике, правда, не основным, являются зоонимы. Термину «зооним» очень не повезло в науке: если в ономастике это понятно – кличка животного, как правило, прирученного человеком, то в обычных исследованиях этот термин используют вместо понятия «название животного», то есть употребляют обычное нарицательное название, типа: *кот, лошадь, свинья, медведь, ворона* и т.д., а отнюдь не имя собственное. Чаще всего этот термин несправедливо употребляют в исследованиях по метафорике и анализе паремийных сравнений.

Правильнее было бы употреблять в таких исследованиях термины *зооморфизм* или *зоосемизм*. Мне пришлось применить в статье о насекомых в русской литературе термин *энтосемизм* [1, с.234-237]. Я бы даже предложил термины *зоофор* и *фитофор* (вместо обычно неправильно употребляемых терминов *зооним* и *фитоним* в отношении к обычным названиям цветов типа: *рододендрон, фиалка, астра, василёк* и т.д.).

Одним из первых научные изыскания в области зоонимии предпринял известный российский лингвист Р.Ф. Брандт. Он написал интересную статью: «О присвоении животным собственных имен» [2].

Следует сказать, что теоретические параметры зоонимии и ее терминологические номинации обосновал известный польский ономаст П. Зволинский [3], годом позже о способах номинации в зоонимии высказались В.М. Мокиенко и О.И. Фонакова [4, с. 317-322], см. также работу Варниковой [5, с. 51-62].

Зоонимы могут иметь свои подвиды: антропозооним (антропонимический зооним – *Васька* – 'кот', *Петька* – 'петух', *Машика* – 'свинья'). Следует сказать, что этот тип зоонимов был ранее не так сильно распространен, как сейчас. Ранее имена людей реже употреблялись для номинации животных, ср. мнение, оброненное В.И. Далем: «грешно было кликать собаку человеческим именем»;

топозооним (топонимический зооним – *Амур* – 'собака', *Байкал* – 'собака', *Кавказ* или *Казбек* – 'конь');

реалеозооним (зооним от названий реальных событий, качеств или вещей – *Беда*, *Жулька*, *Найда* – 'собака', *Подлиза*, *Лиза* – 'кошка', *Жирняк* – 'хомячок').

Следует различать среди зоонимов индивидуальные имена, данные владельцами, и имена, дающиеся по необходимости в племенной работе по выводке пород.

О.Е. Вороничев предлагает «выделить оомозоонимы как омоопозиции кличек животных, относящихся к разным зоологическим видам: *Рыжий* (кот и пёс), *Зорька* (корова и лошадь). Такие оомозоонимы нередко возникают в результате взаимодействия с другими ономастическими классами: так, *Машика* (коза и свинья), *Васька* (кот и поросёнок) – перешли в зоонимы из антропонимов; *Алтай*, *Байкал*, *Амур* (пёс, конь, тигр и т.д.) – из топонимов» [6, с.78]. Это справедливо, но в художественной литературе зоонимы гораздо чаще медально застывают, что мощно противодействует самой возможности появления омоденотата. К примеру, И.А. Крылов снайперски дал название свинье – *Хавронья* (народное из *Феврония*), так что теперь, если упоминается *хавронья*, то мы четко определяем – это 'свинья'. То же самое можно сказать и о *Фру-Фру* Л.Н. Толстого ('красивая, элегантная лошадь').

Древние зоонимы обычно сохраняются в истории, как правило, за счет известности хозяев животных. Сохранилась, например, кличка легендарного коня Александра – Македонского – *Буцефал*.

Он был похоронен с королевскими почестями. А вот тиран-император Калигула даже сделал своего любимца членом римского сената. Его кличка была *Инцитат* (лат. Incitatus – быстроногий, борзой).

У многих писателей в их произведениях можно встретить любимых животных, но очень редко они имеют клички, данные хозяевами таких животных. Вот, например, у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»:

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
(II, гл. пятая)

Слово *жучка*, действительно, похоже на зооним, но это лишь обычное слово, обозначавшее небольшую, черную собачку (название идет от черного навозного *жучка*). Вот если бы было: собачка Жучка, – это был бы уже зооним [7, с.60-62]. Или еще в том же «Евгении Онегине»:

В гостиней встреча новых лиц,
Лай мосек, чмокание девиц.

И опять: *моськи* – маленькие собачки, но не зооним. А вот у И.А. Крылова это же слово уже обозначает не просто собаку, а действующего персонажа:

«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!»

Сивка – у А.В. Кольцова в «Песне пахаря» этот зооним (от прилагательного *сивый* – ‘седоватый, белесоватый’) дан в значении нарицательного имени. У крестьян лошади оставались, как правило, безымянными, а клички лошадям давались чаще всего по масти:

Пашенку мы рано
С *сивкою* распашем.

Хотя А.В. Кольцов написал слово *сивка* с маленькой буквы, но переводчики воспринимали это слово как имя собственное, да и болгарский поэт Пенчо Славейков так перевел «Песню пахаря»:

Хайде, хайде, Сивчо,
Бразди да изрием.

А другой поэт, Велимир Хлебников в стихотворении «Ну, тащися, Сивка» писал:

Ну, тащися, *Сивка*, по этому пути
Шара земного, – *Сивка Кольцова*, кляча Толстого...

У И.А. Крылова, я полагаю, Моська – условный зооним, поскольку, через посредство речи человека, выполняет и роль антропонима. Близка к ним роль и таких зоонимов, как «Холстомер» (конь) и «Каштанка» (собака). То же отчасти можно говорить и о животных, персонажах русских народных сказок (Медведь, Волк, Лиса, Заяц), которые действуют и говорят, как будто люди, надевшие маски животных.

Зоонимы этого типа становятся даже заглавием: У Л.Н. Толстого – «Холстомер», у И.С. Тургенева – «Муму», у А.П. Чехова – «Каштанка» и «Белолобый», у А. Куприна – «Белый пудель» и «Изумруд», у И.А. Бунина – «Сны Чанга», а также рассказ художника Е.И. Чарушина «Кот Епифан», роман Д. Рубиной «Желтухин» и много других, не столь известных. Более того, рассказ в этих произведениях часто ведется ... от самих этих животных (Холстомер, Каштанка). Исходя из своего авторского замысла, И.С. Тургенев отказался от введения рассказчика (как персоны) и специально поставил главными в повести бессловесных персонажей – собаку и глухонемого.

Аналогично, «сам о себе говорит» пудель Цезарь в рассказе Леонида Ленча «Цезарь и крры-тик» (Рассказ писательской собаки):

«Я – черный пудель по кличке Цезарь. Я работаю собакой у одного писателя.

Откровенно говоря, мне мое имя не нравится. Сколько есть на свете хороших собачьих имен: Полкан, Барбос, Дружок, Верный, – а я почему-то... Цезарь!

Что такое Цезарь, я не знаю, а хозяин еще, представляя меня своим гостям, говорит при этом обычно так:

– Познакомьтесь, это наш Кай Юлий Цезарь!

Совсем уже непонятно! Не Лай Юлий Цезарь, а Кай... Почему Кай?! Зачем Кай?!»

Вот еще заглавия, которые отражают характеристику главного персонажа произведения: «Белый Бим Чёрное ухо» – знаменитая, переведенная на множество языков, повесть воронежского писателя Гавриила Тропопольского. «Верный Руслан. История караульной собаки» – повесть советского писателя Георгия Владимова, написанная в 1963-1965 годах и опубликованная на Западе в 1975 году. Это история сторожевой собаки из трудового лагеря ГУЛАГ, рассказанная с точки зрения самой со-

баки. История начинается с момента закрытия и сноса трудового лагеря, включает в себя лучшие воспоминания пса Руслана о его прошлом и заканчивается гибелью Руслана.

Директор музея-заповедника "Спасское-Лутовиново" Е. Левина, рассказала, как родилась у Л.Н. Толстого творческая идея "Холстомера": "А однажды, гуляя с Тургеневым по окрестностям, Лев Николаевич увидел старого изможденного коня и тут же стал рассказывать спутнику, что чувствует несчастное животное. Иван Сергеевич спросил: "Когда-нибудь вы были лошадью?" Из этого эпизода родился рассказ "Холстомер" [8, с.5]. Правда, вначале писатель ознакомился с историей лошади по черновым наброскам М.А. Стаховича, что и признавал сам Л.Н. Толстой – «[Сюжет этот был задуман М.А. Стаховичем, автором "Ночного" и "Наездники", и передан автору А. А. Стаховичем. (Прим. Л.Н. Толстого)]». В рассказе Л.Н. Толстого, что, казалось бы, парадоксально, рассказ ведется и от автора, и от самого персонажа – старого мерина *Холстомера*. Вот диалог автора и Холстомера, рассказывающий историю уникального коня. Связывающими этот сюжет мы подобрали соответствующие цитаты с кличками лошадей. Как видим, здесь мощное отличие от «Поганого утёнка» Г.Х. Андерсена – судьба коня оказалась трагической.

В произведениях Н.В. Гоголя мы обязательно встречаем среди ономастических единиц разных типов и зоонимы, например, в рассказе «Коляска» кобыла называлась по-человечески, уважительно: *Аграфена Ивановна*.

Только в произведениях Н.В. Гоголя «Мертвые души» и «Записки сумасшедшего» обнаружено 17 кинонимов (клички собак):

из «Мертвых душ»: *Адель, Донекай, Касатка, Награда, Обругай, Пожар, Попечительница, Попурри, Порхай, Припекай, Северга, Скосырь, Стреляй, Черкай*;

из «Записок сумасшедшего»: *Меджи, Софи*.

Зоонимикон произведений Н.В. Гоголя представляет ценность для исследования, прежде всего, по двум причинам: во-первых, в «Мертвых душах» мы встречаем кинонимы, использовавшиеся в XIX веке для номинации борзых и гончих собак – для них характерны были клички из императивных глаголов типа *Донекай! Обругай! Порхай! Припекай! Стреляй! Черкай!* Поскольку традиции псовой охоты в настоящее время практически утрачены, то особенно ценны запечатленные в произведении (и, вероятнее всего, являющиеся достоверными) принципы номинации охотничьих собак.

Во-вторых, зоонимы в произведениях Гоголя играют и определенную художественную роль. Достаточно взглянуть на изображение собачек провинциальных дам в «Мертвых душах»:

«Приезд гостыи разбудил собачонок, спавших на солнце: мохнатую Адель, беспрестанно путавшуюся в собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненьких ножках. Тот и другая с лаем понесли кольцами свои хвосты в переднюю, где гостыя освобождалась от своего клок и очутилась в платье модного узора и цвета и в длинных хвостах на шее».

Французские имена, которыми названы собачки из слепого следования моде, подчеркивают комичность провинциальных дам, а так же ироничное отношение к ним автора. Поскольку героини «Мертвых душ», зачастую, собирательные образы, то имена собачек – Меджи, Софи, Адель, Попури – являются еще и своеобразными реалиями того времени, показывающими, как и по какому принципу чаще всего давали кличку комнатной собачке. Мода на все французское заставляла и домашних животных давать французские имена. На примере «кобелька Попури» мы можем увидеть, насколько бездумно было следование франкофильской моде: совершенно очевидно, что жанр музыкального произведения не имеет ничего общего с комнатной собачкой, однако само звучание слова «попурри», достаточно «французское» для русского уха, видимо, заставила владелицу дать собачке такое имя.

Описание собак Ноздрева изобилует зоонимами:

«Вошедши во двор, они увидели всяких собак, и густопсовых, и чистопсовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черно-ухих, сероухих... Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, донекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница» («Мертвые души»).

Сама фраза «все клички, все повелительные наклонения» делает явным один из основных принципов номинации борзых собак в XIX веке: собаку называли так, чтобы само ее имя было способно давать сигнал к действию. Также, среди кличек борзых Ноздрева, мы встречаем некоторые, данные по другим, уже известным нам принципам: Награда (в XIX веке существовала практика да-

вать животным клички, имеющие основой названия абстрактных предметов, действий, явлений природы, часто имеющих символическое значение – Улада, Отрада, Гроза).

Зоонимикон Н.В. Гоголя представляет интерес для исследования по различным причинам. Зоонимы, которые встречаются в его произведениях, достаточно достоверны, чтобы использоваться для составления зоонимических словарей, исследования исторической зоонимии. Клички борзых собак, особенности номинации этих животных могут оказаться полезными для восстановления традиций псовой охоты. Зачастую, зоонимы в произведениях Гоголя являются не просто ономастическими единицами, но и деталями, несущими некоторую художественную функцию. С помощью зоонимов автор может и выражать некоторую иронию, и добиваться наибольшей достоверности, яркости, красочности произведения.

В ранних произведениях А. Платонова постоянно встречается своеобразный персонаж, рассматриваемый чуть ли не под лупу автором или его литературным alter ego. Да, в таких произведениях как рассказы «Странники» (1920 г.): «Во сне он видел другую землю, где солнце светит днем и ночью, как большой костер, и кругом его сидят радостные тихие странники и Волчок, а вокруг сторожами ходят звезды» [9, с.160], «Серега и я»: «Старый Волчок встретил нас и обрадовался. Умные незвериные глаза ласкались и любили. Я, как родился, помнил его. Волчок хорошо чуял это и на мой голос отзывался криком не по-собачьи» (9, с.161), «Приключения Баклажанова»: «И вот прошло много дней. Издох на дворе Волчок» (9, с.205).», стихотворение «Мальчик», где тоже встречается загадочный пёс *Волчок* (Волчѣк), совершенно противоположный по характеру своей кличке.

Причем главный герой рассказа «Волчок» (1920 г.) – Мальчик, который видел в нем ничем не отличимое от самого себя существо: «Я Волчка за собаку не считал, за то и он полюбил меня, как любит мать» [16, с.151]. Этот странный пёс отнюдь не завзятый Дон Жуан: «На дворе была еще сука Чайка. И когда были собачьи свадьбы, кобели бесились, гонялись за Чайкой, один Волчѣк был такой, как всегда и не грызся с кобелями» [Там же]. А. Платонов как бы вслед за Редьярдом Киплингом говорит псу «Я и ты – мы одной крови!»: «Волчѣк вертанул шеей, и я увидел, какие у него не собачьи глаза, почти человеческая круглая задумчивая голова. Глаза стояли и вглядывались. Он живет не лучше меня!». Или: «Волчок, должно быть, не знал, что он кобель. Он жил и думал, как и все люди, и эта жизнь его и радовала и угнетала. Он, как и я, ничего не мог понять и не мог отдохнуть от думы и жизни» [9, с.150]. Х. Гюнтер определял такие типы как *антропозоологические* образы [10, с.91].

И в стихотворении «Мальчик» автор четко говорит о своем единстве с заброшенным псом:

«Спит Волчок в репьях под лопухами,
Сердце человеческое у него во сне,
И во сне рекой уходят звезды,
А земля без края и дорог». [9, с.381].

В повести «Ямская слобода» (1927 г.) А. Платонов использует практически весь комплекс типов собственных имен. Среди них мы встречаем лишь один зооним – *Волчок*. Это собака Захара Василевича Астахова: «...его кнут раздражал собак – и дворовый Волчок моментально начал лаять» [11, 58].

В повести «Котлован» очевидна сюжетная этимология фамилии *Медведев*: *Медведев* и есть *медведь*. Абсолютно реалистичная фамилия принадлежит, однако, совсем не традиционному персонажу – медведю-молотобойцу, который обладает классовым чутьем: «Пока Елисей равнодушно ходил на Оргдвор, медведь сделал четыре подковы и просил еще трудиться...» [11, 200]; «Девочка все время следила за медведем, ей было хорошо, что животные тоже есть рабочий класс...» [11, 201].

В повести медведя именуют Мишей, даже «Миш» – в обращении к медведю кузнеца при первом знакомстве: «Скорее, Миш, а то мы с тобой ударная бригада!» [11, 199], Мишкой, Михаилом, то есть медведь-молотобоец переходит как бы на иную социальную ступень. «Олицетворение» медведя выражается не только в том, что пролетарский молотобоец *Миша* вместе с людьми раскулачивает зажиточных крестьян в колхозе имени Генеральной Линии, но и в том, что Настя даёт ему фамилию, она называет его Медведевым Мишкой. И теперь медведь имеет полные характеристики человека: «В барак пришел Воцев, а за ним Медведев и весь колхоз» [12, 232].

В повести «Котлован» есть такие онимы, которые четко обнаруживают автобиографизм. В качестве такой автобиографичной отметки служит сюжетная этимология фамилии *Медведев*: Казалось бы, абсолютно реальная фамилия принадлежит, однако, совсем не традиционному персонажу – медведю-молотобойцу, который обладает «классовым чутьем».

Воронежский исследователь творчества А. Платонова – О.Г. Ласунский считал ситуацию с медведем аллюзией на воспоминания брата писателя, Семена Платоновича Климентова, о том, что в

одной из кузниц Ямской слободы вместе с хозяином у наковальни на задних лапах действительно работал молотобойцем выдрессированный медведь. Силища у зверя была огромная, а трудился он только за пропитание. По свистку кузнеца медведь бросал работу и шел к кормушке. Когда хозяин крепко напивался и впадал в сон, верный мишка его охранял... [13, 26].

В повести «Епифанские шлюзы» упоминается собака Илюшка.

М.М. Пришвина, писателя-певца природы, интересовало всё: как живет травинка, как дышит природа в различные времена года, как на все это реагирует человек. Наконец, сам человек в многообразных своих ипостасях взаимоотношений: человек – человек, человек – природа, человек – "братья его меньшие". И сам автор пишет об этой особенности своего таланта: "Дом моего таланта – это природа. Талант мой вышел из природы, и слово оделось в дом" [14, с.125].

Правда, везде и всегда у М.М. Пришвина просматривается абсолютно здоровый антропоцентризм (в том числе, когда *человек* коленопреклонен перед *природой*). Сам писатель отмечал: "Мои записи о природе часто наводят меня на мысль, что поезд нашей человеческой жизни движется много быстрее, чем природа, и вот почему получилось у меня, что, записывая мои наблюдения в природе, я записываю о жизни самого человека" (Пришвин-7, с.332).

Показательно, что даже кота своего М.М. Пришвин именует не иначе как, в отличие от великого артиста В.И. Качалова: *Василий Иванович Некачалов* [14, с.124]. Рассказ о зоониме *Кадо́* нас, читателей, поражает направленностью его на чувства человека, на его слово: "...когда мне друг мой подарил, я вдруг понял эти слова в переводе: "подарок", и Кадо мне стал славным именем. И только одно плохо, что Кадо по-русски среднего рода, на "о", а собака – огромный самец. Но и это мы преодолели: простые люди все единогласно называли его "Кадо́к" [14, с.268].

Писатель обязательно заостряет свое внимание не только на кличке животного, но и откуда она "есть пошла". Вот про маленькую самку оленя: "Ее называли Кастрюлька (пила из кастрюльки)" [15, с.458]. А по имени другого олененка писатель делает вывод: "Пойманного олененка называли Октябренок, и его стала vychаживать дочка заведующ. Сергея Федоровича Люся.

Нет, недаром даются имена. Октябренок – олень, как и у людей октябрюта, получил совершенно иное воспитание в совхозе Майхе, чем бывало это в небольших домашних питомниках таежных крестьян-старообрядцев" [15, с.458-459].

И в художественных произведениях писатель старался объяснить клички животных. Так, в повести "Кладовая солнца" он разъяснил истинную историю клички собаки: "Антипыч <...> назвал свою собаку вначале, конечно, по-охотничьи – от слова травить, и наша Травка вначале у него называлась Затравка; но после охотничья кличка на языке оболталась, и вышло прекрасное имя Травка".

Игорь Северянин с детства полюбил лошадей. Будучи у тетки Лизаветы в лесном поместье на Андоге при картонном заводе он часто на псарне, бывал на конюшне, где навсегда запомнив клички лошадей:

Завод картонный тети Лизы
На Андоге, в глухих лесах,
Таил волшебные сюрпризы
Для горожан, и в голосах
Увиденного мной впервые
Большого леса был призыв
К природе. Сердцем ощутив
Её, запел я; яровые
Я вскоре стал от озимых
Умело различать; хромых
Собак жалеть, часы на псарне
С борзыми дружно проводя
<...>
Я часто уходил в конюшню,
Взяв сахар для лошадей.
Меня встречали ржаньем морды:
Касатка, Горка и Облом
Со мною были меньше горды,
Чем ты манерный теткин дом.

[16, с.232-233].

Да и потом, приехав на время с разрешения отца в Череповец, будущий поэт снова увлекся...
это был жеребенок:

Был сын у этой «дамы», Колька
Мой сверстник и большой мой друг.
Проказ, проказ-то было сколько,
И шалостей заклятый круг!
Однажды из окна гостиной
Мы с ним увидели конька, купив его за три с полтиной
У рыночного мужика.
Стал ежедневно жеребёнок
Ходить к нам на второй этаж...
Ах, избалованный ребёнок
Был этот самый автор ваш!

[16, с.259].

А вот поэт Михаил Светлов даже за три часа до смерти смог пошутить стихами:
У знатной доярки –
Елизаветы Петровны Елагиной –
коровы были такого качества,
что имели вымя и отчество... [17, с. 323].

Как видим, зоонимы в отечественной художественной литературе, а также в публицистике, наглядно показывают пристрастия писателей к определенным животным, помогают показать истинные чувства человека в природе, выявить гуманность самого писательского творчества в отношении «Братьев наших меньших» и даже проявить мягкий юмор с помощью тех зоонимов, которые постоянно на слуху.

Кроме того, что не менее важно, писательские зоонимы можно разделить на две группы: реальные зоонимы, которые красноречиво отражают автобиографизм авторского текста; зоонимы придуманные автором – такие зоонимы прекрасно отражают языковую личность автора и с позиций фоники (может быть, речь даже идёт о благозвучии или безобразном звучании) зоонима, и с позиций семантики, и с позиций эмоционального отношения автора к своему герою-животному.

Библиографический список

1. Заки С., Ковалёв Г.Ф. Энтомосемизмы (названия насекомых) в художественных текстах русской литературы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2015, №7.
2. Брандт Р.Ф. О присвоении животным собственных имен // Рус-ский филологический вестник. 1882. Т. VIII.
3. Зволинский П. Место зоонимов в ономастике // Namen in Kontakt. XII Internationaler Kongress für Namenforschung. Bern, 1975.
4. Мокиенко В.М., Фоякова О.И. Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. № 4, с.317-322.
5. Варникова Е.Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве. Вопросы ономастики, 2011, 1 (10), с.51-62.
6. Вороничев О.Е. О типах и стилистических качествах ономастических доминант каламбура // Ураль-ский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2.
7. Гусева Е.В. Пушкинская жучка и современная городская Жизель // Пушкинские чтения-2002. М., 2003, с.60-62.
8. Левина Е. «Дворянские гнезда китча не выносят» // Культура, 2017, № 27.
9. Платонов А.П. Соч. М., ИМЛИ РАН, 2004. Т. I. (1918-1927), кн. 1.
10. Гюнтер Х. «Смещение живых существ»: человек и животное у А. Платонова // Новое литературное обозрение, 2010, № 111, с.91-105.
11. Платонов А.П. Повести и рассказы. М.: Изд-во «Эксмо», 2003. 448 с.
12. Платонов А. П. ЧЕ-ЧЕ-О. Повести и рассказы. Из ранних сочинений. Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 1999. – 672 с.
13. Ласунский О.Г. Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. 1899-1926. Изд. 2-е, доп. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. 280 с.
14. Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. М., Худ. лит., 1984, т.7.

15. Пришвин М.М. Дневники 1930-1931. СПб., 2006.
16. Северянин И. «Я – гений Игорь Северянин». СПб., 2013.
17. Прут И.Л. Неподдающийся. М., 2000.

References

1. Zaki S., Kovalev G.F. Entomosemisms (insect names) in literary texts of Russian literature // Humanities, socio-economic and social sciences. Krasnodar, 2015, №. 7.
2. Brandt R.F. On assigning proper names to animals // Russian Philological Bulletin. 1882. Vol. VIII.
3. Zvolinsky P. The place of zoonyms in the onomasticon // Namen in Kontakt. XII Internationaler Kongress für Namenforschung. Bern, 1975.
4. Mokienko V.M., Fonyakova O.I. Naming methods in zoonymy // Onomastics of the Volga region. Saransk, 1976. №. 4, pp.317-322.
5. Varnikova E.N. Zoonyms: a place in onomastic space. Questions of Onomastics, 2011, 1 (10), pp.51-62.
6. Voronichev O.E. On the types and stylistic qualities of onomastic dominants of the pun // Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity. 2016. № 2.
7. Guseva E.V. Pushkin's bug and modern urban Giselle // Pushkin Readings-2002. M., 2003, pp.60-62.
8. Levina E. "Noble nests of kitsch can not stand" // Culture, 2017, №27.
9. Platonov A.P. Soch. M., IMLI RAS, 2004. T. I. (1918-1927), book 1.
10. Gunther H. "Mixing of living beings": man and animal by A. Platonov // New Literary Review, 2010, №. 111, pp.91-105.
11. Platonov A.P. Novellas and short stories. M.: Publishing house "Eksmo", 2003. 448 p.
12. Platonov A. P. CHE-CHE-O. Novellas and short stories. From early writings. Voronezh: Publishing House named after E. A. Bolkhovitinov, 1999. 672 p.
13. Lasunsky O.G. is a resident of his hometown. The Voronezh years of Andrey Platonov. 1899-1926. 2nd edition, supplement – Voronezh: Center of Spiritual Revival of the Chernozem Region, 2007. 280 p.
14. Prishvin M.M. Sobr. op. in 8 vol. M., Hood. lit., 1984, vol.7.
15. Prishvin M.M. Diaries 1930-1931. St. Petersburg., 2006.
16. Severyanin I. "I am a genius Igor Severyanin". St. Petersburg, 2013.
17. Prut I.L. Nepoddashny. M., 2000.

УДК 811.161.1.373

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.12.24.018

*Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
доктор филологических наук, доцент кафедры
социальных и гуманитарных дисциплин
Верховых Л. Н.
Россия, г. Борисоглебск
тел. 84735461327,
lverhovyyh@mail.ru*

*Borisoglebsky branch of Voronezh State University
doctor of Philology, Associate Professor of the
Department of Social and Humanitarian Disciplines
Verhovyykh L. N.
Russia, Borisoglebsk
tel. 84735461327
lverhovyyh@mail.ru*

Л.Н. Верховых

**УЧИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ:
О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСНОВАТЕЛЯ ВОРОНЕЖСКОЙ
ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ГЕННАДИЯ ФИЛИППОВИЧА КОВАЛЕВА**

В статье рассматривается научная деятельность известного ученого, основателя Воронежской ономастической школы, профессора, доктора филологических наук Геннадия Филипповича Ковалева. Характеризуется вклад Г.Ф. Ковалева в развитие современной лингвистики, в том числе ономастики (этнонимика, теоретическая ономастика, литературная ономастика, региональная ономастика), диалектологии, ономастической и диалектной лексикографии, в лингвокраеведение, методику обучения русскому языку. В фундаментальных научных трудах профессор Г.Ф. Ковалев проанализировал практически все известные славянские этнонимы, охарактеризовал тенденции развития этнонимикона; обосновал авторскую методику изучения имен собственных в творчестве поэтов и писателей, основывающуюся на изучении «творческой лаборатории писателя», отношения писателя к имени; разработал методику комплексного описания ономастических систем на основе использования историко-краеведческих данных, в том числе и при изучении русско-украинского языкового взаимодействия. Научные исследования профессора Г.Ф. Ковалева определяют вектор развития воронежской ономастической лексикографии: ученым подготовлен ряд словарей по воронежской микротопонимии, в том числе и трехтомный «Словарь микротопонимов Воронежской области». В статье характеризуется вклад профессора Г.Ф. Ковалева в лингвокраеведение, русскую диалектологию, диалектную лексикографию, что связано с многолетней плодотворной деятельностью Г.Ф. Ковалева в качестве заведующего кафедрой славянской филологии, заведующего научно-исследовательской лабораторией воронежского лингвокраеведения имени В.И. Собиенниковой, редактора «Словаря воронежских говоров», редактора авторитетных научных журналов в области лингвистики. Отмечается особый вклад ученого в развитие Воронежской ономастической школы, в издательско-просветительскую деятельность, подготовку научных кадров на всероссийском и международном уровнях. Автор приходит к выводу о том, что многогранная научно-просветительская деятельность профессора Геннадия Филипповича Ковалева способствует сохранению народного слова, русского языка и культуры.

Ключевые слова: лингвистика, ономастика, лингвокраеведение, профессор Г.Ф. Ковалев, Воронежская ономастическая школа.

L.N. Verkhovyykh

**TEACHER, MAN, SCIENTIST:
ON THE SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE FOUNDER OF THE VORONEZH ONOMASTIC
SCHOOL GENNADY FILIPPOVICH KOVALEV**

The article deals with the scientific activity of the famous scientist, founder of the Voronezh onomastic school, professor, doctor of philological sciences Gennady Filippovich Kovalev. The contribution of G.F. Kovalev in the development of modern linguistics, including onomastics (ethnonymy, theoretical onomastics, literary onomastics, regional onomastics), dialectology, onomastic and dialectal lexicography, local linguistic studies, methods of teaching the Russian language. In fundamental scientific works, Professor G.F. Kovalev analyzed almost all known Slavic ethnonyms, characterized the trends in the development of the ethnonymicon; substantiated the author's method of studying proper

names in the works of poets and writers, based on the study of the "creative laboratory of the writer", the attitude of the writer to the name; developed a methodology for a comprehensive description of onomastic systems based on the use of historical and local history data, including in the study of Russian-Ukrainian language interaction. Scientific researches of professor G.F. Kovalev determine the vector of development of Voronezh onomastic lexicography: the scientist prepared a number of dictionaries on Voronezh microtoponymy, including the three-volume Dictionary of Microtoponyms of the Voronezh Region. The article characterizes the contribution of Professor G.F. Kovalev in local linguistics, Russian dialectology, dialect lexicography, which is associated with the many years of fruitful activity of G.F. Kovalev as head of the Department of Slavic Philology, head of the research laboratory of Voronezh regional linguistic studies named after V.I. Sobinnikova, editor of the Dictionary of Voronezh Dialects, editor of authoritative scientific journals in the field of linguistics. The special contribution of the scientist to the development of the Voronezh onomastic school, to publishing and educational activities, and the training of scientific personnel at the All-Russian and international levels is noted. The author comes to the conclusion that the multifaceted scientific and educational activities of Professor Gennady Filippovich Kovalev contribute to the preservation of the folk word, the Russian language and culture.

Keywords: linguistics, onomastics, local linguistics, professor G.F. Kovalev, Voronezh onomastic school.

В июле 2023 года выдающемуся российскому лингвисту, основателю Воронежской ономастической школы, профессору-слависту, доктору филологических наук, профессору кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета Геннадию Филипповичу Ковалеву исполняется 80 лет. Научный интерес и исследовательская деятельность Геннадия Филипповича вот уже почти 60 лет посвящены славянским языкам и особенно русскому языку, который стал для ученого областью научных исследований и открытий, инструментом для прославления труда учителя-филолога, предметом заботы и сохранения для последующих поколений.

Исследовательская и просветительская деятельность профессора Геннадия Филипповича Ковалева вносит значительный вклад в развитие российской науки, в частности лингвистики, отечественного образования. Научные интересы ученого касаются славянской ономастики (история славянской ономастики, этнонимика, теоретическая ономастика, литературная ономастика, региональная ономастика), диалектологии, ономастической и диалектной лексикографии, лингвистического краеведения, методики обучения русскому языку.

Многолетняя плодотворная деятельность профессора Г.Ф. Ковалева в качестве заведующего кафедрой славянской филологии, заведующего научно-исследовательской лабораторией воронежского лингвокраеведения имени В.И. Собинниковой способствовала развитию в нашей стране ономастики, диалектологии, воронежского лингвокраеведения, установлению международного сотрудничества с лингвистами ближнего и дальнего зарубежья.

Г.Ф. Ковалевым выполнено описание этнонимии славянских языков (история, номинация, словообразование), что воплощено в блестяще защищенных кандидатской – «Из истории словообразования этнонимии русского языка» (Воронеж, ВГУ, 1978) – и докторской – «Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование» (Москва, МГУ, 1995) – диссертациях. По результатам проведенных научных исследований ученый издает монографии, в том числе и зарубежную [1; 2; 3], и в дальнейшем публикует материалы к «Словарю этнических названий народов России» [4; 5 и др.]. Прекрасное знание Г.Ф. Ковалевым польского и других славянских языков (изучение польского языка в студенческие годы и в последующем работа в Варшавском филиале Института русского языка им. А.С. Пушкина) способствовали выполнению фундаментальной исследовательской работы, имеющей важное значение не только для русского, но и других славянских языков – были проанализированы практически все известные этнонимы, функционировавшие в период от глубокой древности до настоящего времени; охарактеризованы тенденции развития этнонимикона как в древнейший период (старославянский язык), так и в современности (современный русский язык).

В области ономастики профессор Г.Ф. Ковалев в научных исследованиях обосновал авторскую методику изучения имен собственных в творчестве поэтов и писателей, основывающуюся на изучении «творческой лаборатории писателя», отношения писателя к имени: «Методика нашей работы связана с поиском деталей в творчестве писателя, помогающих вскрыть ономастическую лабораторию того или иного автора, в его черновиках, в воспоминаниях его современников и даже в совершенно косвенных источниках» [6, с. 11]. Были определены и охарактеризованы главные показатели литературного ономастикона – хронотопность и автобиографизм [6; 7; 8; 9, 10 и др.]; выделены и охарактеризованы факторы, которые обуславливают выбор имен собственных авторами, – авторское

сознание, значение имени, системность имени, системность хронотопа, социальность системы имен [6, с.10–11; 7, с. 20–21 и др.].

Г.Ф. Ковалев разрабатывает методику комплексного описания ономастических систем на основе использования историко-краеведческих данных [см.: 11]. Практическое применение этой методики осуществляется при изучении астронимов (в том числе и в аспекте русско-украинского взаимодействия), лексикографическом описании микротопонимии Воронежской области, что имеет важное значение для региональной ономастики и воронежского лингвокраеведения. Например, характеристика микротопонимов Воронежского края дается Г.Ф. Ковалевым на основе данных, извлеченных из книг, брошюр, статей местных краеведов, районных газет Воронежской области, телефонных справочников, Картотеки лаборатории воронежского лингвокраеведения им. профессора В.И. Собинниковой и других источников [12, с. 4-5]. Интегративность, системность, комплексность исследования и описание наиболее полного состава ономастических единиц сохраняется и в трехтомном издании «Словаря микротопонимов Воронежской области» – по количеству микротопонимов объем двухтомного издания втрое превышает объем издания 2007 года, а количество рассмотренных ономастических единиц в трехтомном издании [13] еще больше (!), при этом мы понимаем, что собирать и описывать микротопонимы Воронежской области, которая имеет протяженность с севера на юг более 270 км., а с запада на восток более 350 км., да с учетом двух коренных языков (русского и украинского), крайне сложно.

Многоаспектность в описании регионального материала проявляется в характеристике микротопонима с номинационной, акцентологической, произносительной, этимологической точек зрения (в том числе и с привлечением данных других славянских и иных языков), при необходимости дается исторический и географический (указывается, где расположен географический объект, названный именем собственным) комментарий. При этом приводятся мотивационная характеристика микротопонима, административно-территориальные данные, зачастую – контекст употребления лексемы и местная легенда, содержащая информацию об особенностях возникновения названия. Синтез данных лингвистики, фольклористики (привлечение местных легенд о происхождении того или иного названия), журналистики (использование средств журналистики для сбора микротопонимов), истории, краеведения, географии свидетельствует об интегративном подходе, применяемом профессором Г.Ф. Ковалевым при описании воронежских микротопонимов, например: [12-1, с.88; 12-2, с.49; 12-2, с. 317].

В области диалектологии деятельность профессора Г.Ф. Ковалева также имеет важное значение: кафедра славянской филологии под руководством Г.Ф. Ковалева подготовила три выпуска «Словаря воронежских говоров» [14] – издание, которое послужило началом к лексикографическому описанию воронежских диалектных слов и фразеологизмов, – к тому, что ждали многие поколения филологов и краеведов! Многолетняя кропотливая, самоотверженная собирательская работа ученых и студентов филологического факультета Воронежского государственного университета вылилась в научное издание, имеющее особую значимость как для воронежского лингвокраеведения, так и русской диалектологии в целом.

Сложная редакторская работа при издании «Словаря воронежских говоров» осуществляется профессором Г.Ф. Ковалевым (Геннадий Филиппович – единственный профессор-славист в Центральном Черноземье), что увеличило высокую ценность издания, ведь диалектный материал Воронежского края представлен синтезом разноплановых в языковом отношении единиц, и анализ и описание полифоничного языкового материала требует всего комплекса знаний в области славистики.

При подготовке к изданию «Словаря воронежских говоров» авторы также используют комплексный подход для характеристики воронежских диалектных единиц: ведется сбор лексики, употребляющейся в настоящее время и употреблявшейся ранее в Воронежском крае, включаются диалектные единицы, функционирующие на территории Воронежской области, в том числе и разнородные в языковом отношении (русские, украинские, тюркские, финно-угорские, иранские), дается описание всех лексико-семантических вариантов воронежских лексем и их омонимов; включаются контексты, в которых дано толкование диалектной лексемы, данные о точной локализации слова (административно-территориальная характеристика населенного пункта, в котором получен диалектный материал). Важно то, что в процессе подготовки словаря были учтены и данные истории и культуры Воронежского края, которые в полной мере позволили отразить своеобразие воронежской диалектной лексики, включающей южнорусские лексемы, узколокальные диалектизмы, заимствования, освоенные воронежскими говорами, лексику воронежских украинских говоров, например, *поники* (пра-

славянский диалектизм), *байбачина, бердо, бирюк, буерак, громок, жменя, липяг, чегора, светляк, шукать* и др. [14-1, с. 5].

В области лингвистического краеведения и методики обучения русскому языку Г.Ф. Ковалевым ведется многолетняя разноплановая работа, в основе которой подготовка инструкций, рекомендаций, методических материалов для школьных учителей, чтобы они имели возможность на уроках русского языка, литературы и словесности использовать диалектный и ономастический материал Воронежского края. Объем данной статьи не позволяет охарактеризовать все разработки профессора Г.Ф. Ковалева в этой области, перечислим лишь жанры научных исследований, имеющих различный статус – от регионального до зарубежного: инструкции, статьи, учебно-методические пособия, монографии, библиографические справочники, словари и др. [см., например: 15-18 и мн. др.].

Научные исследования Г.Ф. Ковалева известны практически всем филологам как в России, так и за рубежом. Список научных трудов Г.Ф. Ковалева включает более 370 работ, в том числе более 20 монографических трудов, учебных пособий, словарей.

Особым видом деятельности Г.Ф. Ковалева является многолетняя плодотворная издательская работа, которая способствует консолидации усилий лингвистов многих регионов Российской Федерации и зарубежья в контексте полипарадигмального, интегративного, комплексного изучения русского народного слова, ономастических единиц и систем. Авторитет профессора Г.Ф. Ковалева способствовал включению его в состав редколлегии известных рецензируемых научных журналов «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика» (Воронеж), «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» (Воронеж), «Российский гуманитарный журнал» (Санкт-Петербург), «ФИЛОЛОГОС» (Елец), «Λογος ὀνομαστική» (Донецк), «Русистика без границ» (София, Болгария), «Педагогическое регионоведение» (Борисоглебск), а также ряда международных журналов и сборников.

Огромный вклад вносит профессор Г.Ф. Ковалев в развитие науки и подготовку научных кадров нашей страны. Геннадий Филиппович является основателем, идейным вдохновителем и авторитетным руководителем Воронежской ономастической школы. О Воронежской ономастической школе и деятельности профессора Г.Ф. Ковалева как научного руководителя школы подробная информация представлена в работах С.А. Скуридиной, С.А. Попова [19; 20; 21].

36 кандидатов наук и 3 доктора наук подготовлены Г.Ф. Ковалевым для системы образования; многие из учеников профессора продолжают научную деятельность, сохраняя исследовательские традиции Воронежской ономастической школы (И.М. Курносова, С.А. Скуридина, Л.Н. Верховых, С.А. Попов, В.В. Вязовская, В.А. Семушкин, А.А. Ишутин, Т.А. Воронова, Е.С. Обухова, В.В. Вязовская, И.М. Курносова, Е.В. Бунеева, С.А. Заболотная, И.И. Страхов и др.).

Развитие международного сотрудничества – также область плодотворной деятельности профессора Г.Ф. Ковалева. Истоки международного сотрудничества Г.Ф. Ковалева восходят к 80–84 гг XX века, когда ученый-славист работает в Варшавском филиале Института русского языка им. А.С. Пушкина и успешно организует научные конференции и симпозиумы. Профессор Г.Ф. Ковалев – редактор международных изданий, постоянный участник международных научных конференций. Армения, Беларусь, Болгария, Германия, Казахстан, Польша, Словакия, Чехия, Финляндия, Украина – вот список тех стран, где опубликованы исследования профессора Г.Ф. Ковалева, а в рамках сотрудничества с гражданами Вьетнама, Ирака, Сенегала, Сирии, Турции, Китая, США Г.Ф. Ковалевым ведется подготовка магистрантов и кандидатов филологических наук.

Многогранная научно-просветительская деятельность профессора Геннадия Филипповича Ковалева способствует сохранению народного слова, русского языка и культуры, сохранению традиций и развитию российского образования. В научных кругах имя профессора Г.Ф. Ковалева – это синоним высокого профессионализма, глубокой филологической (и не только!) компетентности, самоотверженного служения науке, русскому языку и культуре.

Желаем глубоко уважаемому в научном мире доктору филологических наук, профессору Г.Ф. Ковалеву (а в кругу близких людей – не только уважаемому, но и бесконечно любимому) огромных душевных и физических сил, чтобы сохранить в наше непростое время все то, что помогает ему оставаться настоящим Учителем, прекрасным Человеком, авторитетнейшим Ученым, – неординарный стиль мышления, остроту ума, благородство, доброту, невероятное трудолюбие, искрометно-добродушный юмор, талант Ученого и Педагога.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. История русских этнических названий. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1982. 159 с.
2. Ковалев Г.Ф. Materiały do Słownika etnonimów języka rosyjskiego. Opole, 1987. 92 s.
3. Ковалев Г.Ф. Этнос и имя. Воронеж, МИОН, 2003. 236 с.
4. Ковалев Г.Ф. Словарь этнических названий народов России // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж Воронежский государственный университет, 1998. С. 152-164.
5. Ковалев Г.Ф. Словарь этнических названий народов России // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 24. Воронеж Воронежский государственный университет, 1999. С. 165-169.
6. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 447 с.
7. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / науч. ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. С.19-23.
8. Ковалев Г.Ф. Автобиографизм ономастики «Горя от ума» А.С. Грибоедова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С.66-80.
9. Ковалев Г.Ф. Автобиографизм ономастики творчества М.А. Булгакова: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. 184 с.
10. Ковалев Г.Ф. Биографизм ономастики А.П. Платонова // Воронежское лингвокраеведение. Межвузовский сборник научных трудов. К 120-летию со дня рождения Андрея Платонова. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2020. С.23-31.
11. Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: «Научная книга», 2014. 440 с.
12. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: [в 2-х т.]. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017. Т. 1. 410 с.; Т. 2. 419 с.
13. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: [в 3-х т.]. Воронеж, 2023. Т. 1 – 520 с. Т. 2 525 с.; Т. 3. 572 с.
14. Словарь воронежских говоров / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж: ВГУ. Вып. 1-3– Вып. 1, 2004. 304 с.; Вып. 2, 2007. 307 с.; Вып. 3, 2019. 503 с.
15. Ковалев Г.Ф. Ономастическое комментирование на уроках русской словесности. Учебное пособие для учителя русского языка и литературы. Воронеж: ВГУ, 2005. 214 с.
16. Ковалев Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы. Воронеж: ВГУ, 2006. 212 с.
17. Ковалев Г.Ф. Пушкин и имя. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронежского гос. ун-та, 2009. 218 с.
18. Ковалев Г.Ф. Изучение ономастики в школе как межпредметная интеграция на уроках русской словесности // Русский язык в школе. 2017. №12. С. 22–28.
19. Скуридина С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3 (17). С. 41-46.
20. Попов С.А. Основатель Воронежской ономастической школы: к 75-летию доктора филологических наук, профессора Г. Ф. Ковалева // Вопросы ономастики. 2018. Т.15. №2. № 4. С. 282–287.
21. Попов С.А. Основные направления Воронежской ономастической школы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 69-74.

References

1. Kovalev G.F. History of Russian ethnic names. Voronezh: Voronezh State University, 1982. 159 p.
2. Kovalev G.F. Materials for the Dictionary of ethnonyms of the Russian language. Opole, 1987. 92 pp.
3. Kovalev G.F. Ethnicity and name. Voronezh, MION, 2003. 236 p.
4. Kovalev G.F. Dictionary of ethnic names of the peoples of Russia // Materials on Russian-Slavic linguistics. Interuniversity collection of scientific papers. Voronezh Voronezh State University, 1998. P. 152-164.
5. Kovalev G.F. Dictionary of ethnic names of the peoples of Russia // Materials on Russian-Slavic linguistics. Interuniversity collection of scientific papers. Issue. 24. Voronezh Voronezh State University, 1999. P. 165-169.
6. Kovalev G.F. Favorites. Literary onomastics. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2014. 447 p.
7. Kovalev G.F. Aspects of the study of proper names in works of art // Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific articles / scientific. ed. A.M. Mezenko. Vitebsk: VSU im. P.M. Masherova, 2016. P.19-23.

8. Kovalev G.F. Autobiography of onomastics «Woe from Wit» by A.S. Griboedova // Topical issues of modern philology and journalism. 2020. No. 1 (36). pp.66-80.
9. Kovalev G.F. Autobiography of the onomastics of M.A. Bulgakov: monograph. Voronezh: VSU Publishing House, 2020. 184 p.
10. Kovalev G.F. Biography of onomastics A.P. Platonov // Voronezh local linguistics. Interuniversity collection of scientific papers. To the 120th anniversary of the birth of Andrey Platonov. Voronezh: Voronezh state. un-t, 2020. P.23-31.
11. Kovalev G.F. Favorites. Ethnonymy. Voronezh regional linguistics. Miscellaneous. Voronezh: «Scientific book», 2014. 440 p.
12. Kovalev G.F. Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region: [in 2 volumes]. Voronezh: Nauka-Unipress, 2017. Vol. 1. 410 p.; T. 2. 419 p.
13. Kovalev G.F. Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region: [in 3 volumes]. Voronezh, 2023. Vol. 1 - 520 p. T. 2 525 p.; T. 3. 572 p.
14. Dictionary of Voronezh dialects / scientific. ed. G.F. Kovalev. Voronezh: VSU. Issue. 1-3 - Issue. 1, 2004. 304 p.; Issue. 2, 2007. 307 p.; Issue. 3, 2019. 503 p.
15. Kovalev G.F. Onomastic commenting at the lessons of Russian literature. Textbook for teachers of Russian language and literature. Voronezh: VGU, 2005. 214 p.
16. Kovalev G.F. Bibliography of onomastics of Russian literature. Voronezh: VGU, 2006. 212 p.
17. Kovalev G.F. Pushkin and the name. Voronezh: Publishing house-polygraph. center of the Voronezh state. un-ta, 2009. 218 p.
18. Kovalev G.F. The study of onomastics at school as interdisciplinary integration in the lessons of Russian literature // Russian language at school. 2017. No. 12. pp. 22–28.
19. Skuridina S.A. Modern onomastic schools: from Voronezh to Irkutsk // Scientific Bulletin of the Voronezh State University. architectural and construction university. Series: Linguistics and intercultural communication. 2015. No. 3 (17). pp. 41-46.
20. Popov S.A. The founder of the Voronezh onomastic school: on the occasion of the 75th anniversary of the Doctor of Philology, Professor G.F. Kovalev // Problems of onomastics. 2018. V.15. No. 2. No. 4, pp. 282–287.
21. Popov S.A. The main directions of the Voronezh onomastic school // Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism. 2018. No. 4. S. 69-74.

УДК 811.161.1 (470.324)

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.43.89.019

Воронежский государственный технический университет

доктор филологических наук, доцент

зав. кафедрой русского языка

и межкультурной коммуникации

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;

e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University

Doctor of Philology, associate

professor, department chairman,

the chair of Russian language and cross-cultural communication,

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48

e-mail: saskuridina@ya.ru

С.А. Скуридина

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ: ВЗГЛЯД ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются аспекты ономастических исследований, посвященных выявлению особенностей функционирования онимов в художественном тексте. Автором отмечается не только огромный вклад основателя Воронежской ономастической школы профессора Геннадия Филипповича Ковалева в изучение ономастической системы художественного творчества А.С. Пушкина, И.А. Бунина, А.А. Ахматовой, А.Т. Твардовского, М.И. Цветаевой, А.П. Платонова, А.П. Чехова, А.С. Грибоедова и других писателей и поэтов, но и подчеркивается несомненная заслуга в умении направить учеников по пути определения своеобразия ономастической лаборатории таких художников слова, как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, М.А. Булгаков, С.А. Есенин, М.М. Пришвин. Воронежскими исследователями анализируется не только способность онимов выступать средствами характеристики персонажа, но и являться индикаторами хронотопа. В работах воронежских ученых, выполненных под руководством Г.Ф. Ковалева, рассматривается социальная обусловленность имен собственных, системные отношения между разными разрядами онимов, выявляется их автобиографизм. Особый интерес представляют собой работы, содержащие подборку ономастических каламбуров и свидетельствующие об особой значимости имен собственных в трансляции индивидуально-авторской картины мира. Устанавливается перспективность исследований, выполненных в русле литературной ономастики, так как система имен в художественном произведении – это доминанта, представляющая собой своего рода скелет, на котором держится авторский текст. Обнаружение данной системы вследствие проведения ономастического анализа обеспечивает более глубокое понимание замысла писателя или поэта.

Ключевые слова: Воронежская ономастическая школа, литературная ономастика, Г.Ф. Ковалев.

S.A. Skuridina

ASPECTS OF THE STUDY OF LITERARY ONOMASTICS: THE VIEW OF RESEARCHERS OF THE VORONEZH ONOMASTIC SCHOOL

The article discusses aspects of onomastic research devoted to identifying the features of the functioning of onyms in a literary text. The author notes not only the huge contribution of the founder of the Voronezh Onomastic School, Professor Gennady Filippovich Kovalev, to the study of the onomastic system of artistic creativity of A.S. Pushkin, I.A. Bunin, A.A. Akhmatova, A.T. Tvardovsky, M.I. Tsvetaeva, A.P. Platonov, A.P. Chekhov, A.S. Griboyedov and other writers and poets, but also emphasizes the undoubted merit in the ability to guide students along the path of determining the uniqueness of the onomastic laboratory of such artists of the word as A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, N.S. Leskov, M.A. Bulgakov, S.A. Yesenin, M.M. Prishvin. Voronezh researchers analyze not only the ability of onyms to act as means of characterization, but also to be indicators of the chronotope. In the works of Voronezh scientists carried out under the guidance of G.F. The author considers the social conditionality of proper names, the system relations between different categories of onyms, their autobiography is revealed. Of particular interest are works containing a selection of onomastic puns and testifying to the special importance of proper names in the translation of an individual author's picture of the world. The perspective of the research carried out in line with literary onomastics is established, since the system of names in a work of fiction is a dominant, which is a kind of skeleton on which the author's text rests. The discovery of this system as a result of onomastic analysis provides a deeper under-

standing of the writer's or poet's intention.

Keywords: Voronezh Onomastic school, literary onomastics, G.F. Kovalev.

Воронежская ономастическая школа, основателем которой является доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета Геннадий Филиппович Ковалев, имеет богатую исследовательскую историю. По мнению С.А. Попова деятельность школы можно представить двумя этапами, первый из которых отличается эпизодическим обращением к исследованию имен собственных, и здесь, безусловно, важными являются труды «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» и «О личных собственных именах у Славеноруссов» («Вестник Европы», 1813, ч. LXX, № 13) Е.А. Болховитинова [1]. Второй этап, на наш взгляд, можно назвать топонимическим, так как в этот период профессором М.В. Федоровой анализируются славянско-финно-угорские следы в топонимии Центрального Черноземья, В.И. Дьяковой рассматривается диалектная географическая лексика и географическая терминология [1].

На втором этапе, началом которого условно можно назвать выход в 1957 г. в журнале «Мовознавство» (Киев, т. XIV) статьи Н.П. Гринковой «Из материалов по топонимике населенных мест Воронежской области», происходит становление различных направлений ономастических исследований: профессором М.В. Федоровой анализируются славянско-финно-угорские следы в топонимии Центрального Черноземья, В.И. Дьяковой рассматривается диалектная географическая лексика и географическая терминология [2]. Однако становление и активное развитие Воронежской ономастической школы связано с деятельностью Геннадия Филипповича Ковалева, подготовившего 36 кандидатов и 3 доктора наук. Одним из основных направлений исследований воронежских ономастологов является литературная ономастика.

Работа по выявлению функций имен собственных в художественном тексте Г.Ф. Ковалевым начата в 90-е годы XX века. Ученый, рассматривая семантику демонима *Воланд*, предлагает свою версию создания имени литературного героя: *Воланд* – это анаграмма лексемы *диавол*, где старославянская буква «иже» соотносится с буквой «н» современного русского алфавита [3], [4]. Г.Ф. Ковалеву принадлежат статьи, направленные на выявление специфики именника художественных произведений А.Т. Твардовского, М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой, А.П. Платонова, И.А. Бунина, А.П. Чехова, А.С. Грибоедова, составившие монографию «Писатель. Имя. Текст» [6]. Исследование литературных онимов в произведениях А.С. Пушкина представлено в отдельной монографии Г.Ф. Ковалева «Пушкин и имя» [7], а также, что особенно ценно, в книге для учителя-словесника «Пушкин. Ономастический комментарий» [8].

В своих трудах, посвященных литературной ономастике, Г.Ф. Ковалев отмечает, что имя в авторском тексте уже со времен А.С. Пушкина определяется следующими факторами: *авторским созданием*, при этом автор не всегда четко осознает причины своего выбора, *системностью именника* (имена взаимообусловлены), *социальной обусловленностью* (имя как индикатор социальной принадлежности) [8; с.10–11]. Как мы уже указывали в одной из статей, «новаторской является идея Г.Ф. Ковалева об обусловленности художественного имени системностью хронотопа» [2].

В кругу интересов Г.Ф. Ковалева исследование астронимов, употребляемых в художественных произведениях [9], ономастический каламбур [10], [11], сложности перевода имен собственных на иностранный язык [12], особенности создания псевдонимов [13]. Незаменимо постоянное обновление издания библиографии работ по литературной ономастике, систематизацию которых осуществил Г.Ф. Ковалев [14], [15]. В настоящее время Г.Ф. Ковалев работает сразу над несколькими монографиями, поднимающими вопрос функционирования зоонимов в литературных произведениях и рассматривающими специфику создания ономастического каламбура.

Идеи Г.Ф. Ковалева развиваются его учениками. Первая кандидатская диссертация в рамках направления литературной ономастики защищена под руководством профессора Г.Ф. Ковалева в 2002 году. Ее автор, О.Ю. Устьянцева, рассматривает особенности именника прозы М.А. Булгакова, впервые предпринимая попытку комплексного лингвистического (фонетического, словообразовательного, семантического, функционального) анализа антропонимии трех самых крупных произведений М.А. Булгакова «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита». Исследователь отмечает автобиографизм ономастикона М.А. Булгакова и приводит способы ономастического криптографи-

рования реального имени, вводимого в авторский текст, указывает номинации, создающие комический эффект и выполняющие характеризующую функцию [17].

В 2004 году выходит монографическое исследование С.А. Коротких (Скуридиной), посвященное ономастике романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [17], в дальнейшем, в 2007 году, продолженное в диссертационном сочинении автора, идеи которого опубликованы в виде монографии [18]. В 2020 году С.А. Скуридиной защищена докторская диссертация «Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского», в которой обозначены основные положения ономастического кода великого писателя: использование семантически маркированных антропонимов, созданных по традиционной русской модели (фамилия, имя, отчество), и ее вариантов в парадигме с диминутивными именованиями; наличие автобиографического ономастического импульса, в качестве которого выступает оним, производный от корня апеллятива с богатым семантическим потенциалом; использование антропонимов, отражающих противоречивость, двойственность художественного образа; раскрытие семантики имени собственного в контексте произведения (в том числе в персонажной речи и каламбурах), а также в паремическом контексте; обращение к народной этимологии онимов; апеллятивно-онимное взаимодействие; взаимообусловленность топонимов и антропонимов; использование зооморфных и орнитоморфных онимов; мифопоэтическая обусловленность ономастических единиц; способность онима выступать средством создания хронотопа [19].

В 2007 году под руководством Г.Ф. Ковалева защищена кандидатская диссертация В.В. Вязовской, в которой анализируется ономастика романа Н.С. Лескова «Соборяне» [20]. Автор исследования отмечает, что «ономастикон романа «Соборяне» и в целом ономастические данные показывают, что Н.С. Лесков прочно опирался на конкретные факты своей собственной биографии» [20]. Для ономастической лаборатории Н.С. Лескова характерен прием привлечения читателя к размышлению над особенностями имени, а также приведение контекста, вскрывающего семантику антропонимов. В.В. Вязовская выявляет особенность системной организации ономастикона лесковского романа, заключающуюся в связи «антропонимических единиц не только с топонимами, а также с хрематонимами, мифонимами и другими разрядами онимов, участвующих в формировании культурно-ономастического фона», и делает вывод, что «за счет аллюзивно-ассоциативных связей таких имен, писатель избавлен от необходимости изображать предысторию своих персонажей, заново описывать их характеры и эволюцию их взглядов» [20]. В настоящее время В.В. Вязовская продолжает работать в ономастическом направлении, анализируя именник других произведений Н.С. Лескова [21], [22], [23].

В 2009 году Е.С. Обуховой защищена кандидатская диссертация «Принципы составления Словаря ономастических единиц творчества А.С. Пушкина» и подготовлен к изданию «Словарь «Ономастика лицейской лирики А.С. Пушкина (1813-1817 гг.)» [24]. Автор определяет составленный словарь как «монографический ономастический словарь-справочник энциклопедического характера», что обусловлено гением А.С. Пушкина: «Поэт использовал колоссальное количество разнообразных онимов, особенности употребления которых подчеркивают его писательский талант, отличают его от современников и показывают его особенности следования традиции XVIII века и последующие отступления от нее, а также многогранность личности поэта, широкий круг его общественно-политических интересов» [24].

В 2011 году под руководством профессора Г.Ф. Ковалева защищены две кандидатские диссертации, развивающие идеи Воронежской ономастической школы. Исследование Г.А. Бунеева посвящено описанию ономастического пространства романов В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга». Автор приходит к выводу, что «ономастика произведений В. Я. Шишкова сложна и предельно реалистична», а «антропонимическая система произведений представляет собой полный срез реального имени Сибири рубежа XIX-XX вв.» [25]. Сравнение литературных антропонимов с реальными позволило Г.А. Бунееву выявить автобиографизм ономастической системы, представленной в романах В.Я. Шишкова.

Диссертационное сочинение Е.В. Бунеевой, осуществленное также в 2011 году, способствовало выявлению особенностей ономастического пространства С.А. Есенина. По мнению автора, «в ряде случаев С.А. Есенин не использовал готовые онимы, а сам создавал их по моделям уже существующих», иногда зашифровывая их [26]. Нужно отметить стремление автора проанализировать способность есенинских онимов быть индикаторами хронотопа, данную функцию в исследуемых текстах выполняют топонимы, хоронимы и хрематонимы [26].

Один из постулатов Воронежской ономастической школы лег в основу работы И.И. Страхова, выявляющей автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М.М. Пришвина [27]. Автор выделяет доминирующие в творчестве М.М. Пришвина разряды литературных топонимов: ойконимы, гидронимы и хоронимы. Как известно, М.М. Пришвин много путешествовал, в связи с чем в его произведениях преобладают «топонимы Центральной России (в основном топонимия современных Ярославской и Московской области), Русского Севера (Карелия, Мурманская область, Архангельская область), Дальнего

Востока (Приморский край)» [27]. Основная функция пришивинских топонимов – маркирование хронотопа. Определение в качестве ономастических доминант художественного текста М.М. Пришвина гидронимов приводит И.И. Страхова к заключению о «гидроцентричности творчества Пришвина» [27].

Ономастика ранних и биографических рассказов А. Платонова представлена в диссертационной работе Чыонг Тхи Фьонг Тхань, защита которой состоялась в 2019 году [28]. Попытка систематизации топонимов, предпринятая в исследовании, позволяет автору наглядно продемонстрировать на примере повести «Епифанские шлюзы» стремление А. Платонова к исторической достоверности, чем и обусловлено преобладание данных ономастических единиц над антропонимами. Автор рассматривает наложение двух хронотопов – реального и исторического – через анализ ономастических единиц разных уровней, в том числе, и антропонимы (Бертран – Бердан, Мери Карборунд Рейс и др.) [28].

Нельзя не отметить монографию А.И. Антоновой «Ономастика творчества А.А. Шаховского», изданную на основе магистерской диссертации, выполненной под руководством Г.Ф. Ковалева [29]. Автор рассматривает соотносённость имен персонажей с именами прототипов и приходит к выводу, что А.А. Шаховской, «как правило, не переносит в текст реальный антропоним прототипа, а сохраняет какую-то деталь онима историю, связанную с ее носителем» [29; с. 145]. А.И. Антоновой отмечается соответствие именника произведений А.А. Шаховского изображаемой эпохе. Наличие говорящих имен в его текстах – это наследие литературы XVIII века.

Кроме указанных диссертационных сочинений и монографических работ указанных исследователей, необходимо отметить научные статьи учеников Г.Ф. Ковалева, защитивших диссертации не по литературной ономастике, но имеющих интерес к особенностям функционирования имени в художественном тексте. Например, в работе Т.А. Вороновой рассматриваются полные и уменьшительные имена героинь в прозе А.С. Пушкина, что позволяет автору не только выявить соответствие/несоответствие этикетным нормам изображаемой эпохи, но и сделать вывод о модели выстраиваемых отношений между героями [30]. Еще одна работа Т.А. Вороновой посвящена исследованию автобиографизма ономастического пространства лирики Арсения Тарковского [31]. Автор статьи подчеркивает важность экстралингвистической информации для понимания творчества поэта и необходимость ее включения в словарь лирики Арсения Тарковского [31].

В настоящее время идеи Воронежской ономастической школы активно развиваются на кафедре русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета в работах коллег С.А. Скуридиной – ученицы Г. Ф. Ковалева.

Н.Б. Бугакова рассматривает индивидуально-авторскую модель ономастического творчества А.П. Платонова [32], отмечая соотносённость имен собственных в его произведениях с мифопоэтической картиной мира [33]. По мнению исследователя, антропонимикон и топонимикон прозы А.П. Платонова, вступая в системные связи с апеллятивной лексикой, репрезентирующей мифопоэтические оппозиции, «служит для демонстрации важнейших смыслов образов писателя, раскрывающих его индивидуально-авторскую картину мира» [34] и маркирует исторический хронотоп. Для произведений А.П. Платонова значимо использование традиционных русских антропонимических моделей (имя, имя+отчество, имя+отчество+фамилия, отчество, диминутивное имя, пейоративное имя, прозвище) в качестве характеристики как женских, так и мужских персонажей, однако данные модели транслируют разные смыслы.

В работах Е.Н. Карташовой, посвященных репрезентации женских образов в произведениях В.М. Шукшина, выявляются особенности выбора писателя женских антропонимов [35]. В одной из глав диссертационного сочинения Е.Н. Карташовой, названной «Ономастические средства создания женских образов в прозе В.М. Шукшина», указывается, что для произведений В.М. Шукшина характерны имена, транслирующие информацию о возрасте героинь: «Обращая внимание на морфемику стоит сказать, что имена девушек стилистически маркированы, что достигается с помощью деминутивных суффиксов (Элочка, Марьюшка)» [36], тогда как женщины преклонного возраста часто называются только по отчеству. Кроме того, писатель «использует неканонические варианты имен (Нюра, Марья, Клавдя)» [36], что демонстрирует социальную обусловленность шукшинского именника. Значимыми для характеристики женских персонажей, по мнению Е.Н. Карташовой, являются цветоименования, позволяющие понять отношение к героини не только персонажей произведения, но и самого автора [36].

В диссертационном исследовании А.И. Миловановой рассматриваются ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, как вербализаторы лингвокультурного кода русского народа и отмечается, что наиболее частотными компонентами являются сомагизмы и зоономинации [37]. В диссертационном исследовании К.И. Суховой анализируется роль фито- и зооименований в репрезентации образа малой родины в лирике В.А. Солоухина [38].

В работах Н.Н. Устиновой поднимается вопрос о роли библионимов в трансляции авторского замысла. Автор, используя метод сплошной выборки названий книг, предлагаемых на сайте интернет-магазина «Лабиринт», анализирует библионимы, содержащие компонент «душа», и приходит к выводу, что данная лексема активно используется для наименования разножанровых произведений [39].

М.В. Новиковой, Е.О. Кузьминых, С.А. Скуридиной рассматриваются лингвокультурные особенности восприятия Москвы в творчестве С.А. Есенина, И.С. Шмелева и Ф.М. Достоевского [40]. В данном ключе написана и наша работа о функционировании топонима Ярославль в текстах Ф.М. Достоевского [41].

Как видим, основателем Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалевым и его учениками проделана огромная работа по выявлению специфики ономастики литературных произведений. Воронежскими учеными описана ономастическая лаборатория таких художников слова, как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, М.М. Пришвин, М.А. Булгаков, А.Т. Твардовский, М.И. Цветаева, А.А. Ахматова, А.П. Платонов, И.А. Бунин, А.П. Чехов, А.С. Грибоедов и др. Основные положения принципов введения имени в художественный текст, выдвинутые Г.Ф. Ковалевым, подтверждаются и дополняются в исследованиях его учеников.

Библиографический список

1. Попов С.А. Воронежская ономастическая школа: формирование и становление // *Λογος όνομαστική*. 2013. №5. С. 113-118.
2. Скуридина С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. № 3 (17). С. 41-46.
3. Ковалев Г.Ф. Булгаковский Воланд: загадка имени // *Филологические записки*. 1995. №4. С. 163-168.
4. Ковалев Г.Ф. Воланд и его свита (ономастические этюды) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 1996. № 1. С. 86-101.
5. Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж, 2004.
6. Ковалев Г.Ф. Пушкин и имя. Воронеж, 2009.
7. Ковалев Г.Ф. Пушкин. Ономастический комментарий: книга для учителя. Воронеж, 2012.
8. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 447 с.
9. Ковалев Г.Ф. Небеса поэтов. Астронимы в русской литературе // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2003. № 1. С. 109-132.
10. Ковалев Г.Ф. Ономастические каламбуры А.С. Пушкина // *Русская речь*. 2006. № 1. С. 3-8.
11. Ковалев Г.Ф. Именной каламбур А.П. Чехова // *Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов*. Вологда, 2010. С. 218-223.
12. Ковалев Г.Ф. Имена в художественном тексте и проблемы их перевода // *Русистика на рубеже веков. Юбилейная книга в честь профессора Антони Палиньского*. Rzeszow, 2009. С. 60-68.
13. Ковалев Г.Ф. О псевдонимах отечественных писателей // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 15 (15). С. 6-13.
14. Ковалев Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы. Воронеж, 2006.
15. Ковалев Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год. Воронеж, 2014.
16. Устьянцева О.Ю. Антропонимия прозы М. А. Булгакова: на материале романов «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2002. 19 с.
17. Коротких С.А. Ономастика романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Воронеж, 2007.
18. Скуридина С.А. Ономастика романов Ф.М. Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы». Дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2007.
19. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Дисс. ... доктора филологических наук. Елец, 2020.
20. Вязовская В.В. Ономастика романа Н.С. Лескова «Соборяне». Дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2007.
21. Скуридина С.А., Вязовская В.В. Именованье юродивых в произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова // *Русская речь*. 2018. № 2. С. 73-83.
22. Вязовская В.В. Онимы в романе Н.С. Лескова «Некуда» // *Русская речь*. 2018. № 3. С. 82-91.
23. Вязовская В.В., Кузьминых Е.О. «Клички греко-российского календаря»: к специфике именования персонажей Н.С. Лескова // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2020. № 2 (37). С. 68-77.
24. Обухова Е.С. Принципы составления Словаря ономастических единиц творчества А.С. Пушкина. Дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2009.

25. Бунеев Г.А. Ономастическое пространство романа В.Я.Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга». Дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2011.
26. Бунеева Е.В. Ономастическое пространство поэм С.А.Есенина. Дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2011.
27. Страхов И.И. Автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М.М.Пришвина. Дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2016.
28. Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Особенности ономастики Андрея Платонова (ранние и биографические произведения). Дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2019.
29. Антонова А.И. Ономастика творчества А.А. Шаховского. Воронеж, 2019.
30. Воронова Т.А. Полное и уменьшительное имя героини в прозе А.С. Пушкина // Нефилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 294-301.
31. Воронова Т.А. Автобиографизма ономастического пространства лирики Арсения Тарковского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 4 (27). С. 10-15.
32. Скуридина С.А., Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 1 (28). С. 92-97.
33. Бугакова Н.Б. К вопросу об индивидуально-авторском своеобразии языковой картины мира А. Платонова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2022. № 2. С. 11-17.
34. Бугакова Н.Б. Семантический потенциал мужских антропонимов в романе А. Платонова «Чевенгур» // Philologos. 2022. № 3 (54). С. 17-22.
35. Карташова Е.Н. Женские имена в прозе Василия Шукшина / Е.Н. Карташова // Русская речь. 2017. №. 2. С. 103-106.
36. Карташова Е.Н. Специфика репрезентации женских образов в прозе В.М. Шукшина. Воронеж, 2021. 19 с.
37. Милованова А.И. Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, как вербализаторы лингвокультурного кода русского народа. Воронеж, 2021. 25 с.
38. Сухова К.И. Вербализация образа малой родины в лирике В.А. Солоухина. Воронеж, 2022.
39. Устинова Н.Н. Лексема «душа» как компонент библионимов // Дух, душа и тело в мировой культуре. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2023. С. 178-183.
40. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О., Новикова М.В. Москва в восприятии Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова и С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2 (45). С. 59-66.
41. Скуридина С.А. Ярославль в восприятии Ф.М. Достоевского // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. Ярославль, 2020. С. 173-176.

References

1. Popov S.A. Voronezh onomastic school: formation and formation // *λογος ὀνομαστική*. 2013. No. 5. pp. 113-118.
2. Skuridina S.A. Modern onomastic schools: from Voronezh to Irkutsk // *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015. No. 3 (17). pp. 41-46.
3. Kovalev G.F. Bulgakovsky Voland: the riddle of the name // *Philological notes*. 1995. No. 4. pp. 163-168.
4. Kovalev G.F. Woland and his retinue (onomastic sketches) // *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Humanities*. 1996. No. 1. pp. 86-101.
5. Kovalev G.F. *Writer. Name. Text*. Voronezh, 2004.
6. Kovalev G.F. *Pushkin and the name*. Voronezh, 2009.
7. Kovalev G.F. *Pushkin. Onomastic commentary: a book for teachers*. Voronezh, 2012.
8. Kovalev G.F. *Favorites. Literary onomastics*. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2014. 447 p.
9. Kovalev G.F. Heaven of poets. Astronomers in Russian literature // *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Humanities*. 2003. No. 1. pp. 109-132.
10. Kovalev G.F. Onomastic puns of A.S. Pushkin // *Russian speech*. 2006. No. 1. pp. 3-8.
11. Kovalev G.F. Nominal pun by A.P. Chekhov // *Word and text in the cultural consciousness of the epoch. Collection of scientific papers*. Vologda, 2010. pp. 218-223.
12. Kovalev G.F. Names in a literary text and problems of their translation // *Russian Studies at the turn of the century. Anniversary book in honor of Professor Anthony Palinsky*. Rzeszow, 2009. pp. 60-68.
13. Kovalev G.F. About the pseudonyms of Russian writers // *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2014. No. 15 (15). pp. 6-13.
14. Kovalev G.F. *Bibliography of onomastics of Russian literature*. Voronezh, 2006.
15. Kovalev G.F. *Bibliography of onomastics of Russian literature for 2010*. Voronezh, 2014.

16. Ustyantseva O.Y. The Anthroponymy of Bulgakov's prose: based on the material of the novels "The White Guard", "Theatrical Novel", "The Master and Margarita": abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences : 10.02.01. Voronezh, 2002. 19 p.
17. Korotkov S.A. Onomastics of the novel F.M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov". Voronezh, 2007.
18. Skuridina S.A. Onomastics romanov F.M. Dostoevsky's "The Teenager" and "The Brothers Karamazov". Diss. ... Candidate of Philological Sciences : 10.02.01. Voronezh, 2007.
19. Skuridina S.A. Onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts. Diss. ... doctor of Philology. Yelets, 2020.
20. Vyazovskaya V.V. Onomastics of N.S. Leskov's novel "The Soborians". Diss. ... Candidate of Philological Sciences : 10.02.01. Voronezh, 2007.
21. Skuridina S.A., Vyazovskaya V.V. Naming of the fools in the works of F.M. Dostoevsky and N.S. Leskov // Russian Speech. 2018. No. 2. pp. 73-83.
22. Vyazovskaya V.V. Onyms in N.S. Leskov's novel "Nowhere to Go" // Russian Speech. 2018. No. 3. pp. 82-91.
23. Vyazovskaya V.V., Kuzminykh E.O. "Nicknames of the Greek-Russian calendar": on the specifics of naming N.S. Leskov's characters // Topical issues of modern philology and journalism. 2020. No. 2 (37). pp. 68-77.
24. Obukhova E.S. Principles of compiling a Dictionary of Onomastic Units of A.S. Pushkin's Creativity. Diss. ... Candidate of Philological Sciences : 10.02.01. Voronezh, 2009.
25. Buneev G.A. Onomastic space of V. Ya. Shishkov's novel "The Gloomy River" and the story "Taiga". Diss. ... Candidate of Philological Sciences : 10.02.01. Voronezh, 2011.
26. Buneeva E.V. Onomastic space of S.A. Yesenin's poems. Diss. ... Candidate of Philological Sciences : 10.02.01. Voronezh, 2011.
27. Strakhov I.I. Autobiography of toponymic space in M.M. Prishvin's literary texts. Diss. ... Candidate of Philological Sciences : 10.02.01. Voronezh, 2016.
28. Truong Thi Phuong Thanh. Features of Andrey Platonov's onomastics (early and biographical works). Diss. ... Candidate of Philological Sciences : 10.02.01. Voronezh, 2019.
29. Antonova A.I. Onomastics of A.A. Shakhovskiy's creativity. Voronezh, 2019.
30. Voronova T.A. The full and diminutive name of the heroine in the prose of A.S. Pushkin // Neophilology. 2020. Vol. 6. No. 22. pp. 294-301.
31. Voronova T.A. Autobiography of the onomastic space of the lyrics of Arseniy Tarkovsky // Topical issues of modern philology and journalism. 2017. No. 4 (27). pp. 10-15.
32. Skuridina S.A., Bugakova N.B. The model of onomastic creativity in the individual author's picture of the world // Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. 2023. No. 1 (28). pp. 92-97.
33. Bugakova N.B. On the question of the individual author's originality of A. Platonov's linguistic picture of the world // Actual problems of Germanistics, Romanistics and Russian studies. 2022. No. 2. pp. 11-17.
34. Bugakova N.B. Semantic potential of male anthroponyms in A. Platonov's novel "Chevengur" // Philologos. 2022. No. 3 (54). pp. 17-22.
35. Kartashova E.N. Female names in the prose of Vasily Shukshin / E.N. Kartashova // Russian speech. 2017. No. 2. pp. 103-106.
36. Kartashova E.N. Specificity of representation of female images in V.M. Shukshin's prose. Voronezh, 2021. 19 p.
37. Milovanova A.I. Key components of phraseological units expressing their meaning through the name of an unreal phenomenon, as verbalizers of the linguistic and cultural code of the Russian people. Voronezh, 2021. 25 p.
38. Sukhova K.I. Verbalization of the image of the small motherland in the lyrics of V.A. Soloukhin. Voronezh, 2022.
39. Ustinova N.N. Lexeme "soul" as a component of biblionyms // Spirit, soul and body in world culture. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh, 2023. pp. 178-183.
40. Skuridina S.A., Kuzminykh E.O., Novikova M.V. Moscow in the perception of F.M. Dostoevsky, M.A. Bulgakov and S.A. Yesenin // Topical issues of modern philology and journalism. 2022. No. 2 (45). pp. 59-66.
41. Skuridina S.A. Yaroslavl in the perception of F.M. Dostoevsky // Yaroslavl text in the space of the dialogue of cultures. Materials of the Fourth All-Russian Scientific Conference. Yaroslavl, 2020. pp. 173-176.

УДК 81.373.21

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.19.73.020

*Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры связей с обще-
ственностью, рекламы и дизайна*

Попов С.А.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: spo@bk.ru

Voronezh State University

*PhD, docent of the Department of public relations,
advertising and design*

Popov S.A.

Russia, Voronezh,

e-mail: spo@bk.ru

С.А. Попов

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТРУДАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматривается многогранная деятельность Воронежской ономастической школы по исследованию топонимических реалий Воронежского края: микротопонимов, ойконимов, гидронимов, катойконимов, урбанонимов. Основные направления данной научной школы складывались на протяжении нескольких десятилетий XX и XXI веков, её основателем и руководителем является учёный-славист мирового масштаба, доктор филологических наук, профессор Г.Ф. Ковалёв. Члены Воронежской ономастической школы под его руководством защитили несколько кандидатских и докторскую диссертации по исследованию топонимии своего региона. Автор статьи кратко излагает основные положения данных диссертаций, рассматривает другие научные публикации по указанной теме и приходит к выводу, что в настоящее время основная работа по исследованию топонимии Воронежского края ведётся лабораторией воронежского лингвокраеведения имени профессора В.И. Собинниковой под руководством Г.Ф. Ковалёва и при непосредственном участии его учеников и коллег из других вузов региона. Как научный руководитель Г.Ф. Ковалёв часто выступает в роли «играющего тренера», регулярно публикуя свои новые ономастические исследования в виде научных статей, тематических сборников, словарей, справочников и монографий. Помимо научных публикаций члены Воронежской ономастической школы ведут активную просветительскую работу в печатных, электронных и интернет СМИ, популяризуя топонимику как науку и воронежскую топонимию как объект своего исследования, привлекая в ряды исследователей местной «старины глубокой» новых зрителей, слушателей и читателей. Всё это в конечном итоге позволит сохранить для последующих поколений воронежцев местную топонимию в первозданном виде.

Ключевые слова: ономастика, Воронежская ономастическая школа, топонимика, топонимы, микротопонимы, ойконимы, гидронимы, катойконимы, урбанонимы, Г.Ф. Ковалёв, лингвокраеведение.

S.A. Popov

TOPONYMIC RESEARCH IN THE WORKS OF THE VORONEZH ONOMASTIC SCHOOL

The article discusses the multifaceted activities of the Voronezh Onomastic School for the study of toponymic realities of the Voronezh Region: microtoponyms, oikonyms, hydronyms, katoikonyms, urbanonyms. The main directions of this scientific school were formed over several decades of the XX and XXI centuries, its founder and head is a world-class Slavist scientist, Doctor of Philology, Professor G.F. Kovalev. Members of the Voronezh Onomastic School under his leadership defended several PhD and doctoral dissertations on the study of the toponymy of their region. The author of the article briefly outlines the main provisions of these dissertations, reviews other scientific publications on this topic and comes to the conclusion that currently the main work on the study of the toponymy of the Voronezh Region is being conducted by the laboratory of Voronezh Linguistics named after Professor V.I. Sobinnikova under the leadership of G.F. Kovalev and with the direct participation of his students and colleagues from other universities in the region. As a scientific supervisor, G.F. Kovalev often acts as a "playing coach", regularly publishing his new onomastic research in the form of scientific articles, thematic collections, dictionaries, reference books and monographs. In addition to scientific publications, members of the Voronezh Onomastic School are actively engaged in educational work in print, electronic and Internet media, popularizing toponymy as a science and Voronezh toponymy as an object of their research, attracting new viewers, listeners and readers to the ranks of researchers of the local "deep antiquity". All this will ultimately allow preserving the local toponymy in its original form for future generations of Voronezh residents.

Keywords: onomastics, Voronezh Onomastic school, toponymy, toponyms, microtoponyms, oikonyms, hydronyms, katoikonyms, urbanonyms, G.F. Kovalev, linguistic local history.

С середины XX века в Советском Союзе стала стремительно развиваться новая для страны наука – ономастика. Представители разных наук, в первую очередь, лингвисты, историки и географы, приступили к изучению различных аспектов имён собственных: наименований географических объектов (топонимов), народов, народностей, племён, племенных союзов и других этнических общностей (этнонимов), космических объектов и астрономических тел (космонимов и астронимов), личных имён, фамилий и прозвищ людей (антропонимов), кличек животных (зоонимов), имён литературных и фольклорных персонажей (позтонимов) и других.

Институализация отечественной ономастики закреплялась проведением тематических научных конференций, семинаров, публикацией сборников, монографий, учебных пособий, справочников, журналов и учебников, защитами кандидатских и докторских диссертаций. В ряде регионов Советского Союза, а затем и Российской Федерации постепенно сложились свои ономастические школы, ведущей из которых по праву считается Уральская ономастическая школа, основанная в 1960-х годах доктором филологических наук, профессором, членом-корреспондентом РАН А.К. Матвеевым (1926-2010) на базе кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета имени А.М. Горького в Свердловске (в настоящее время – г. Екатеринбург).

Становление Волгоградской ономастической школы было связано с научной деятельностью диалектолога И.Г. Долгачева (1913–1999), исследовавшего местную топонимию. В настоящее время главой волгоградских ономастологов является доктор филологических наук, профессор В.И. Супрун.

В 1967 году на филологическом факультете Иркутского государственного университета одна из основателей бурятской ономастики А.Г. Митрошкина (1920-2013) заложила научные основы Иркутской ономастической школы.

Донецкая ономастическая школа тесно связана с именами докторов филологических наук, профессоров Е.С. Отина (1932-2015), В.М. Калинин, Смоленская – доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка Смоленского государственного университета И.А. Королёвой. Казанская ономастическая школа основана профессором Г.Ф. Саттаровым (1932-2020), Байкальская ономастическая школа – профессором Л.И. Шулуновой (1951-2011). Учёные-ономастологи работают и в ряде других регионов России.

Воронежская ономастическая школа, которая складывалась на протяжении нескольких десятилетий XX и XXI веков, имеет богатую исследовательскую историю и в настоящее время представляет собой научное сообщество исследователей практически всех разрядов имён собственных, в том числе и топонимии. Воронежские учёные внесли большой вклад в топонимическое исследование родного края. В настоящее время во многом благодаря им и их коллегам из других ономастических школ топонимия региона исследована достаточно полно.

Основу лингвистического исследования топонимии Воронежского края в конце 1960-х годов заложила доктор филологических наук, профессор филологического факультета Воронежского государственного университета М.В. Фёдорова. Сферой её научных интересов являлись славянско-финно-угорские следы в топонимии Центрального Черноземья. В частности, М.В. Фёдорова считала, что в русских топонимах с суффиксами *-оват-*, представляющими собой образования от основ слов, называющих растения или компоненты рельефа (Вязноватка, Вязноватовка, Меловатка, Ольховатка, Песковатка, Хвощеватка, Хвощева-товка), можно видеть следы мордовского влияния: древнее значение корня *ват-/вад-* в топонимах Центрально-Чернозёмной полосы России выводится из обско-угорских языков как «берег» [1].

Крупнейший специалист в области русской диалектологии В.И. Дьякова (в настоящее время – профессор кафедры славянской филологии ВГУ) с конца 1960-х годов исследует местную топографическую терминологию, лежащую в основе ойконимов и микротопонимов Воронежской области и соседних регионов. Диалектная лексика составляет значительную часть региональной топонимии России. Чаще всего диалектные основы наблюдаются в составе ойконимов и микротопонимов (*с. Елань-Колено, пос. Верхняя Елань, пос. Еланка > елань* – ‘лесная поляна’; *с. Ендовище > ендова* – ‘пологая или плоская низменность с луговой растительностью’, ‘плоский, пологий овраг’). Пристальное внимание современных исследователей к микротопонимии обусловлено, «во-первых, тем, что данная лексика относится к уходящей: как и диалект, она исчезает вместе с поколениями, для которых была актуальной; исчезают и обозначаемые ею объекты. Во-вторых, микротопонимы из-за специфики своего возникновения, бытования и изменения являются уникальным «ключом» к языковой и внеязыковой информации: сведениям о диалекте, истории заселения края, его природе, занятиях жителей, фольклоре и в определенном смысле – народном сознании» [2; с. 63]. В 1973 году под руководством профессора В.И. Собинниковой В.И. Дьякова успешно защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук на тему «Географическая терминология Воронежской области» [3]. Позднее она в соавторстве с В.И. Хитровой в нескольких выпусках международного

научного сборника «Материалы по русско-славянскому языкознанию» опубликовала материалы будущего «Словаря географической терминологии Воронежского края», который был напечатан отдельным изданием спустя несколько десятилетий в 2009 году [4] и стал ценнейшим топонимическим лексикографическим источником.

Как справедливо отмечает С.А. Скуридина, «указанные работы воронежских исследователей могли бы остаться только историей, если бы не деятельность Г.Ф. Ковалёва, которого можно назвать основателем Воронежской ономастической школы, так как именно он сумел сохранить заложенные традиции ономастических исследований и разработать новые подходы к изучению имени собственного. В рамках Воронежской ономастической школы во главе с Г.Ф. Ковалёвым проводится работа по изучению славянской ономастики, этнонимии, воронежского лингвокраеведения, региональной антропонимии, астронимии, топонимии и микротопонимии, зоонимии, русско-украинских ономастических связей» [5; с. 43].

«Для решения задач, связанных с изучением языковой культуры Воронежской области, её прошлого и настоящего в 1993 году на кафедре славянской филологии ВГУ по инициативе и под руководством профессора Г. Ф. Ковалёва была создана Научно-исследовательская лаборатория воронежского лингвокраеведения имени профессора В. И. Собинниковой. Преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты кафедры во время диалектологических экспедиций и практик в населённых пунктах Воронежской области активно собирают народные названия небесных светил, региональные фамилии, имена, прозвища, региональную топонимию и микротопонимию. Кроме того, эта работа сейчас успешно выполняется и на материалах письменных памятников (местная пресса, художественная и краеведческая литература и т.д.)» [6; с. 70].

В настоящее время основная работа по исследованию топонимии Воронежского края ведётся лабораторией воронежского лингвокраеведения имени профессора В.И. Собинниковой под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии ВГУ Г.Ф. Ковалёва и при непосредственном участии его учеников и коллег из других вузов региона.

Начиная с конца 1990-х годов и по настоящее время в Воронежском государственном университете под научным руководством Г.Ф. Ковалёва были защищены диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук по научной специальности 10.02.01 «Русский язык», посвященные исследованию топонимии Воронежского края.

В 1998 году его первым аспирантом защищена диссертация по ойконимии Воронежской области [7], в которой все официально существовавшие на момент подготовки диссертации названия населённых пунктов региона исследованы на уровне словообразования и семантики образующих основ.

В 1999 году В.П. Фролова на материале воронежских ойконимов рассмотрела процесс образования от них прилагательных и катойконимов, результаты исследования отражены в приложении [8]. По мнению исследователя, катойконимия – один из самых сложных со словообразовательной точки зрения лексических пластов, поэтому энергичное и разноплановое изучение словообразовательного яруса языка, проводящееся в отечественном и мировом языкознании, настоятельно требует подключения катойконимических данных. В.П. Фролова считает структурно-семантическое соотношение производной и производящей основ основным критерием выделения производящих основ, в том числе и для катойконимов. Исследование структурно-семантических связей наименований жителей позволило ей сделать вывод о том, что производящей для катойконимов в современном русском языке является основа адъектонима, и представить следующую парадигму: топоним – адъектоним – катойконим (*Россошь – росошанский – росошанец*). Полная парадигма оттопонимических производных состоит из адъектонима, катойконима множественного числа, катойконима единственного числа мужского рода, катойконима единственного числа женского рода (*Бобров – бобровский – бобровчане – бобровчанин – бобровчанка*). В.П. Фролова в своей диссертации собрала катойконимы Воронежской области, не зафиксированные в словарях, но являющиеся фактом живого языка, используемые в речевом общении, употребляемые на страницах периодической печати и подвергла их тщательному анализу на парадигматическом уровне (автором собрано около 3000 катойконимов, проанализированы катойконимы 25 уездов Воронежской губернии Петровской эпохи и 32-х районов современной Воронежской области). Особый интерес для В.П. Фроловой представляет вопрос об образовании женских дериватов, который диктуется существенными изменениями в социально-политическом положении женщины в современном обществе, и в частности, вопрос о наименовании жительницы города Воронежа, поскольку эта проблема очень долгое время остается нерешенной. Она предлагает форму *воронежанка*, считая, что слово образовано в соответствии с языковой культурой и нормой, тем более, что русскому языку были известны формы *воронежане*, *воронежанин*, вышедшие на данный момент из живого употребления под натиском суффикса *-ец*. Исследователь также анализирует катойконимы, зафиксированные в различных историче-

ских документах чаще в форме множественного числа (*воронежцы, коротоячань, урывчань, острогужцы, костенцы, орловцы, ольшанцы, соколены, лебедянцы, усманцы, демиинцы, землянцы* и др.). Сравнение катойконимов разных эпох дало возможность создать целостную картину развития катойконимической системы Воронежской области. Диссертация В.П. Фроловой и её практическое приложение могут послужить основой для «Словаря наименований жителей Воронежской области».

В 2000 году В.А. Сёмушкин представил на суд научной общественности исследование по гидронимии Среднего Дона [9], целью которого стало описание гидронимов бассейна Среднего Дона как на синхронном уровне (в семантическом аспекте основ, образующих гидронимические лексемы, по типам и способам образования гидронимических единиц), так и в историческом плане. Под Средним Подоньем в исследовании подразумевается участок бассейна р. Дон от устья р. Верейка (пр. Дона, Семилукский район Воронежской области) до устья р. Хопёр (лв. Дона, восток Волгоградской области), по этой территории протекают 1343 реки. Автором составлена картотека гидронимов Среднего Дона по состоянию на 1999 год с целью их дальнейшего комплексного исследования, проведён их лексико-семантический анализ, выявлены и определены основные типы и способы образования, рассмотрено влияние народной этимологии на формирование и семантику гидронимов, проведён анализ воздействия экстралингвистических факторов на гидронимию Среднего Дона, полученные данные сопоставлены с гидронимическим материалом смежных регионов. В процессе исследования были выявлены 288 гидронимов славянского происхождения, что составляет 85 % от общего числа анализируемых гидронимов. В.А. Сёмушкин выяснил, что по частотности употребления доминируют названия, отражающие какие-либо физико-географические особенности объектов или прилегающей к ним местности. Немалое количество гидронимов, образованных от географической апеллятивной лексики, отражает представления жителей исследуемого региона об окружающем их материальном мире. В сфере субстратной гидронимии территории Среднего Дона наиболее древней является гидронимия иранского и финно-угорского происхождения, более поздними по времени – гидронимы тюркского происхождения.

В 2003 году С.А. Поповым на базе диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук на тему «Ойконимия Воронежской области: семантика и словообразование» была опубликована монография «Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин» [10], в которой подробно рассмотрены общие вопросы лингвокраеведческого изучения региональной топонимии, дана характеристика всех официально существовавших на момент выхода книги ойконимов по семантике образующих основ (геогенные и антропогенные ойконимы), приведена их структурно-словообразовательная классификация. В монографии также рассмотрены украинское наследие воронежской ойконимии и народная этимология в ойконимии (топонимические предания и легенды). В качестве приложения к изданию приведён «Словарь названий населённых пунктов Воронежской области», содержащий около 2000 словарных статей. Помимо современных воронежских ойконимов в словарь вошёл ряд исчезнувших названий населённых пунктов региона. В 2004 году автор монографии стал лауреатом премии администрации Воронежской области для молодых ученых.

В 2003 году Т.В. Толбина защитила диссертацию по особенностям номинации русской микротопонимии сельских районов Воронежской области [11]. Сельская микротопонимия, по мнению автора исследования, значительно богаче и консервативнее, чем городская, потому что она складывалась естественным путем, выполняя не только ориентировочную, но и в какой-то мере эстетическую функцию, организуя жизненное пространство крестьянина, поэтому она образна, экспрессивна. Городские же микротопонимы в большинстве своем созданы искусственно, официальные, необразны, идеологически нагружены. Под микротопонимом Т.В. Толбина понимает «собственное имя небольшого природного физико-географического или созданного человеком объекта, известность которого не выходит за пределы узкого круга живущих в одном месте людей и которое обычно отражает характер и свойства именуемого объекта» [12; с. 8]. Исследуемый материал классифицировался по объектам номинации и лексико-семантическому принципу. В зависимости от объекта номинации автор выделяет названия, номинирующие объекты естественно-географического характера (геогенные), и названия, номинирующие объекты культурно-исторического характера (антропогенные), с точки зрения семантики образующих основ – три основных номинационных типа: названия, отражающие особенности природной среды вблизи именуемого объекта; названия, отражающие особенности самого объекта; названия, связанные с деятельностью человека. Каждый тип, в свою очередь, представлен несколькими подгруппами микротопонимов. Проанализировав более двух тысяч названий, Т.В. Толбина пришла к выводу, что «микротопонимия представляет собой особым образом организованную систему. Она включает в себя наименования разных топонимических классов, в том числе: 1) микрооронимы; 2) микрогидронимы; 3) наименования, связанные с характером растительного покрова; 4) микродромонимы; 5) наименования различных частей селений» [12; с. 18-19]. Одним из важнейших ис-

точников микропонимии является диалектная апеллятивная лексика, и в особенности местная географическая терминология. Поскольку Воронежская область является зоной смешанного русско-украинского заселения, то возможен процесс взаимодействия, особенно на уровне лексики, поэтому в русской микропонимической системе наблюдаются отдельные украинские элементы, обогащающие её (овраг *Гудзеватый Яр*, часть села *Крейда*, улица *Черевик*). Т.В. Толбина приходит к выводу, что «географическое название – это прежде всего результат народного творчества. Материал свидетельствует, что сельские жители обладают большим творческим потенциалом и наблюдательностью и способны создавать яркие, образные названия, обладающие особой экспрессивностью» [12; с. 19]. Осмысление микропонимов местными жителями дает возможность увидеть, каким образом в микропонимии отражается мировосприятие сельского жителя. Диссертация Т.В. Толбиной стала началом для более детального изучения микропонимической системы Воронежской области и составления полного регионального словаря микропонимов.

Как научный руководитель Г.Ф. Ковалёв выступил в роли «играющего тренера». Мы отмечали ранее, что в исследованиях микропонимии «топонимистам огромную помощь может оказать местное коренное население, прекрасно знающее как сами названия, так и легенды и предания, объясняющие их происхождение. С этой целью в феврале-марте 2005 года нами совместно с профессором Г.Ф. Ковалёвым во всех районных газетах Воронежской области было опубликовано обращение «Сохраним культурное наследие вместе!», в котором мы призывали жителей региона присылать в лабораторию воронежского лингвокраеведения имени профессора В.И. Собиинниковой известные им микропонимы и топонимические предания и легенды. Одними из первых на наш призыв откликнулись жители Грибановского, Россошанского и Хохольского муниципальных районов, которые прислали интересные версии происхождения местных названий» [6; с. 70]. Эти сведения помогли в подготовке первого издания словаря Г.Ф. Ковалёва «Микропонимия Воронежской области», опубликованного в 2007 году [13]. В 2017 году вышел в свет расширенный вариант словаря в двух томах общим объёмом более 800 страниц формата А 4, содержащий более 20 000 словарных статей [14]. При подготовке словаря активно использовались данные из лингвокраеведческих публикаций районных газет Воронежской области, районные телефонные справочники. Основной материал был почерпнут из Картотеки Словаря воронежских говоров, хранящейся в Научно-исследовательской лаборатории воронежского лингвокраеведения имени профессора В.И. Собиинниковой (она собиралась в районах нашей области с 1943 года многими поколениями студентов, аспирантов и преподавателей филологического факультета ВГУ). Картотека Словаря микропонимов была значительно пополнена аспирантом Г.Ф. Ковалёва Т.В. Толбиной в процессе подготовки кандидатской диссертации. При работе над словарем также были использованы материалы по микропонимии, собранные в Центре региональных лингвистических исследований Воронежского государственного педагогического университета (руководитель – кандидат филологических наук, доцент А.Д. Черенкова).

Региональная микропонимия по праву является частью общенациональной топонимической системы и представляет собой важнейший фрагмент языковой картины мира местного населения. Для современных исследователей очень ценно, что «местные топонимические названия хорошо консервируют старую, уже ушедшую из употребления лексику. Так, хутор *Желдаковка* по номинации равен с. *Солдатскому*, потому что слово *желдак* раньше означало 'солдат, ратник' (Даль). Село *Березки* получило свое название не от *березы*, а от названия гранита (*березит*), выходы которого обнаружены возле села» [14, Т. I; с. 13]. Ещё одной большой проблемой микропонимии Г.Ф. Ковалёв считает безымянность многих объектов (в Воронежской области более 2 000 прудов, но около трети из них не имеют имени). Исследование Г.Ф. Ковалёва является примером глубокого изучения общероссийской и региональной истории, отразившейся в воронежской микропонимии. Руководитель Воронежской ономастической школы зафиксировал интересный топонимический факт – фамилии полководцев России часто встречаются в названиях улиц сёл и городов Воронежской области: «Так, только в Грибановке обнаруживаются улицы *Ватутина*, *Жукова*, *Суворова*. В Россоши есть улицы *Баграмяна*, *Василевского*, *Малиновского*, *Фрунзе*. А в других селах ещё и *Чапаев*, *Рокоссовский* и т.д. А "рекордсменом" по армейским фамилиям в названиях улиц является с. Ямное Рамонского р-на, пригород Воронежа: 14 названий улиц и переулков только с фамилиями маршалов (Л.А. Говоров, А.И. Ерёмченко, Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.А. Мерещков, К.К. Рокоссовский, С.К. Тимошенко, В.И. Чуйков). Мало того, еще 34 улицы с фамилиями генералов, да к тому же и 7 улиц с фамилиями... казачьих атаманов!» [14, Т. I; с. 15]. В настоящее время им же подготовлен к печати «Словарь микропонимии Воронежской области» в трёх томах, который будет опубликован в 2023 году.

Как настоящий российский учёный с мировым именем и истинный патриот родного края Г.Ф. Ковалёв привил любовь к малой Родине не только своим российским ученикам, но и иностранным ас-

пирантам. Так, в 2021 году в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина Чэнь Цзыди успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме «Микротопонимия как отражение региональной картины мира жителей Воронежской области» (выбрано и исследовано более 2 тысяч микротопонимических названий) [15]. В диссертации указывается, что «большинство микротопонимов Воронежской области (90%) сохраняет свою внутреннюю форму, и это позволяет с той или иной степенью вероятности вскрыть мотив номинации и определить информационное содержание названия. Лишь 10% микротопонимов – названия с неясной семантикой или невыявленной мотивацией. Определение этимологического значения слова, положенного в основу микротопонима, безусловно, представляется важной задачей, однако не менее важным в нашем исследовании стало выявление смысловой структуры названия на основе современного восприятия микротопонимов населением [15; с. 27-28]. Автор подробно рассматривает лексические группы «деревья» (дуб, ива, верба, ракета, лоза, тальник, клён, липа, берёза, ольха, орех, лещина, тополь, ясень, вишня, груша, рябина, яблоня), «оживотные» (бобр, волк, ёж, заяц, змея, лиса, лягушка, жаба, черепаха, медведь, олень, бык, корова, коза, козёл, конь, кобыла, лошадь, собака, кошка, кот, аист, воробей, ворон, голубь, орёл, рыба, ёрш, лещ, вьюн, пчела) и отражение специфики почв (земля, чернозём, песок, мел (укр. крейда), глина, солонцы) в структуре микротопонимии Воронежской области (*Берёзовая Роца, Вишнёвый Лог, Грушевый Яр, Топольки, озеро Волчье, болото Змеиное, Олений Кут, Козий Рог, Кобылячье, Собачий Яцик, Котовка, Воробьиный Островок, Орлов Лог, Рыбное, Еришовка, Леиуковка, Пчелиный Колодезь, Белоглинка, Крейдянка, Пески* и др.). Чэнь Цзыди подробно рассмотрел символику каждой номинации в славянской мифологии, культуре и их применение в разнообразных сферах жизни человека. По его мнению, это необходимые элементы, через которые может четко отражаться региональная картина мира жителей Воронежской области.

В 2009 году О.П. Дмитриева защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по ономастическому пространству Россошанского района Воронежской области, включая топонимию [16]. Топонимический пласт россошанской ономастики рассмотрен ею в работе поэтапно – от макротопонимов (в масштабе района) до микротопонимов. Исследователь приводит официальные и неофициальные версии происхождения того или иного топонима, анализирует и классифицирует местные топонимические единицы в полном соответствии с историческими фактами и закономерностями, обращаясь за консультациями к признанным россошанским краоведам П. Болотову и А. Морозову. О.П. Дмитриева выяснила, что «большинство местных топонимов на территории Россошанского района происходят от антропонимов – имён владельцев или основателей населённых пунктов (*Архиповка, Лещенково, Лизиновка, Еленовка, Ивановка*). *Россошь, Лощина, Старая Калитва* произошли от особенностей месторасположения. Россошанских гидронимов немного, это реки *Черная Калитва* и *Сухая Россошь*, также имеется несколько неофициальных названий прудов или мелких водоемов: *Старушка, Лима'н, Пи'ски, Мостки*» [16; с. 16]. В работе также рассмотрена местная урбанонимия – история происхождения названий улиц: от антропонимов, исторических дат, названий праздников (улицы *С. Лазо, К. Маркса, Первомайская, 9 Января, Депутатская, Октябрьская*, проспект *Труда* и т.д.), указание на особенности расположения, направления, наличие близлежащих предприятий (*Элеваторная, Острогужская, Карьерная, Бульварная*; переулок *Сосновый*). Некоторые урбанонимы хранят память о значимых событиях в истории города (переулок *Обозный*, площадь *Танкистов*).

В 2018 году опубликована книга преподавателей ВГУ С.А. Попова, Т.Ф. Пуховой и Е.А. Грибоедовой «Топонимия Воронежского края», состоящая из двух разделов: «Словарь названий населённых пунктов Воронежской области» (содержит 1731 словарную статью – по количеству официально существующих в настоящее время населённых пунктов региона), и «Воронежские топонимические предания» [17]. В издании представлена информация об административно-территориальной принадлежности всех населённых пунктов Воронежской области, времени их возникновения, прежних названиях, владельцах и первопоселенцах, времени и причинах переименований, этимологию названий, норму их произношения. При указании точной даты переименования упор делается на федеральные и региональные нормативные правовые акты в сфере топонимической номинации региона (топонимическое законодательство). Второй раздел представляет собой сборник топонимических преданий, собранных студентами филологического факультета Воронежского государственного университета с 1979 года. Большая часть текстов преданий представлена в аутентичной записи с сохранением особенностей речи информаторов. Это издание обобщает многолетний труд по записи и систематизации топонимических преданий. Вступительная статья, рассказывающая об особенностях преданий Воронежской области, содержит описание тематической классификации преданий, особенностей композиции и языка текстов, особенности появления названий топонимов. Запись и публикация топонимических преданий позволит надолго сохранить в нашей памяти народные представления прошлых эпох о происхождении названий на карте нашей области. Историко-культурное издание

«Топонимия Воронежского края» явилось одним из важнейших результатов научной деятельности Воронежской ономастической школы под руководством профессора Г.Ф. Ковалёва, а его авторы в 2019 году стали лауреатами премии правительства Воронежской области за лучшую научную работу 2018 года.

В 2022 году в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина доцентом Борисоглебского филиала ВГУ Л.Н. Верховых защищена первая диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук по воронежской ономастике – на тему «Лингвокраеведческая субпарадигма как интегративная модель исследования системы русского языка (на материале Воронежского ономастикона)» (научный консультант – доктор филологических наук, профессор Г.Ф. Ковалёв) [18]. В частности, автор исследовала особенности реализации лингвокраеведческого подхода при изучении микротопонимии в целом, микротопонимии группы сёл и микротопонимии одного населенного пункта (лексикографическое описание). В данном параграфе диссертации Л.Н. Верховых на материале воронежской микротопонимии изучила особенности региональной языковой картины мира, связанные с представлениями о времени и пространстве, выполнила лексикографическое описание микротопонимии с. Абрамовка Таловского района Воронежской области, охарактеризовав специфику микротопонимической номинации по объектам номинации, в структурно-словообразовательном и лексико-семантическом аспектах с учетом краеведческих данных. Описание микротопонимии с. Абрамовка представлено в виде словаря, в который включены как функционирующие в настоящее время, так и ушедшие или уходящие микротопонимы (всего 57 названий). Временные границы существования рассмотренного в работе микротопонимикона – период с конца 1930-х гг. по настоящее время (около 80 лет). Сбор микротопонимов ведется автором исследования с 1993 г., научное описание – с 2005 г. Завершает «микротопонимический параграф» диссертации вопросник по сбору регионального лингвистического материала в рамках лингвокраеведческих исследований (воронежский ономастикон), особое место в котором занимает подробная инструкция по сбору микротопонимов.

В настоящее время учениками Г.Ф. Ковалёва С.А. Поповым и Э.О. Пархоц в рамках гранта Российского научного фонда ведётся работа над составлением топонимического мартиролага Российской Федерации, часть которого будет посвящена исчезнувшим топонимам Воронежской области.

Помимо публикаций в научных журналах и сборниках члены Воронежской ономастической школы ведут активную просветительскую работу, популяризуя топонимику как науку и воронежскую топонимию как объект своего исследования. В частности, они выступают в качестве гостей и экспертов местных телевизионных и радиоканалов, областных и районных газет, информационных агентств и интернет-порталов, лекторов Российского общества «Знание», активно привлекая в ряды исследователей местной «старинной глубокой» зрителей, слушателей и читателей.

Таким образом, члены Воронежской ономастической школы под руководством доктора филологических наук, профессора Г.Ф. Ковалёва внесли весомый вклад в исследовании топонимии родного края, что позволит сохранить полученные результаты для последующих поколений воронежцев.

Библиографический список

1. Фёдорова М.В. Славяне, мордва и анты: К вопросу о языковых связях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. 86 с.
2. Пархоц Э.О. Микротопонимы как носители диалектной информации (на материале микротопонимии Верхнехавского района Воронежской области) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 3. С. 63-65.
3. Дьякова В.И. Географическая терминология Воронежской области: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук (10.02.01). Воронеж, 1973. 21 с.
4. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: ВГУ, 2009. 343 с.
5. Скуридина С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. № 3 (17). С. 41-46.
6. Попов С.А. Основные направления Воронежской ономастической школы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 69-74.
7. Попов С. А. Ойконимия Воронежской области: семантика и словообразование: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Воронеж, 1998. 166 с.
8. Фролова В.П. Типология русских катойконимов на фоне германских языков: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж, 1999. 194 с.
9. Сёмушкин В.А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2000. 140 с.

10. Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин / Науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж: Издательский Дом Алейниковых, 2003. 285 с.
11. Толбина Т.В. Микропонимия Воронежской области: Особенности номинации: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Воронеж, 2003. 199 с.
12. Толбина Т.В. Микропонимия Воронежской области: Особенности номинации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2003. 20 с.
13. Ковалев Г.Ф. Микропонимия Воронежской области. Словарь. Воронеж: Артефакт, 2007. 407 с.
14. Ковалев Г.Ф. Словарь микропонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т.1: А–Л. 412 с.; Т.2: М–Я. 420 с.
15. Чэнь Цзыди. Микропонимия как отражение региональной картины мира жителей Воронежской области: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Воронеж, 2021. 200 с.
16. Дмитриева О.П. Ономастическое пространство Россошанского района Воронежской области: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Воронеж, 2009. 179 с.
17. Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского края / Научн. ред. Г.Ф. Ковалёв. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2018. 336 с.
18. Верховых Л.Н. Лингвокраеведческая субпарадигма как интегративная модель исследования системы русского языка (на материале Воронежского ономастикона): специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Воронеж, 2022. 428 с.

References

1. Fedorova M.V. Slavs, Mordvins and Ants: On the question of language relations. Voronezh: VSU Publishing House, 1976. 86 p.
2. Parkhots E.O. Microtoponyms as carriers of dialect information (based on the material of microtoponymy of the Verkhnekhavsky district of the Voronezh region) // Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism. 2017. No. 3. pp. 63-65.
3. Dyakova V.I. Geographical terminology of the Voronezh region: Abstract. dis. on the job. learned. degree of Candidate of Philology (10.02.01). Voronezh, 1973. 21 p.
4. Dyakova V.I., Khitrova V.I. Dictionary of geographical vocabulary of the Voronezh Region (with historical comments). Voronezh: VSU, 2009. 343 p.
5. Skuridina S.A. Modern onomastic schools: from Voronezh to Irkutsk // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, series "Linguistics and intercultural communication". 2015. No. 3 (17). pp. 41-46.
6. Popov S.A. The main directions of the Voronezh onomastic school // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2018. No. 4. pp. 69-74.
7. Popov S. A. Oikonymy of the Voronezh region: semantics and word formation: dissertation... Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Voronezh, 1998. 166 p.
8. Russian Russian languages 8. Frolova V.P. Typology of Russian catonyms against the background of Germanic languages: specialty 10.02.01 "Russian language": dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Voronezh, 1999. 194 p.
9. Semushkin V.A. Hydronymy of the Middle Don: nominational and word-formation aspects: dis. ... Candidate of Philology: 10.02.01. Voronezh, 2000. 140 p.
10. Popov S.A. Oikonymy of the Voronezh region in the system of linguistic and local lore disciplines / Scientific ed. G.F. Kovalev. Voronezh: Aleynikov Publishing House, 2003. 285 p.
11. Tolbina T.V. Microtoponymy of the Voronezh region: Features of the nomination: dissertation... Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Voronezh, 2003. 199 p.
12. Tolbina T.V. Microtoponymy of the Voronezh region: Features of the nomination: Abstract. dis. ... Candidate of Philology: 10.02.01. Voronezh, 2003. 20 p.
13. Kovalev G.F. Microtoponymy of the Voronezh region. Dictionary. Voronezh: Artifact, 2007. 407 p.
14. Kovalev G.F. Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region: in 2 vols. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 2017. Vol.1: A–L. 412 p.; Vol.2: M–Ya. 420 p.
15. Chen Zidi. Microtoponymy as a reflection of the regional picture of the world of residents of the Voronezh region: dissertation ... Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Voronezh, 2021. 200 p.
16. Dmitrieva O.P. Onomastic space of the Rossoshansky district of the Voronezh region: dissertation... Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Voronezh, 2009. 179 p.
17. Popov S.A., Pukhova T.F., Griboyedova E.A. Toponymy of the Voronezh Region / Scientific ed. G.F. Kovalev. Voronezh: Center of Spiritual Revival of the Chernozem Region, 2018. 336 p.
18. Verkhovyykh L.N. Linguistics sub-paradigm as an integrative model of the study of the Russian language system (based on the material of the Voronezh Onomasticon): specialty 10.02.01 "Russian language": dissertation for the degree of Doctor of Philology. Voronezh, 2022. 428 p.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 81-13(06)

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.17.82.021

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

ИТОГИ IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ» (ВОРОНЕЖ, ВГТУ, 19-21 АПРЕЛЯ 2023 Г.)

N.B. Bugakova

RESULTS OF THE IV INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "LINGUISTIC AND CULTURAL UNIVERSALS IN THE WORLD SPACE" (VORONEZH, VSTU, APRIL 19-21, 2023)

19-21 апреля 2023 года в Воронежском государственном техническом университете прошла IV Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве», организованная кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета. Целью конференции являлось обсуждение актуальных для современной гуманитарной науки вопросов – лингвистических, литературоведческих, источниковедческих, методических и др. Поскольку тематика конференции достаточно обширна и включает разные аспекты, в конференции приняли участие более 70 ученых из разных стран: Сенегала, Турции, Македонии, Китая, Азербайджана, России. Россия представлена следующими городами: Москва, Липецк, Воронеж, Смоленск, Тюмень, Казань, Одинцово и др. В работах, включенных в программу конференции, поднимаются актуальные проблемы лингвистики, методики преподавания русского языка, рассматриваются особенности функционирования слова в пространстве текста, освещаются важные аспекты медиареальности. Одна из шести секций конференции посвящена выявлению особенностей мировосприятия школьниками и студентами. Нельзя не отметить исследования, посвященные литературной ономастике и выполненные учениками и последователями основателя Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, который в 2023 г. отмечает свой юбилей.

Доклады, прозвучавшие на заседании секции «Актуальные проблемы современной лингвистики», посвящены выявлению особенностей функционирования русского языка на разных территориях России [1; с. 29-33; 2; с. 15-18; 3; с. 47-51], анализу некоторых концептов, репрезентирующих разные национальные картины мира [4; с. 21-24; 5; с. 33-37].

Ученые, принявшие участие в работе секции «Образовательные технологии: традиции и инновации» анализировали особенности преподавания в высшей школе, рассматривали своеобразие методики в преподавании русского языка как иностранного, говорили о возможности внедрения новых технологий в преподавание русского языка в средней школе [6; с. 61-65; 7; с. 65-71; 8; с. 71-74].

Большой популярностью пользуется секция, посвященная медиареальности. В этом году доклады ученых, участвовавших в заседании этой секции, рассматривали медиа в историческом аспекте, выявляли способы формирования медиареальности, формы ее существования, стратегии развития [9; с. 83-90; 10; с. 112-117; 11; с. 127-130; 12; с. 97-100; 13; с. 152-156].

Секция «Слово в пространстве текста» объединила ученых, представляющих различные научные интересы. На заседании рассматривались проблемы интертекстуальности, стилистическое своеобразие творчества различных писателей, реализация метафорического и ольфакторного кодов и другие аспекты изучения художественных произведений [14; с. 165-168; 15; с. 210-212; 16; с. 187-191].

Одна из секций конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» была посвящена 80-летию основателя Воронежской ономастической школы профессора Г.Ф. Ковалева. На заседании выступили ученики и последователи Г.Ф. Ковалева, работающие в разных странах и разрабатывающие проблемы литературной ономастики в традициях Воронежской ономастической школы, а также коллеги профессора, лингвисты-ономатологи, представляющие ономастические школы Смоленска, Петрозаводска и других городов России [17; с. 255-259; 18; с. 229-232; 19; с. 239-243; 20; с. 232-235; 21; с. 243-248].

Оригинально и свежо прозвучали доклады, включенные в секцию «Мир глазами молодых», в которых школьники и студенты рассматривали лингвистические особенности чат-коммуникации, анализировали молодежные СМИ, оценивали перспективность музыкальной блогосферы и пр. [22; с. 271-274; 23; с. 277-283; 24; с. 283-286].

Итоги конференции освещаются в сборнике научных работ ее участников. Конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» проводится кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ежегодно. Подобная периодичность обусловлена интересом к актуальной тематике конференции, большим количеством интересных докладов, которые представляются на конференцию учеными из разных стран мира.

Библиографический список

1. Недоступова Л.В., Гелунов В.А. Как говорят в Кантемировском районе Воронежской области // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 29 – 33.
2. Верховых Л.Н. Фауна села Красного Новохоперского района Воронежской области в региональной языковой картине мира // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 15 – 18.
3. Чарина О.И. Локальные особенности лексики в творчестве сказителей Северо-Востока Якутии // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 47 – 51.
4. Даулань Майэрхали. Лексическая репрезентация концепта «красота» в русских и английских косметических рекламных текстах // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 21 – 24.
5. Разумкова Н.В. К вопросу о функционировании троичного концепта «слово-язык-речь» в научном дискурсе // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 33 – 37.
6. Каблукова Н.В. Формирование лингвокультурологической компетенции у студентов-иностранцев (на материале творчества Н. Рубцова) // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 61 – 65.
7. Новикова О.В., Сычева Л.В. Особенности обучения русскому языку студентов из Таджикистана // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 65 – 71.
8. Помогаева Е.С. ТРИЗ-технологии в обучении русскому языку в 5-6 классах // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 71 – 74.
9. Беспалова А.О., Скуридина С.А. Способы воздействия социальной рекламы в медиaprостранстве города // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 83 – 90.

10. Зубкова С.И., Попова Ю.С. Освещение российской анимации в СМИ // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 112-117
11. Кувшинов Ф.В. Стратегии развития медиаканалов в современных СМИ // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 127-130
12. Девятова М.С., Бугакова Н.Б. Подкаст как способ формирования дискурса в СМИ // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 97-100.
13. Сухова К.И., Чикеева Е.И., Зайкова А.И. Эволюция образа женщины в печатных журналистике // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 152-156.
14. Воронова Т.А. Интертекстуальность произведения как элемент переводческой задачи (на примере романа Ш. Бронте «Джейн Эйр») // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 165-168.
15. Файзуллина Н.И. К вопросу о реализации метафорического кода в рамках фольклорного текста // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 210-212.
16. Скуридина С.А., Новикова М.В. О некоторых лексических единицах ольфакторного кода романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 187-191.
17. Попов С.А. Вклад воронежских ученых в топонимическое исследование родного края // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 255-259.
18. Королева И.А. Профессор Г.Ф. Ковалев в зеркале работ XXI века // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 229-232.
19. Пашаева Юнус Ф.Ш. Имя как проводник культуры народа // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 239-243.
20. Крючкова Т.М. Гефиронимы Воронежа и Воронежской области // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 232-235.
21. Петрачкова И.М. К вопросу об интерпретации имени собственного в драматургическом тексте: составляющие ономастической матрицы в пьесе Александра Михайловича Галина «Звёзды на утреннем небе» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 243-248.
22. Возмилова А.А., Присекина В.О. Эффективность видеохостинга YouTube как канала продвижения блогеров музыкальной сферы // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 271-274.
23. Кузьминых Е.О., Кузьминых Н.А. Лингвистические особенности чат-коммуникации (на материале сообщений в социальной сети ВКонтакте) // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 277-283.
24. Лахина П.К., Тимофеева Е.С. Плюсы и минусы современных молодёжных СМИ на примере издания «Ворон и ёж» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 283-286.

References

1. Belova L.V., Gelunov V.A. As they say in the Kantemirovsky district of the Voronezh region // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 29-33.
2. Verkhovyykh L.N. Fauna of the village of Krasny Novokhopersky district of the Voronezh region in the regional linguistic picture of the world // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 15-18.

3. Charina O.I. Local features of vocabulary in the work of storytellers of the North-East of Yakutia // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 47-51.
4. Daulan Mayerkhali. Lexical representation of the concept of "beauty" in Russian and English cosmetic advertising texts // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 21-24.
5. Razumkova N.V. On the question of the functioning of the ternary concept "word-language-speech" in scientific discourse // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 33-37.
6. Kablukova N.V. Formation of linguoculturological competence among foreign students (based on the material of N. Rubtsov's creativity) // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 61-65.
7. Novikova O.V., Sycheva L.V. Features of teaching Russian to students from Tajikistan // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 65-71.
8. Pomogaeva E.S. Triz-technologies in teaching the Russian language in grades 5-6 // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 71-74.
9. Bepalova A.O., Skuridina S.A. Ways to influence social advertising in the media space of the city // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 83-90.
10. Zubkova S.I., Popova Yu.S. Coverage of Russian animation in the media // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 112-117.
11. Kuvshinov F.V. Strategies for the development of media channels in modern media // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 127-130.
12. Devyatova M.S., Bugakova N.B. Podcast as a way of forming discourse in the media // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 97-100.
13. Sukhova K.I., Chikeeva E.I., Zaikova A.I. The evolution of the image of a woman in print journalism // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 152-156.
14. Voronova T.A. Intertextuality of a work as an element of a translation task (on the example of the novel Sh. Bronte "Jane Eyre") // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 165-168.
15. Fayzullina N.I. On the question of the implementation of the metaphorical code within the folklore text // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 210-212.
16. Skuridina S.A., Novikova M.V. On some lexical units of the olfactory code of the novel "The Brothers Karamazov" by F.M. Dostoevsky // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 187-191.
17. Popov S.A. The contribution of Voronezh scientists to the toponymic study of the native land // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 255-259.
18. Koroleva I.A. Professor G.F. Kovalev in the mirror of works of the XXI century // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 229-232.
19. Pashayeva Yunus F.S. Name as a conductor of the culture of the people // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 239-243.
20. Kryuchkova T.M. Gephironyms of Voronezh and the Voronezh region // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 232-235.
21. Petrachkova I.M. On the question of the interpretation of a proper name in a dramaturgical text: the components of the onomastic matrix in Alexander Mikhailovich Galina's play "Stars in the morning Sky" // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 243-248.
22. Vozmilova A.A., Prisekina V.O. The effectiveness of YouTube video hosting as a channel for promoting music bloggers // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 271-274.

23. Kuzminykh E.O., Kuzminykh N.A. Linguistic features of chat communication (based on the material of messages in the VKontakte social network) // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 277-283.

24. Lakhina P.K., Timofeeva E.S. Pros and cons of modern youth media on the example of the publication "The Raven and the hedgehog" // Linguocultural universals in the world space: materials of the IV International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 283-286.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки** [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6] с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания

Морозова Н.С.

Россия, г. Северодвинск,

тел. +7(88182)53-84-00

e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer

Morozova N.S.

Russia, Severodvinsk,

tel. +7(88182)53-84-00

e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 2(49) 2023

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 28.06.2023. Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 30 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84